

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOSOPHY and PSYCHOLOGY

Издается с 2007 г.
(до 2017 г. – под названием
«Философия и социальные науки»)

Выходит три раза в год

1

2018

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	РУБАНОВ А. В. – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: sociology@bsu.by
Заместитель главного редактора	ЛЕГЧИЛИН А. А. – кандидат философских наук, доцент; заместитель декана по научной работе, заведующий кафедрой философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: liahchylina@bsu.by
Ответственный секретарь	ДОБРОРОДНИЙ Д. Г. – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: danila_dobr@mail.ru
Агилера М.	Малагский университет, Малага, Испания.
Андрющенко В. П.	Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина.
Бабосов Е. М.	Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Безнюк Д. К.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Водопьянов П. А.	Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь.
Вольферт П.	Билефельдский университет прикладных наук, Билефельд, Германия.
Гигин В. Ф.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Данилов А. Н.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Журавлев А. Л.	Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Зеленков А. И.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Иванич П.	Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Карамушка Л. Н.	Институт психологии им. Г. С. Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, Киев, Украина.
Кирвель Ч. С.	Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Козловский В. В.	Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
Королева И.	Институт философии и социологии Латвийского университета, Рига, Латвия.
Косецки А.	Пултуска академия гуманитарных наук им. Александра Гейштора, Пултуск, Польша.
Купченко В. Е.	Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.
Лазаревич А. А.	Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Лаптёнок А. С.	Институт социально-гуманитарного образования, Минск, Беларусь.
Мазилев В. А.	Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль, Россия.
Новиков В. Т.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Порус В. Н.	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
Ротман Д. Г.	Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Румянцева Т. Г.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Слепович Е. С.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Стелинговска Б.	Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша.
Стёпин В. С.	Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия.
Терещенко О. В.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Титаренко Л. Г.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т.	Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Фурманов И. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Шатравский С. И.	Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Якубовска В.	Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Янчук В. А.	Академия последилового образования, Минск, Беларусь.
Яскевич Я. С.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **RUBANAU A. V.**, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: sociology@bsu.by

Deputy editor-in-chief **LIAHCHYLIN A. A.**, PhD (philosophy), docent; deputy dean for scientific activity, head of the department of philosophy of culture of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: liahchylin@bsu.by

Executive secretary **DOBRORODNII D. G.**, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

- Aguilera M.** University of Malaga, Malaga, Spain.
- Andryushchenko V. P.** National Pedagogical M. P. Dragomanov University, Kyiv, Ukraine.
- Babosov Y. M.** Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Beznyuk D. K.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Vodopyanov P. A.** Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus.
- Wolfert P.** University of Applied Sciences, Bielefeld, Germany.
- Hihin V. F.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Danilov A. N.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Zhuravlev A. L.** Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Zelenkov A. I.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Ivanic P.** Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
- Karamushka L. M.** N. S. Kostyuk Institute of Psychology of the National Academy of Educational Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
- Kirvel C. S.** Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
- Kozlovski V. V.** Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
- Koroleva I.** Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia, Riga, Latvia.
- Kosecki A.** Aleksander Gieysztor Academy of Humanities, Pułtusk, Poland.
- Kupchenko V. E.** Omsk F. M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia.
- Lazarevich A. A.** Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Laptenok A. S.** Institute for Social and Humanities Education, Minsk, Belarus.
- Mazilov V. A.** Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.
- Novikov V. T.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Porus V. N.** National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.
- Rotman D. H.** Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Rumyantseva T. G.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Slepovich E. S.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Stelingowska B.** Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland.
- Stepin V. S.** Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Tereschenko O. V.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Titarenko L. G.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Toshchenko Zh. T.** Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Fourmanov I. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Shatrauski S. I.** Institute of Theology named after Sts. Methodius and Cyrill of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Jakubovská V.** Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
- Yanchuk V. A.** Academy of Post Graduate Education, Minsk, Belarus.
- Yaskevich Y. S.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.

ПЕРВЫЙ БЕЛОРУССКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС «НАЦИОНАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ»

THE FIRST BELARUSIAN CONGRESS OF PHILOSOPHY «NATIONAL PHILOSOPHY IN THE GLOBAL WORLD»

ФИЛОСОФИЯ ОБЪЕДИНЯЕТ

THE PHILOSOPHY UNITES

В Минске 18–20 октября 2017 г. состоялся Первый Белорусский философский конгресс. Значимость и символический смысл этого события определялись не только его впечатляющим масштабом и международным резонансом, но и основной идеей конгресса, которая весьма убедительно прозвучала в названии: «Национальная философия в глобальном мире».

Само название стало своеобразной парадигмальной программой конгресса, во многом определившей его содержательную и тематическую направленность, а также пространство дискуссий и обмена мнениями по актуальным вопросам о роли и социокультурном статусе философии в современном бурном и непредсказуемо меняющемся мире. Для Беларуси как страны, которая не так давно обрела независимый суверенный статус, предложенная тема конгресса имела особый, во многом смыслоопределяющий характер. С одной стороны, данная тема позволяла вполне репрезентативно продемонстрировать не только коллегам из многих стран мира, но и самой широкой общественности ту укорененную в веках философскую и культурную традицию, которой по праву может

гордиться современная Беларусь. С другой – она ориентировала участников конгресса, прежде всего представляющих философское сообщество нашей страны, на то, чтобы убедительно раскрыть ее роль, значение и важность тех социокультурных инициатив и конструктивных предложений, с которыми в последнее время очень ярко и результативно выступает Беларусь в региональной и европейской политике, экономике, культуре. Неслучайно за нашей республикой уже вполне устойчиво закрепился своеобразный «бренд» инициатора нового мирного процесса в Европе, получившего условное название «Хельсинки-2». Наряду с весьма обширным полем традиционных для философии проблем этот тематический тренд активно и с различных мировоззренческих и методологических позиций обсуждали более 500 участников конгресса, представлявших философские сообщества 20 стран мира (Россия, Китай, США, Франция, Италия, Польша, Казахстан, Болгария, Литва и др.).

Масштаб и социокультурный резонанс конгресса определялись как актуальностью востребованностью его проблематики, так и инновационными формами организации основных научных и культурных

событий. На академических площадках Беларуси – Национальной академии наук, Белорусском государственном университете, Академии управления при Президенте Республики Беларусь – развернули работу три крупные международные конференции, пять тематических круглых столов, ряд коллоквиумов и дискуссионных клубов. Конгресс стал первым серьезным испытанием для недавно созданного Белорусского философского общества.

Торжественное открытие и первый день работы конгресса прошли в НАН Беларуси. Значимость и высокий социальный статус этого события был подчеркнут в приветствии участников конгресса от Президента Республики Беларусь. Председатель Президиума НАН Беларуси Владимир Григорьевич Гусаков огласил приветствие Главы государства, а затем выступил с пленарным докладом «Роль философии в национально-государственном строительстве и развитии научной сферы Беларуси».

С основными докладами на первом пленарном заседании конгресса выступили также генеральный секретарь Международной федерации философских обществ доктор философии, профессор Лука Мария Скарантино «Философия: национально-культурные традиции и глобальное мышление»; почетный директор Института философии РАН доктор философских наук, профессор, академик РАН Вячеслав Семёнович Стёпин «Кризис современной цивилизации и проблема объединяющих ценностей»; профессор кафедры геопро пространственных наук Рэдфордского университета (США) Григорий Иоффе «Место и роль Беларуси в современных геополитических процессах».

Второй день работы конгресса по своей насыщенности научными событиями и мероприятиями, а также по интенсивности профессиональных контактов не уступал первому дню, а возможно, и превосходил его. К основной площадке событий конгресса, которая базировалась в НАН Беларуси, добавилась и университетская площадка. На базе факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета проходило несколько значимых мероприятий конгресса, но, безусловно, важнейшим из них стала Международная научная конференция «Философия и цивилизационные перспективы постсовременности». В ее работе приняли участие более 300 представителей научных и образовательных центров Беларуси и других стран мира. Почти треть участников являлись представителями более 15 государств ближнего и дальнего зарубежья. В тематике докладов и выступлений, прозвучавших на конференции, акцентированно доминировали проблемы социальной философии в самых разных ее версиях и интерпретациях. Сценарий конференции был выстроен достаточно традиционно: в нем предпо-

лагалось проведение пленарного заседания, работа шести самостоятельных форумов и трех круглых столов.

Пленарное заседание открыл ректор Белорусского государственного университета доктор педагогических наук, профессор Андрей Дмитриевич Король, который в кратком приветственном слове пожелал успешной работы участникам конференции. Затем с приветственными выступлениями к собравшейся аудитории обратились генеральный секретарь Международной федерации философских обществ профессор Лука Мария Скарантино и директор Института философии РАН доктор философских наук, профессор, академик РАН Андрей Вадимович Смирнов.

После этих выступлений были заслушаны пленарные доклады конференции. При этом важно отметить, что в переполненном актовом зале факультета философии и социальных наук было немало студентов, которые с особым интересом воспринимали выступления мэтров отечественной философии, привнося в атмосферу конференции подлинный университетский колорит.

Первый пленарный доклад на тему «На каком языке говорит философия» был прочитан доктором философских наук, профессором, академиком РАН Абдусаламом Абдулкеримовичем Гусейновым. Доклад стал блестящей иллюстрацией того, как может настоящий философ безоговорочно овладеть вниманием аудитории, размышляя об очень сложных проблемах конституирования философии как уникальной формы духовной культуры.

Со вторым пленарным докладом на тему «“Логос” и “Дао” образования: куда идет педагогическая наука? Философско-методологический аспект» выступил ректор БГУ доктор педагогических наук, профессор А. Д. Король. Основная идея докладчика состояла в том, чтобы, апеллируя как к западным, так и к восточным философским традициям, обосновать перспективность диалогических образовательных технологий и показать их преимущество в сравнении с монологическим преподаванием. Доклад вызвал неподдельный интерес аудитории, поскольку был не только оригинальным по содержанию, но и ярким и образным по форме.

Третий пленарный доклад на тему «*Intellectual friendship across boundaries: Descartes and Princess Elizabeth*» («Интеллектуальная дружба сквозь границы: Декарт и принцесса Елизавета») был прочитан доктором философии, профессором Миланского университета языков и коммуникации Супаквади Аматаякул (Италия). Данный доклад был выдержан в западных интеллектуальных традициях и стал убедительной иллюстрацией теоретических возможностей методологии *case studies*.

Четвертый пленарный доклад «Философия как атрибут классического университета: социокуль-

турные транскрипции опыта БГУ» был ожидаемо посвящен роли и значению философии в становлении традиций и основных направлений деятельности Белорусского государственного университета на протяжении почти столетней истории его существования. Причем основная идея автора этого доклада – заведующего кафедрой философии и методологии науки доктора философских наук, профессора Анатолия Изотовича Зеленкова – состояла в том, что в полном соответствии с известной максимой, гласящей, что философия есть эпоха, выраженная в мысли, взлеты и падения философии в истории БГУ всегда были социокультурно обусловлены.

Следующий пленарный доклад «Устойчивое развитие и пути выхода из социокультурного кризиса» был прочитан доктором социологических наук, профессором Щетинского университета О. Н. Козловой (Польша). В нем основной акцент был сделан на рассмотрении опыта региона Щетина в освоении экологических ценностей и технологий устойчивого развития.

Последний, шестой, пленарный доклад на тему «Роль экологических факторов в становлении глобализирующегося мира» прочитал заведующий сектором философии биологии Института философии РАН доктор философских наук, профессор Игорь Константинович Лисеев. Основная мысль этого доклада состояла в том, что термины «экология» и «глобализация» стали самыми популярными и символически значимыми в современных языках. Однако реальный смысл этих лингвистических новаций, по мнению докладчика, обнаруживается не столько в языке, сколько в экономике, политике, культуре и образовании.

После пленарного заседания работа конференции продолжилась в рамках шести форумов, в каждом из которых приняли участие от 30 до 40 человек. Тематика форумов была весьма разнообразной и отражала важнейшие тренды и направления современной социальной философии: «Философия в публичном пространстве социума»; «Устойчивое развитие и высокие технологии как актуальные приоритеты социодинамики»; «Современные общества на путях модернизации: проблемы и перспективы»; «Многообразие и диалог культур в ракурсе философского анализа»; «Философия образования и социальные инновации»; «Человек

в рискогенном обществе. Памяти члена-корреспондента РАН Бориса Григорьевича Юдина».

Следует отметить, что работа форумов была организована в соответствии с новейшими инновационными трендами, предполагающими четко фиксированное количество основных докладов с последующей панельной дискуссией по их проблематике.

Завершающей фазой конференции стали три круглых стола, на которых обсуждались следующие темы: «Парадоксы и риски глобализации», «Актуальные проблемы философии религии и религиозоведения», «Социальная коммуникация в пространстве современной культуры».

На базе БГУ состоялось еще одно важное событие Первого Белорусского философского конгресса – проведение круглого стола, организованного самой массовой и широко известной газетой Беларуси «СБ. Беларусь сегодня». Заседание круглого стола проходило в форме креативного диалога белорусских и российских участников конгресса, которые отметили безусловную и принципиальную важность этого научного форума как для дальнейшего развития национальной философской традиции Беларуси, так и для укрепления и поднятия ее авторитета в качестве независимой суверенной страны, выступающей сегодня с важнейшими мирными инициативами, предложениями конструктивного межкультурного и межконфессионального диалога. В заседании круглого стола приняли участие В. С. Стёпин, А. В. Смирнов, А. А. Гусейнов, А. Д. Король, А. И. Зеленков, А. А. Лазаревич.

Состоявшийся конгресс продемонстрировал, что мировое философское сообщество при всем многообразии и порой полярности мнений и взглядов едино в преданности философии и избранному делу. Проведение этого представительного форума продемонстрировало высокий авторитет белорусской философии, гуманитарной науки в целом. Очевидно, что наша страна вполне может рассчитывать на организацию международных научных мероприятий такого уровня и в дальнейшем. По крайней мере, участники конгресса были едины именно в такой оценке его статуса и значения.

А. И. Зеленков,
доктор философских наук, профессор
В. Ф. Гигин,
кандидат исторических наук, доцент

УДК 316.6

ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ КАК ОБЪЕДИНЯЮЩЕЕ НАЧАЛО СТАНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

И. К. ЛИСЕЕВ¹⁾

¹⁾Институт философии РАН, ул. Гончарная, 12, стр. 1, 109240, г. Москва, Россия

Постулируется, что глобализация становится сегодня одним из основных моментов формирования новых цивилизационных установок общественного развития, однако ее различные сферы еще недостаточно разработаны. Рассматривается такой важнейший компонент развития, как соотношение глобализации и экологизации. Показывается, что становление глобальной экологии, синтезирующей различные направления экологической науки, дает возможность оценить сложность, многообразие и нелинейность феномена глобализации с единой организационной точки зрения, что оказывается возможным только при проведении философско-методологического анализа всех направлений с позиций формирующейся в наши дни новой области философских исследований – экофилософии.

Ключевые слова: глобализация; глобализирующийся мир; экология; глобальная экология; биологическая экология; социальная экология; экология человека; экология культуры; экофилософия.

GLOBAL ECOLOGY AS THE UNIFYING BEGINNING OF THE GLOBALIZING WORLD

I. K. LISEEV^a

^aInstitute of Philosophy of the Russian Academy of Science, 12 Goncharnaya Street, 1 building, Moscow 109240, Russia

Globalization is now becoming one of the main moments of the formation of new civilizational attitudes of social development. However, its various spheres have not been sufficiently developed. The article considers such an important component of this development as the correlation of globalization and ecologization. It is shown that the formation of global ecology, synthesizing various directions of environmental science, makes it possible to assess the complexity, diversity and nonlinearity of the phenomenon of globalization from a single organizational point of view. This is possible only when carrying out a philosophical and methodological analysis of all these areas from the standpoint of the emerging in our day a new field of philosophical research – ecophilosophy.

Key words: globalization; globalizing world; ecology; global ecology; biological ecology; social ecology; human ecology; ecology of culture; ecophilosophy.

Сегодня достаточно широко и остро обсуждаются многоаспектные, многоуровневые и полифакторные процессы современного глобализирующегося мира, ведущие к его переходу в новую стадию цивилизационного развития. Однако боль-

шинство теоретиков формирования этой новой цивилизационной стадии развития общества, как правило, ведут речь о социально-политических, финансово-экономических, геополитических, профессионально-культурных и прочих социальных

Образец цитирования:

Лисеев И. К. Глобальная экология как объединяющее начало становления глобализирующегося мира // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 1. С. 7–13.

For citation:

Liseev I. K. Global ecology as the unifying beginning of the globalizing world. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 1. P. 7–13 (in Russ.).

Автор:

Игорь Константинович Лисеев – доктор философских наук, профессор; главный научный сотрудник.

Author:

Igor K. Liseev, doctor of science (philosophy), full professor; chief researcher.
lik6841@mail.ru

закономерностях, игнорируя при этом организационные начала функционирования, существующие в природе и обществе.

В работе Дж. Нейсбита среди мегатрендов, характеризующих новую цивилизационную модель постиндустриализма, названы переходы от развитой техники к высоким технологиям, от национальной к мировой экономике, от краткосрочных к долгосрочным задачам, от централизации к децентрализации, от институциональной помощи к самопомощи, от представительной к непосредственной демократии, от иерархии к сетям и т. д. [1]. Центрами постиндустриального будущего Э. Тоффлер называет разнообразие источников энергии, дифференцированность технологической базы, прекращение конвейерного производства продукции, смену цивилизационных кодов и т. д. [2].

Подобные примеры можно приводить довольно долго. Однако результат будет один: сценарии постиндустриализма, имеющиеся в современной научной литературе, представляются недостаточными для характеристики новой, складывающейся в настоящее время, цивилизационной ориентации, ибо в них остается непроработанной проблема соотношения глобализации с существующими организационными подходами в природе и в обществе.

В этом плане мало полезного дала проводившаяся с 1972 г. серия международных саммитов по проблемам окружающей среды. Наиболее значимыми можно назвать следующие международные саммиты:

- в Рио-де-Жанейро в 1992 г., где была принята «Повестка дня на XXI в.»;
- в Йоханнесбурге (Рио+10) в 2002 г., где обсуждалась так называемая Хартия Земли;
- в Йоханнесбурге в 2008 г., где был представлен план борьбы с бедностью и сохранением окружающей среды;
- в Рио-де-Жанейро (Рио+20) в 2012 г., где был принят итоговый документ «Будущее, которое мы хотим»;
- климатический форум в Париже в 2016 г. и другие подобные встречи.

Еще в документах конференции 1992 г. в Рио-де-Жанейро отмечалось, что в развиваемом подходе необходима разработка и формулировка новых норм, ценностей и отношений, отвечающих требованиям современности, которые, как и их содержательная сторона, остались непроработанными. Однако дальше констатации факта дело не пошло.

В документах всех проведенных встреч указанный выше тезис воспроизводился без расшифровки и рефлексивного анализа. Представляется, что в этом и заключается одна из главных неудач намеченной стратегии. В ней не было философского осмысления проблемы, которое сразу вывело бы на обсуждение новые глубинные цивилизационные аспекты бытия. В результате такого осмысления

более ясной должна стать необходимость корректировки межгосударственных отношений, обязана появиться потребность в повышении энергичности использования международных организаций с учетом возможностей их координирующей деятельности.

Многое для понимания этой ситуации может дать формирующаяся ныне концепция глобальной экологии, объединяющая в себе расширительные трактовки экологии: биологической, человека, социальной и т. д. Первой российской монографией под названием «Глобальная экология» стала работа видного советского биолога-эколога М. И. Будыко, вышедшая в свет в 1997 г. [3]. Автор пишет, что исследованиями в области глобальной экологии он начал заниматься с конца 1940-х гг. Интерес к этой теме значительно возрос в последние годы в результате быстрого развития антропогенных изменений окружающей среды. В монографии ученый дает развернутую характеристику изменений, обсуждает экологические механизмы эволюции живых организмов и человека, а также будущее биосферы.

Однако в 1940-е гг. проблемы новых цивилизационных установок формирования глобализирующегося мира являлись еще не такими острыми. В работе отсутствует и философская рефлексия в связи с обсуждаемыми проблемами. Отдавая должное историческому значению этого исследования, можно сказать, что на сегодняшний день оно не отвечает всем запросам и вызовам современности.

Философы и методологи также обратили внимание на идущий в наши дни процесс расширения предмета экологии как науки, который Н. М. Солодухо назвал процессом формирования всеобщей экологии [4]. На общенаучном уровне познания под всеобщей экологией, с точки зрения исследователя, понимается система знаний о выделенном центральном объекте, чей характер не имеет принципиального значения в среде его местопребывания. Это может иметь как природно-материальное, так и социокультурно-духовное идеальное содержание. Такая всеобщая экология, считает Н. М. Солодухо, обобщает и синтезирует все направления развития экологической мысли [5].

Подобный процесс С. С. Хоружий называет интегральной экологией, дополняющей обычную экологию окружающей среды установками на охрану и защиту общества, культуры и человека. Формирование интегральной экологии ученый обосновывает принципами восточнохристианской духовной традиции, использующей древнюю святоотеческую парадигму космической литургии в качестве идейной основы современной экологической стратегии [6, с. 18–19].

В контексте настоящей статьи глобальная экология выступает не просто как суммативное объединение разных направлений экологии, но и как опреде-

ленный философско-методологический регулятив, фиксирующий общность взаимодействия объектов и сред их обитания безотносительно к субстратам и их составляющим, а также вычлняющий и рефлексирующий эти моменты. В этом плане глобальная экология становится сегодня вариантом организационной теории, развивающей и уточняющей предшествовавшие концепции.

Рассмотрим эту ситуацию более подробно. Современный мир стремительно развивается и изменяется. При этом одним из основных направлений развития данных процессов становится процесс глобализации отношений и состояний современного мира. Глобализация затрагивает все больше сфер современного бытия человека и общества. Речь идет об экономическом, политическом, культурном и прочих проявлениях глобализации.

Все указанные тенденции попадают в поле зрения современной науки, они всесторонне исследуются, осознаются их закономерности и специфика осуществления в конкретных сферах бытия. Однако по мере накопления данных о фактических региональных проявлениях глобализации все острее возникает вопрос о возможности формирования представлений о феномене глобализации в целом, о его закономерностях и особенностях безотносительно к какому-либо конкретному субстрату, на основе которого осуществляется этот процесс.

История науки знает немало образцов подобных всеобщих обобщающих концепций. Одна из них – первая попытка построения «Всеобщей организационной науки», которую в начале XX в. осуществил А. А. Богданов [7; 8]. Исходной посылкой для автора явилось осознание того, что законы организации систем едины для любых объектов независимо от составляющих субстратов. Отсюда следовал вывод: подобные законы можно изучать в обобщенной форме. Это обстоятельство дает не только объяснительные, но и предсказательные возможности.

Всемирно известен автор другой обобщающей концепции XX в. Людвиг фон Берталанфи, создатель «Общей теории систем». Основной задачей этой теории было формулирование общих принципов и законов существования систем вне зависимости от их специального вида, природы составляющих элементов и отношений между ними [9].

Кибернетику ее создатели, в числе которых Н. Винер, рассматривали как науку об общих закономерностях получения, хранения и передачи информации в сложных управляющих системах безотносительно к их виду [10].

Синергетика этих систем понимается как междисциплинарное направление изучения природных явлений и процессов на основе принципов самоорганизации независимо от их видовой специфики [11].

Российский ученый С. В. Мейен во второй половине XX в. сформулировал представления о еще

одной обобщающей концепции – учении о многообразии, которое было названо «Диатропика». В этом учении показано, что законы многообразия также носят универсальный характер, прямо не зависящий от материальной природы объектов, составляющих то или иное множество [12, с. 14–20]. Этот обзор ведет к закономерному вопросу: есть ли какая-то универсальная концепция, позволяющая оценить сложность, многообразие и нелинейность феномена глобализации с единой организационной точки зрения?

Представляется, что в современном мире происходит формирование подобной концепции, ее можно назвать «Глобальная экология». В экологии как в конкретной биологической науке уже давно определены предмет исследования, принципы и методы анализа: она изучает закономерности взаимодействия живых организмов друг с другом и со средой их обитания. Однако со второй половины XX в. в экологии – традиционной биологической науке – начал стремительно расширяться предмет исследования: возникли и стали широко обсуждаться проблемы экологии человека, культуры, духа, мышления, творчества, социальной экологии и др. За каждым из этих направлений стояли многочисленные проблемы, требующие рассмотрения в рамках уже новых, формирующихся на этой базе наук. Конечно, не все из названных направлений к настоящему времени приобрели статус наук, но тенденции и интенции каждого из них очевидны в этом плане. При этом характерно, что все направления развивались не как взаимодополняющие подходы, а наоборот, отстаивая статус собственной самодостаточности и самоисключительности. Так, специалисты биологической экологии долгое время не могли смириться с появлением социальной экологии. Они называли этот феномен очередным проявлением идеологизации и политизации науки, сравнивали данные процессы с известными фактами идеологической критики кибернетики, генетики и т. д. Представители социальной экологии, в свою очередь, отрицали самостоятельное существование экологии человека, полагая, что проблематика этой отрасли целиком вписывается в социальную экологию. При этом последнюю нередко сводили к социологии.

Такие противостояния и недоразумения продолжались до начала осознания и формирования представлений о так называемой глобальной экологии. Эта область знания выступала уже не как очередная научная дисциплина, а как определенный методологический конструкт, дающий общий методолого-мировоззренческий взгляд на поставленную проблему и позволяющий видеть всеобщие закономерности взаимодействия объекта и среды его обитания, абстрагируясь от их составляющих реальных субстратов.

В наши дни идет формирование нового взгляда на глобальную экологию как на философско-методологический регулятив, фиксирующий общность взаимодействия объектов и сред их обитания относительно к их составляющим субстратам.

Исследование данных закономерностей и их рефлексивная оценка легли в основу возникающей сегодня новой области философского знания – философии экологии, которая не только трактует все дисциплины экологического характера как научные направления, но и рассматривает их с философско-мировоззренческих общекультурных позиций [13]. При этом вполне естественно и закономерно возникает понимание того, что именно философское рассмотрение тенденции развития и расширения экологической проблематики, столь смыслобита для современного общества, может дать обогащение, приращение и трансформацию существующих подходов, а также выступить как порождающий ведущий фактор их обновления и включения в широкий общецивилизационный контекст понимания закономерностей глобальных процессов.

Современная философия экологии – это область философских исследований, изучающая основания самых разных направлений современного социоприродного взаимодействия. В развитии и содержательном наполнении она бросает вызов многим традиционным представлениям о бытии мира и человека, глубоко укорененным в современной культуре. В лоне ее исследований показывается, что человеческая цивилизация в данный момент условно находится на распутье. Традиционно сложившиеся в культуре нормы и установки, исследовательские программы, познавательные модели, ценностные ориентации и деятельностные регулятивы близки к исчерпанию и плохо отвечают новым реалиям современности. Человечество живет в ситуации глубокого кризиса культуры, катастрофического состояния отношений природы и общества, кризиса норм и идеалов в науке, искусстве, политике, праве, педагогике, т. е. во всем мировоззрении в целом. Сложившееся положение не является результатом ошибки или неправильно выбранной стратегии экономического, политического или социального развития, оно представляет собой отражение глубинного кризиса техногенной цивилизации, охватывающего весь комплекс взаимодействий людей друг с другом, обществом и природой.

Сегодня перед экофилософией стоят задачи внесения вклада в новую цивилизационную проблематику культуры; осознания возникающих ценностно-нормативных отношений, позволяющих преодолеть отчуждение человека от природы; выработки экологического мировоззрения; формулировки экологических императивов взаимодействия общества и природы. Всего этого возможно достичь,

только обратившись к фундаментальным основаниям философского знания с целью их переосмысления в связи с требованиями времени.

Ответы философии на вызовы, брошенные экологией, с нашей точки зрения, должны быть отражены в трансформации действующих ныне онтологических, методологических и аксиологических установок.

В онтологическом аспекте особое внимание должно быть обращено к исследованию онтологических схем, представленных как в различных науках, так и в направлениях одной науки. Естествознание наших дней взаимодействует со множеством картин природы и онтологических объяснительных схем, зачастую альтернативных друг другу или не связанных между собой. Это ведет к непониманию и несовпадению картин мира, предлагаемых различными областями научного знания. В частности, в биологии так и не был преодолен разрыв между эволюционным, организационным и функциональным подходами к исследованию живого. Биология и экология ориентируются на разные картины мира.

Задача трансформации онтологического направления в целях нахождения ответов на вызовы науки видится в выявлении онтологических моделей, лежащих в основаниях различных подразделений современной науки о жизни, рефлексивной работе по осмыслению сути, взаимоотношений, рационализации и упорядочению этих моделей.

Проведенная работа в конечном итоге должна вести к новому пониманию природы, освобожденному от натурфилософских представлений о ней как о существующей независимо от человека. Фундаментальными абстракциями, консолидирующими новую концепцию философии природы, становятся идеи глобального эволюционизма, коэволюции, человекообразности естественнонаучных концепций.

Философия природы переходит из некоей мировой схематики, характерной для натурфилософии, в философские размышления человека, существующего в природной среде и вовлеченного в сложную сеть взаимоотношений с природой. Природа втянута в горнило человеческой деятельности и не может быть осмыслена вне этих отношений и независимо от исторического мира культуры.

В методологическом плане трансформация философского знания под давлением реалий научного познания должна способствовать осознанию того, каким образом новые методологические конструкты ведут к инновационному выходу за пределы существующих стандартов. Осознание и формулировка в науке новых методологических принципов, имеющих порождающий характер, как правило, ведет к становлению новой картины реальности. Это ярко проявилось в процессе утверждения новых познавательных установок целостности, организа-

ции, эволюции и системности. Сегодня на повестке дня находится утверждение нового познавательного конструкта – коэволюции, отражающей механизм сопряжения организации и эволюции материальных систем. Идея коэволюции может стать новой парадигмальной установкой культуры XXI в., задать новые перспективы для синтеза естественных и социальных наук, преодолеть ограниченность натурализма, социологизма и историцизма, объединить альтернативные стратегии элементаризма и системности, эволюционизма и структурализма.

Весьма важные изменения, как представляется, должны произойти и в сфере аксиологии, поскольку все цивилизационные установки техногенного общества, ориентированного на идею прогресса, принимают фактор конкуренции, соревновательности, взаимной борьбы в качестве ведущего фактора прогресса, ссылаясь при этом на дарвиновское положение о борьбе за существование. Однако в биологии уже давно показана альтернативность этой позиции. Так, российский ученый К. Ф. Кесслер, а также П. А. Кропоткин и другие исследователи одними из первых обратили внимание на то, что наиболее приспособленными часто оказываются не те, кто физически сильнее и агрессивнее, а те, кто лучше объединяется, кооперируется, помогает другому. Это привело к созданию концепции, согласно которой взаимная помощь выступает как ведущий фактор эволюции и двигатель прогресса. Данная позиция получила поддержку и в современной литературе (Б. Л. Астауров, В. П. Эфроимсон, Л. В. Крушинский и др.). Физиолог бактерий академик Г. А. Заварзин, критикуя рыночную концепцию конкуренции, утверждает, что главный тезис антирыночной концепции – функциональное положение организма в трофической системе – предполагает, в первую очередь, кооперацию, а не конкуренцию [14, с. 129]. Трудно переоценить значение этих идей, перенесенных из сферы биологии в сферу социума и закрепленных отрефлексированной философской мыслью. Подобные вызовы, идущие к философии от науки, требуют глубинной трансформации действующих в философии принципов, создания новых направлений исследования, отвечающих веяниям времени.

Знания, накапливаемые в глобальной экологии, не только объясняют неизвестные стороны действительности, но и призваны выполнять предписывающие функции по отношению к человеческой деятельности, формировать экологическую культуру. В свете экологической проблематики новый смысл и значение приобретает проблема гуманизма. Ныне вместо антропо- и социоцентристской зарождается новая система ценностей, учитывающая неразрывную связь человека с природой. Если сущностью культуры в широком смысле всегда было отличие социального от природного, то сущностью

экологической культуры, наоборот, является совмещение социального с природным, их единство.

Однако развитие этих процессов невозможно без углубленного изучения и исследования современных проблем экологической этики. Известные российские ученые-естественники В. И. Данилов-Данильян и К. С. Лосев отмечают: «Никакие научно-технические нововведения, экополитические преобразования, социальные реформы, сами по себе не обеспечат устойчивость развития цивилизации. Устойчивое развитие возможно только как результат этического обновления человечества, формирование новой системы ценностей, новых моральных императивов» [15, с. 13]. Под этим положением может ныне подписаться любой широко мыслящий человек. Однако возникают вопросы: «как реализовать это развитие?», «как добиться формирования новой системы ценностей?», «что должно составлять ее содержание?».

В научной литературе сегодня обсуждается как минимум пять различных, а зачастую и альтернативных друг другу сценариев экологического будущего человечества. Реализация каждого из них требует и своего «экологического мышления», и своей «экологической морали». Кроме того, задача формирования современного экологического мировоззрения заключается отнюдь не в ориентации исключительно на научные знания, в его становлении огромную роль играет традиция как способ бытия человека в мире. Традиция дает предпонимание, составляющее горизонт человеческого бытия, в котором живет и мыслит человек. Бытие также определяет и характер осмысления человеком действительности.

Одним из наиболее давних является антропоцентрический подход, прошедший фактически через всю историю философской мысли и сохраняющий свою значимость. Его сторонники, рассматривая человека как вершину, венец прогрессивного развития живого, исходили из якобы весьма гуманистической установки: все во имя человека, все для блага человека. Эта установка основывалась на знаменитом выражении Протагора: «Человек есть мера всех вещей». В указанном утверждении в XIX и XX вв. присутствовала и заявленная К. Марксом, но так и не реализованная формула: свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех.

Ориентация на выделенное, изолированное развитие человека, без учета его сложнейших взаимосвязей и взаимозависимостей с обществом и природой по сути вела к постановке ложных и фактически не выполнимых целей и задач.

Близким к антропоцентризму и столь же односторонним оказался социоцентрический подход. Теоретиков этого подхода интересовало общество как целое и взаимосвязи его различных элементов. Это направление исследований является безуслов-

но важным и продуктивным (если оно не замыкается само на себе, а учитывает все взаимосвязи системы «человек–общество–природа»). К сожалению, на практике социологизм, абсолютизируя социальные, часто упускал из вида все иные аспекты.

Фактически цивилизация индустриального общества пошла по пути экспансии техноцентристских установок как ведущих ориентиров становления и развития техногенной цивилизации.

Новые высокие технологии, возникшие в XX в. (прежде всего ядерные, компьютерные, информационные и биоинженерные), оказались тесно связаны не только с техническими задачами, но и со множеством цивилизационных инноваций. Они привели к новым формам организации человеческой деятельности и производства, отношения к природным ресурсам и т. д. Это, с одной стороны, способствовало небывалому взлету научно-технического прогресса, а с другой – поставило человечество на край бездны, вызвав экологический, сырьевой, демографический и в целом антропологический кризис.

Логичным продолжением техноцентристской экспансии стали идеи космоцентризма. В их основе лежит знаменитое изречение К. Э. Циолковского: «Земля – колыбель человечества, но нельзя вечно жить в колыбели». Данный путь виделся и как результат новых технических возможностей, и как ответ на тревожные вызовы современных глобальных проблем. Однако по сути этот путь концептуально мало отличался от идеологии техноцентризма со всеми ее достоинствами и недостатками.

В середине XX в. стала нарастать идеология биоцентризма как своеобразная реакция на все беды неконтролируемого техногенного развития общества. В ее основе лежал призыв возврата к доминированию ценностей жизни в противовес ценностям техники, политики, экономики.

Идеи благоговения перед жизнью, в свое время заявленные А. Швейцером, получили развитие

в многочисленных направлениях глубинной экологии, биоэтики, биополитики и т. д. В то же время, всячески приветствуя и поддерживая тенденцию увеличения биологической грамотности населения, смены акцентов на ценности жизни и мира, нельзя не видеть ограниченности и этого подхода, взятого изолированно от всех других. Только пройдя через увлечение и определенное разочарование всеми названными подходами, совокупная общественная мысль сегодня все более склоняется к осознанию того, что доминанты, определявшие развитие техногенной цивилизации, должны быть заменены доминантами экогенной цивилизации. С этих позиций глобализирующийся мир будет устойчивым только в рамках экогенной цивилизации.

Резюмируя все сказанное, можно констатировать, что философский анализ процессов, разворачивающихся в формировании глобализирующегося мира, свидетельствует о возникновении в этой сфере новой интегративной концепции, которую можно назвать «глобальная экология». Эта концепция дает возможность проанализировать общее в таких, казалось бы, далеких друг от друга областях, как экология человека, духа, культуры, а также социальная и биологическая экология и т. д. Глобальная экология способствует оценке феномена глобализации с единой организационной точки зрения.

Подобный широкий теоретико-методологический взгляд позволяет осознать и выделить не только общие познавательные процессы и организационные характеристики исследуемых сфер бытия, но и увидеть возникновение инновационных порождающих механизмов новой организационной структуры мира.

Задача будущего – последовательный, скрупулезный анализ всех этих явлений. Но одна из целей любого философского исследования заключается не столько в том, чтобы решить проблему, сколько в том, чтобы ее поставить и артикулировать.

Библиографические ссылки

1. *Нейсбит Д.* Мегатренды / пер. с англ. М. Б. Левина. М. : АСТ : Ермак, 2003.
2. *Торфлер Э.* Третья волна / пер. С. Барабанова, К. Бурмистова, Л. Бурмистовой и др. М. : АСТ, 2002.
3. *Будыко М. И.* Глобальная экология. М. : Мысль, 1977.
4. *Солодухо Н. М.* Актуальные вопросы всеобщей экологии. Казань : КГТУ, 2007.
5. *Солодухо Н. М.* Методические разработки к спецкурсу «Основы всеобщей экологии». Казань : КГТУ, 1995.
6. *Хоружий С. С.* Социум и синергия: колонизация интерфейса. Казань : КИУ (ИЭУП), 2016.
7. *Богданов А. А.* Тектология: Всеобщая организационная наука : в 2 кн. М. : Экономика, 1989. Кн. 1.
8. *Богданов А. А.* Тектология. Всеобщая организационная наука : в 2 кн. М. : Экономика, 1989. Кн. 2.
9. *Von Bertalanffy L.* General System Theory. Foundations, Development, Application. New York : George Braziller, 1969.
10. *Винер Н.* Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / пер. с англ. И. В. Соловьева, Г. Н. Поварова. М. : Советское радио, 1958.
11. *Хакен Г.* Синергетика / пер. с англ. В. И. Емельянова, под ред. Ю. Л. Климонтовина, Е. М. Осовца. М. : Мир, 1980.
12. *Карпинская Р. С.* Зачем методолог биологу? // Методология биологии: Новые идеи (синергетика, семиотика, коэволюция) / ред. О. Е. Баксанский. М., 2001.
13. *Лисеев И. К.* Философия экологии сегодня // Философ. науки. 2017. № 3. С. 102–115.
14. *Заварзин Г. А.* Антирынок в природе // Высшее образование в России. 2007. № 4. С. 129–133.
15. *Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С.* Экологический вызов и устойчивое развитие. М. : Прогресс-Традиция, 2000.

References

1. Naysbitt J. [Megatrends]. Moscow : AST : Ermak, 2003 (in Russ.).
2. Toffler E. [The Third Wave]. Moscow : AST, 2002 (in Russ.).
3. Budyko M. I. [Global ecology]. Moscow : Mysl', 1977 (in Russ.).
4. Solodukho N. M. [Actual issues of the general ecology]. Kazan' : Kazan National Technological University, 2007 (in Russ.).
5. Solodukho N. M. [Methodological developments to the special course «Fundamentals of the Universal Ecology»]. Kazan' : Kazan National Technological University, 1995 (in Russ.).
6. Khoruzhii S. S. [Socium and sinergy: colonization of interface]. Kazan' : KIU (IEML), 2016 (in Russ.).
7. Bogdanov A. A. [Tectology: General Organizational Science] : in 2 books. Moscow : Ekonomika, 1989. Book 1 (in Russ.).
8. Bogdanov A. A. [Tectology: General Organizational Science] : in 2 books. Moscow : Ekonomika, 1989. Book 2 (in Russ.).
9. Von Bertalanffy L. [General System Theory. Foundations, Development, Application]. New York : George Braziller, 1969.
10. Wiener N. [Cybernetics, or Control and Communication in Animal and Machine]. Moscow : Sovetskoe radio, 1958 (in Russ.).
11. Haken G. [Synergetics]. Moscow : Mir, 1980 (in Russ.).
12. Karpinskaya R. S. [Why a Methodologist for a Biologist?]. In: *Methodology of biology: New ideas (synergetics, semiotics, co-evolution)*. Moscow, 2001 (in Russ.).
13. Liseev I. K. [Philosophy of Ecology today]. *Rus. J. Philos. sci.* 2017. No. 3. P. 102–115 (in Russ.).
14. Zavarzin G. A. [Anti-Market in Nature]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2007. No. 4. P. 129–133 (in Russ.).
15. Danilov-Danil'yan V. I., Losev K. S. Ecological challenge and sustainable development. Moscow : Progress-Traditsiya, 2000 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 25.10.2017.
Received by editorial board 25.10.2017.

УДК 101.2+378.4

ФИЛОСОФИЯ КАК АТРИБУТ КЛАССИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСКРИПЦИИ ОПЫТА БГУ

А. И. ЗЕЛЕНКОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрена проблема роли и статуса классического университетского образования в современной культуре, а также место философии в его академических программах. На этой основе реконструируется история становления и развития философских исследований и образовательных практик в Белорусском государственном университете. Выделяется четыре этапа в этой истории и обосновывается идея о социокультурной детерминации каждого из них.

Ключевые слова: философия; классический университет; история Белорусского государственного университета.

PHILOSOPHY AS AN ATTRIBUTE OF CLASSICAL UNIVERSITY: SOCIAL TRANSCRIPTIONS OF BSU EXPERIENCE

A. I. ZELENKOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The role of classical education in modern culture and also the status of philosophy in the academic curriculums of this education are considered in the article. On this basis the history of formation and development of philosophical researches and educational practices at the Belarus state university is reconstructed. Four stages in this history are separated and the idea about sociocultural determination of each of them is proved.

Key words: philosophy; classical university; the history of Belarusian State University.

Одной из актуальных проблем современной гуманитаристики является широко обсуждаемый вопрос о судьбах философии в изменяющемся мире, о ее самоопределении в современной культуре. В этом контексте представляется важным выделить три различные ипостаси философии как уникального феномена культуры, который уже на протяжении более двух с половиной тысяч лет является неотъемлемым компонентом цивилизации (по крайней мере, в ее западной версии).

Первую ипостась можно определить как «философия в публичном пространстве социума». В этом случае речь идет о том, насколько нужна и востребована философия как рационально-критическая форма рефлексии о делах общества и власти в том или ином социуме, в его культуре, образовании, политических практиках и формах массовой коммуникации.

Вторая ипостась философии представлена в формах профессионально-академического дискурса

Образец цитирования:

Зеленков А. И. Философия как атрибут классического университета: социокультурные транскрипции опыта БГУ // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 1. С. 14–20.

For citation:

Zelenkov A. I. Philosophy as an attribute of classical university: social transcriptions of BSU experience. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 1. P. 14–20 (in Russ.).

Автор:

Анатолий Изотович Зеленков – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии и методологии науки и профессор кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Anatoly I. Zelenkov, doctor of science (philosophy), full professor; professor and head of the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
zelenkov-antl@yandex.by

и общения. Это гораздо более сложное и тонкое понимание ее природы и функций, которое опирается на богатейший опыт развития как самой философии, так и науки, религии, искусства.

Третья ипостась философии обнаруживает себя как фундаментальный компонент гуманитарного образования, комплексной системы воспитания и социализации личности.

Во всех этих трех измерениях философия обнаруживала свое нетривиальное влияние на становление традиций и основные направления деятельности Белорусского государственного университета. Это позволило не только создать подлинно классический университет, функционирование и развитие которого в основном соответствовало аутентичному духу отечественной и мировой философии, но и внести свой посильный вклад в ее творческое развитие. Причем в полном соответствии с известной максимой, гласящей, что философия есть эпоха, выраженная в мысли, взлеты и падения философии в истории БГУ всегда были социокультурно обусловлены.

В современном социуме целый ряд актуальных проблем возникает именно в контексте функционирования и развития философии как образовательного проекта. Многие из этих проблем центрированы в области определения социокультурного статуса современных университетов как мультифункциональных корпораций, призванных не только транслировать знания и технологические навыки, но и выступать центрами генерации и системного обоснования новых культурных ценностей и императивов деятельности. В связи с этим важно подчеркнуть, что в гуманитарном сообществе сегодня активно дебатировается вопрос о судьбах классического образования, о роли и месте традиций в современных образовательных технологиях и практиках. Разлет мнений и оценок в данном вопросе поистине впечатляет. Так, например, один из признанных экспертов в данной области – английский философ и культуролог Билл Ридингс – в бестселлере «Университет в руинах» утверждает, что классический университет эпохи модерна – это немецкая модель, реализованная А. Гумбольдтом в Берлинском университете. Однако сегодня наблюдается закат этой модели, поскольку университет становится постисторическим [1, с. 17–18]. Обосновывая свою точку зрения, Б. Ридингс поясняет, что «Университет превращается из идеологического аппарата национального государства в относительно независимую бюрократическую систему. Экономика глобализации предполагает, что от Университета теперь не требуется готовить граждан, ... создавая и легитимизируя национальную культуру» [1, с. 30]. Современный университет кардинально трансформирует проект либерального образования и ориентируется на стандарты «технобюрократического совершенства».

В таком университете, где принципы образовательной стратегии задают корпоративные регламентации и ценности рыночной экономики, центральной фигурой является уже не преподаватель, а администратор [1, с. 12].

Существуют, конечно, и альтернативные точки зрения, которые подчеркивают не только безусловные исторические заслуги классического университетского образования, но и системно обосновывают принципиальную значимость сохранения традиций классического университета в современных образовательных практиках. Так, например, Н. В. Поляков и В. С. Савчук в обстоятельном совместном труде «Классический университет: от идей античности к идеям Болонского процесса» утверждают, что историческая миссия классического университета как была, так и остается неотъемлемым институтом духовной жизни общества [2, с. 3]. Эта идея об атрибутивности классического университетского образования современной культуре является одним из основополагающих принципов «Великой Хартии университетов» – своеобразного манифеста образовательной политики в плюралистическом мире постсовременности.

Констатация великих заслуг классического университета, его роли в утверждении и сохранении демократических основ социальной жизни отнюдь не исключает понимания того обстоятельства, что он не может рассматриваться как застывшая, архаическая культурная форма и неизменный социальный институт. Конечно, его эволюция и современные модификации существенно определяются социально-экономическими и политическими условиями жизни общества, его религиозными и ментальными особенностями. Подчеркивая это обстоятельство, один из известных авторитетов в области философии образования Г. Карве считает, что сегодня можно говорить о реальном существовании следующих культурных моделей университета: 1) классическая модель; 2) прагматическая модель; 3) модель университета развивающихся стран; 4) революционная модель; 5) контркультурная модель; 6) модель политизированного университета [3].

И все же, по мнению Г. Карве, базовой остается классическая модель университета, поскольку именно она предполагает утверждение в обществе такой системы ценностей, в которой принципы человеческой свободы и творческой реализации способностей личности всегда были значимыми. Среди этих ценностей важное место занимали принципы автономии университетов, взаимосвязи образовательных программ с национальными традициями, приверженности христианскому мировоззрению, интеллектуальной элитарности и др. Все это говорит о том, что исторически классический университет сложился и оформился как свое-

образный «идеальный университет», который и сегодня остается доминирующим в мировом сообществе, по крайней мере, в его европейской и американской составляющих.

Конечно, в эпоху кризиса и догоняющих модернизаций непросто устоять перед соблазном превратить университетское образование в инструмент решения насущных прагматических задач, сделать его максимально прибыльным, рентабельным и социально эффективным предприятием. Однако такая ориентация чревата глобальными угрозами и проблемами. Прежде всего, эта ориентация вступает в очевидное противоречие с самой идеей университетского образования, с ее историческими корнями и истоками.

В этом контексте особое значение приобретает социально-гуманитарное, и в частности, философское образование. На протяжении многих веков развития человеческой культуры философия являлась фундаментальной и смыслообразующей ее компонентой как в цивилизациях Запада, так и Востока. Уникальность философского сознания обнаруживалась в том, что, как правило, оно органично соединяло в себе две важнейшие теоретические интенции: 1) обобщение и интеграцию накопленного человечеством социокультурного опыта, благодаря чему философия выступала духовной квинтэссенцией истории культуры; 2) установку на критическое и творческое переосмысление исторического опыта культуры и наличных форм социальной реальности. Реализация этой установки философского сознания позволяла философии предлагать и обосновывать такие идеи и ценности, которые нередко выполняли функции глубинных духовно-теоретических оснований программ и проектов будущего социального переустройства.

Почти столетняя история Белорусского государственного университета, который сегодня по праву претендует на статус классического университета, убедительно подтверждает тезис об атрибутивности философии не только содержательным параметрам его академических программ, но и самому духу и смыслу его разносторонней деятельности.

Весьма сложную и, несомненно, социокультурно детерминированную историю философских изысканий и исследований в БГУ можно с известной долей условности подразделить на четыре основных периода.

Первый период приходится на 1920–30-е гг., когда в Беларуси в целом и в особенности в нашем университете разрабатывались вопросы истории мировой философской мысли, социальной философии, философии марксизма. Наиболее значительными фигурами, олицетворяющими в этот период подлинный дух философского поиска, являлись Семен Яковлевич Вольфсон, Бернارد Эммануилович

Быховский, Владимир Николаевич Ивановский, Соломон Захарович Каценбоген и др.

Конечно, в их трудах специфика эпохи и ее идеологические приоритеты нередко обретали форму безапелляционных утверждений и однозначных классовых характеристик. Так, например, С. Я. Вольфсон в работе «Интеллигенция как социально-экономическая категория» пишет: «Социальные категории или отдельные лица могут, – в силу совершенно определенных общественных причин, – создавать иллюзию своей внеклассовости, но это только иллюзия» [4, с. 11]. Однако это не препятствует тому, чтобы роль философии как фундаментального основания культуры и методологии научного познания всегда высоко оценивалась ими в независимости от ее социально-классовой ангажированности. Так, профессор В. Н. Ивановский отмечает, что «не может быть великой “мировой” культуры у народа, совершенно чуждого философии: общий расцвет сил народа непременно должен отразиться на его успехах и в этой сфере умственной деятельности» [5, с. 138]. Своеобразным итогом размышлений на эту тему явился вывод: «Без философии, без изучения методологии и истории мысли не может быть настоящего научного знания» [5, с. 139].

Аналогичные идеи характерны и для творчества Б. Э. Быховского. В его работе, вышедшей в свет в 1943 г. и акцентированно направленной на разоблачение антигуманной сущности идеологии фашизма, он, тем не менее, считал необходимым подчеркнуть безусловное влияние философии на величайшие достижения человеческого разума и цивилизации: «Наше мировоззрение – плод, созревший на ветвях живого, могучего, великого древа познания, взращенного более чем двухтысячелетними усилиями людей. <...> Оно является результатом творческих дерзаний лучших умов человечества <...> оно есть итог, сумма, вывод всей предшествующей истории духовной культуры» [6, с. 1].

Второй период приходится на 1940–60-е гг. В это время философия приобретает статус одной из наиболее продуктивных исследовательских стратегий и фундаментальной составляющей марксистского мировоззрения. Безусловно, эпохальным событием этого исторического периода явилась победа советского народа в Великой Отечественной войне. Естественно, это не могло не сказаться на проблематике и направленности философских исследований. Тот ответ на вызов истории, который в этом испытании продемонстрировал всему миру и белорусский народ, свидетельствовал о величии его духа и пассионарном потенциале. Поэтому вполне понятным является всплеск интереса к исследованиям истории белорусской философской и общественной мысли – тем духовным тра-

дициям, которые помогли выстоять в этой войне. И здесь прежде всего следует назвать имена Ивана Николаевича Лущицкого и Василия Ивановича Степанова – университетских профессоров, которые заложили основы последующих философских исследований революционно-демократической мысли в отечественной истории.

Данная проблематика приобретает характер доминирующих тем исследования в целом ряде авторских работ В. И. Степанова, которые завершаются докторской диссертацией, защищенной в 1959 г. Его философское мировоззрение всегда цементировалось идеей, согласно которой так важно знать «правдивую историю русской культуры и идейного развития народа, потому, что она в значительной мере проливает свет на вопрос об исторической подготовке советского народа к осуществлению им роли авангарда трудящегося человечества» [7, с. 7].

Аналогичные взгляды и оценки роли Советского Союза в исторических перипетиях середины XX в., и в частности, белорусского народа разделял и И. Н. Лущицкий. В своей обстоятельной работе «Нарысы па гісторыі грамадска-палітычнай і філасофскай думкі ў Беларусі ў другой палавіне XIX веку» он писал: «Распрацоўка і прапаганда гераічнага мінулага народаў Савецкага Саюза, іх рэвалюцыйна-дэмакратычнай грамадскай і філасофскай думкі садзейнічае развіццю савецкага патрыятызму, культывіруе патрыятычны гонар за вялікія справы сваіх суайчыннікаў» [8, с. 4].

В 1970–80-е гг. в нашей республике на системной профессиональной основе разворачивается подготовка студентов и аспирантов в области философии. Это не могло не сказаться на фронтальной интенсификации философских исследований и разработок. Не только в БГУ, но и в АН БССР, а также в других высших учебных заведениях страны складываются серьезные исследовательские центры, в рамках которых формируются и заявляют о себе белорусские философские школы в области истории национальной философии и общественной мысли, философии и методологии науки, социальной философии и теоретической социологии, этики, эстетики и религиоведения.

Однако не следует забывать о той специфической духовной и идеологической атмосфере, которая в то время официально санкционировалась в общественном сознании в целом и в философии в частности. Она существенно влияла на выбор проблематики и приоритетов философских исследований. В сфере социальной философии, этики, аксиологии и других разделах философского знания, непосредственно касающихся мировоззренческой проблематики, господствовала достаточно жесткая регламентация (если не сказать, цензура), предписывающая нормы и правила правоверного марксизма-ленинизма. Основоположения истори-

ческого материализма, решения партийных съездов и форумов очерчивали то концептуальное пространство, в рамках которого допускалось мыслить и философствовать. Конечно, такая перспектива устраивала далеко не всех. Отмеченное обстоятельство было одной из причин того, что творчески мыслящие представители философского сообщества нередко отдавали предпочтение исследованиям в сфере гносеологии и философии науки. Однако и здесь ситуация была весьма неоднозначна. С одной стороны, неопозитивистская доктрина философии науки во второй половине XX столетия обнаружила свою очевидную несостоятельность и оказалась в ситуации серьезного кризиса. С другой стороны, весьма популярная в рамках марксистско-ленинской философии программа философских вопросов естествознания, несмотря на определенные достижения и позитивные результаты, также все более рельефно обнаруживала симптомы стагнации и утраты эвристического потенциала.

В этих условиях интерпретация науки как социокультурного феномена, детерминированного комплексом исторических, психологических и социальных характеристик, становится весьма популярной и востребованной. Именно такая интерпретация науки развивается в ряде постпозитивистских моделей и концепций, представленных в работах Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейрабенда, С. Тулмина и многих других. Однако характерной особенностью большинства этих концепций являлось то, что они, как правило, лишь прокламировали факт социокультурной обусловленности научного познания, не предлагая при этом конкретных и инструментально эффективных механизмов опосредования и взаимосвязи культуры, философии и реальной практики научных исследований.

Убедительные ответы на эти фундаментальные вопросы методологии науки были предложены и обоснованы в разработанной в этот период концепции структуры и динамики науки академика Вячеслава Семёновича Стёпина. С 1981 по 1987 г. он возглавлял кафедру философии гуманитарных факультетов БГУ, его идеи и исследования стали своеобразным теоретическим фундаментом Минской философско-методологической школы. Впоследствии она приобрела широкую известность не только в Беларуси, но и далеко за ее пределами. В эти годы на кафедре готовится издание целой серии книг по философии и методологии науки [9–11]. Авторами этих книг, наряду с известными в Советском Союзе специалистами, становятся преподаватели кафедры философии БГУ. В 1986 г. впервые в Беларуси также на базе кафедры организуется круглый стол журнала «Вопросы философии». Все это означало факт легитимации Минской философско-методологической школы. Она, наряду

с Ростовской, Новосибирской, Киевской и другими школами, способствовала заметному расширению союзного философского ландшафта.

В отличие от постпозитивистских концепций структуры и динамики науки, разработанная В. С. Стёпиным философская модель научно-теоретического знания обнаруживала свою очевидную эвристичность и методологическую конкретность. Она оказалась не просто объяснительной конструкцией, а реально работающим методологическим инструментом, открывающим перспективы его использования в широком спектре естественных и социальных наук. Это стало одной из решающих причин успеха и популярности данной концепции среди многих сотрудников кафедры, которые начали активно исследовать философско-методологические проблемы физики, биологии, экологии и ряда социально-гуманитарных наук.

В этот период проблематика философско-методологических исследований обретает особый статус, позволяющий философскому сообществу в рамках специализированного языка и весьма отвлеченных от непосредственной социальной реальности теоретических дискуссий разрабатывать новые концептуальные модели динамики науки, философии, культуры. При этом было важно обосновать специфику методологической рефлексии как уникальной эпистемологической процедуры и особого типа анализа научно-познавательной деятельности.

Указывая на эту специфику, В. С. Стёпин отмечает, что такие концептуальные модели «формируются за счет постоянной генерации в системе философского знания новых категориальных структур, которые обеспечивают новое видение как объектов, преобразуемых в человеческой деятельности, так и самого субъекта деятельности, его ценностей и целей» [12, с. 283].

С конца 80-х гг. XX в. можно обозначить четвертый период в развитии научных исследований в области философии в Белорусском государственном университете. Конечно, этот период невозможно понять и адекватно оценить без уяснения тех кардинальных изменений, которые произошли в это время в социальных и мировоззренческих устоях государства и общества. Девяностые годы существенно трансформировали прежние приоритеты философского и социально-гуманитарного познания. Да и сама философия под давлением нахлынувшей волны потребительства и коммерциализации испытала очевидный шок от растерянности духа и утраты ее социального статуса.

Тем не менее, жизнь продолжалась, и философское сообщество БГУ в этих новых социокультурных условиях существования Беларуси как суверенной страны осваивает новые ареалы проблемного поля философии. В 90-е гг. XX в. на базе БГУ

был проведен ряд крупных международных научных конференций, посвященных проблемам социального познания и его философско-методологических оснований. В этот период в серии «Наука и гуманистические ценности» издается несколько книг, в которых университетскими философами совместно с исследователями из России, США, Германии, Болгарии и других стран продолжался анализ социокультурных оснований научного познания. Однако время все более остро вносит свои коррективы. Формируется новая парадигма философских исследований, в рамках которой проблематика социокультурной детерминации познания дополняется анализом вопросов гуманизации науки, расширения ее предметного пространства, фиксации антропологических и экзистенциальных измерений научного знания. Начинают активно разрабатываться проблемы социальной философии, философии образования, социальной экологии и экологической культуры [13–19].

В последние годы традиции Минской философско-методологической школы достаточно рельефно проявляются в разработке социально-экологической проблематики применительно к относительно стабильным социумам и тем социальным системам, которые находятся в состоянии цивилизационных трансформаций. Эти проблемы активно исследуются на междисциплинарном уровне с привлечением концептуальных подходов и методологических стандартов, разработанных в философии, культурологии, методологии науки. Именно такой междисциплинарный подход характерен для масштабного исследовательского проекта «Экологическая мысль народов мира», который реализуется на кафедре философии и методологии науки в последнее десятилетие. В рамках этого проекта уже издано три тома экологической антологии, посвященной реконструкции основных идей и ценностей экокультуры восточных славян, западно-европейской цивилизации и традиционных обществ Востока [20–22].

Однако какие бы проблемы ни исследовались сегодня философами БГУ, в их интерпретациях всегда ощущается влияние тех ценностных приоритетов и мировоззренческих установок, на основе которых Минская философско-методологическая школа была сформирована и консолидирована как особое научное сообщество и творческий коллектив. Важнейшими из этих установок были и остаются верность профессиональному долгу, трезвая рациональность мысли и методологическая аналитика. Сегодня, как и ранее, успешно работать в области философии и методологии науки можно лишь при условии существования особой интеллектуальной атмосферы, в которой непреложными ценностями являются приверженность традициям научного разума, творческая продуктивность и са-

мокритичность мысли, ясность и обоснованность выдвигаемых гипотез и концепций.

Хотя новая генерация философов далеко не всегда солидарна с этими нормативными установлениями, пытаясь в соответствии с непреложными законами смены поколений подвергнуть сомне-

нию сложившиеся взгляды и представления, хочется высказать надежду на то, что столетний юбилей Белорусский государственный университет встретит не только сохранив, но и приумножив традиции и творческие достижения Минской философско-методологической школы.

Библиографические ссылки

1. Ридингс Б. Университет в руинах / пер. с англ. А. М. Корбута, под общ. ред. М. А. Гусаковского. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2010.
2. Поляков Н. В., Савчук В. С. Классический университет. От идей античности к идеям Болонского процесса : монография. Днепропетровск : Издательство Днепропетровского национального университета, 2007.
3. Карве Г. Культурные модели университета // *Alma mater*. 1996. № 3. С. 28–32.
4. Вольфсон С. Я. Интеллигенция как социально-экономическая категория. М. ; Л. : Государственное издательство, 1926.
5. Ивановский В. Н. Методологическое введение в науку и философию. Минск : Белтрестпечат, 1923. Том 1.
6. Быховский Б. Фельдфебели в Вольтерах (феминизм и философия). М. : Государственное издательство политической литературы, 1943.
7. Степанов В. И. Философские и социологические воззрения В. Г. Белинского. Минск : Издательство БГУ им. В. И. Ленина, 1959.
8. Лушчыцкі І. Н. Нарысы па гісторыі грамадска-палітычнай і філасофскай думкі ў Беларусі ў другой палавіне XIX веку. Мінск : БДУ, 1958.
9. Природа научного познания: логико-методологический аспект / под ред. В. С. Стёпина. Минск : БГУ, 1979.
10. Идеалы и нормы научного исследования / под ред. В. С. Стёпина. Минск : БГУ, 1981.
11. Научные революции в динамике культуры / под ред. В. С. Стёпина. Минск : БГУ, 1987.
12. Стёпин В. С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2000.
13. Мировоззренческие структуры в научном познании / редкол. Л. М. Сущеня, Ф. Н. Капуцкий, А. И. Зеленков и др. Минск : Университетское, 1993.
14. Социально-гуманитарное познание и императивы современной культуры : сб. науч. тр. / редкол. А. И. Зеленков, Я. С. Яскевич, А. В. Барковская и др. Минск : ИПИ Министерство экономики Республики Беларусь, 1994.
15. Тегало Л. И., Зеленков А. И. Современная антропология. Минск : Белорусская наука, 2012.
16. Анохина В. В. Культурная традиция в парадигмах современной философии. Минск : БГУ, 2014.
17. Екадумов А. И. Диалог культур и парадоксы мультикультурализма в многополярном мире. Минск : БГУ, 2015.
18. Социум, цивилизация, культура в исследовательских традициях классической и современной философии / под ред. А. И. Зеленкова. Минск : БГУ, 2015.
19. Философия устойчивого развития и социальная экология / под ред. А. И. Зеленкова. Минск : БГУ, 2015.
20. Антология экологической мысли. Восточные славяне / под ред. А. И. Зеленкова. Минск : Харвест, 2003.
21. Антология экологической мысли. Западноевропейская цивилизация / под ред. А. И. Зеленкова. Минск : Харвест, 2003.
22. Антология экологической мысли. Цивилизации Востока / под ред. А. И. Зеленкова. Минск : Харвест, 2006.

References

1. Readings B. [The University in ruins]. Moscow : Publishing house Higher school of economics, 2010 (in Russ.).
2. Polyakov N. V., Savchuk V. S. [Classical university: from the ideas of antiquity to the ideas of the Bologna process] : monograph. Dnepropetrovsk : Publishing house Dnepropetrovsk National University, 2007 (in Russ.).
3. Karve G. [Cultural models of the university]. *Alma mater*. 1996. No. 3. P. 28–32 (in Russ.).
4. Volfson S. Y. [Intellectuals as a socio-economic category]. Moscow ; Leningrad : Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926 (in Russ.).
5. Ivanovskii V. N. [Methodological introduction to science and philosophy]. Minsk : Beltrestpechat', 1923. Vol. 1 (in Russ.).
6. Bykhovskii B. [Feldwebeles in Voltaires (feminism and philosophy)]. Moscow : Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1943 (in Russ.).
7. Stepanov V. I. [Philosophical and sociological views of V. G. Belinsky]. Minsk : Publishing house BSU named after V. I. Lenin, 1959 (in Russ.).
8. Lushchycki I. N. [Essays on the history of socio-political and philosophical thought in Belarus in the second half of the XIX century]. Minsk : BSU, 1958 (in Belarus.).
9. Stepin V. S. (ed.) [Nature of scientific knowledge: the logical-methodological aspect]. Minsk : BSU, 1979 (in Russ.).
10. Stepin V. S. (ed.) [Ideals and norms of scientific research]. Minsk : BSU, 1981 (in Russ.).
11. Stepin V. S. (ed.) [Scientific revolutions in the dynamics of culture]. Minsk : BSU, 1987 (in Russ.).

12. Stepin V. S. [Theoretical knowledge]. Moscow : Progress-Traditsiya, 2000 (in Russ.).
13. Sushchenya L. M., Kaputskii F. N., Zelenkov A. I. et al. (eds). [World outlook structures in scientific knowledge]. Minsk : Universitetskoe, 1993 (in Russ.).
14. Zelenkov A. I., Yaskovich Y. S., Barkovskaya A. V. et al (eds). [Social and humanitarian knowledge and imperatives of modern culture] : coll. sci. works. Minsk : IPP Ministry of Economy of the Republic of Belarus, 1994 (in Russ.).
15. Tegako L. I., Zelenkov A. I. [Modern anthropology]. Minsk : Belorusskaya nauka, 2012 (in Russ.).
16. Anohina V. V. [The cultural tradition in the paradigms of modern philosophy]. Minsk : BSU, 2014 (in Russ.).
17. Ekadumov A. I. [Dialogue of cultures and paradoxes of multiculturalism in a multipolar world]. Minsk : BSU, 2015 (in Russ.).
18. Zelenkov A. I. (ed.) [Socium, civilization, culture in the research traditions of classical and modern philosophy]. Minsk : BSU, 2015 (in Russ.).
19. Zelenkov A. I. (ed.) [Philosophy of sustainable development and social ecology]. Minsk : BSU, 2015 (in Russ.).
20. Zelenkov A. I. (ed.) [Anthology of ecological thought. East Slavs]. Minsk : Harvest, 2003 (in Russ.).
21. Zelenkov A. I. (ed.) [Anthology of ecological thought. Western European civilization]. Minsk : Harvest, 2003 (in Russ.).
22. Zelenkov A. I. (ed.) [Anthology of ecological thought. Civilizations of the East]. Minsk : Harvest, 2006 (in Russ.).

*Статья поступила в редколлегию 15.11.2017.
Received by editorial board 15.11.2017.*

УДК 316.42

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ: ПОИСК НОВЫХ ПАРАДИГМ

А. В. РУБАНОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Показано, что идея открытых исторических сценариев, когда ход дальнейшего развития определяется на основе выбора и действий людей, являющихся ответами на актуальные вызовы и проблемы, соответствует современным объяснениям развития общества: во-первых, акценту на особую социально-преобразующую роль человека, социальных групп и движений, их смыслопорождающую деятельность; во-вторых, подчеркиванию своеобразия путей развития различных человеческих сообществ. Аргументирован тезис о том, что основополагающее значение для функционирования и развития общества имеет приведение в соответствие способа жизнедеятельности людей и порядка организации общественной жизни. Сделан вывод о том, что доминирующим ценностным ориентиром должна стать идущая от И. Канта традиция отказа от восприятия мира и человека как средства и признания их самоценности.

Ключевые слова: общество; социальное развитие; социальная динамика; организация общественной жизни; способ жизнедеятельности; социальное действие; вызов и ответ.

SOCIAL DEVELOPMENT: IN SEARCH FOR NEW PARADIGM

A. V. RUBANAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article analyzes open historical scenarios based on people's choices and actions as an answer for urgent challenges and problems and shows its relevance for modern explanations of social development. It is relevant, firstly, for the accentuation of special transformative role of humans, social movements and groups with their activity of creation of senses; secondly, for emphasize of originalities of ways of development for various human societies. The thesis that correspondence between the way of existence and form of social organization is basic for functioning and development of society is argued. The conclusion is necessity value orientation to Kantian tradition of denial of understanding of human and world as tools and recognition of them as an end in itself.

Key words: society; social development; social dynamics; organization of social life; way of life; social action; call and answer.

Образец цитирования:

Рубанов А. В. Социальное развитие: поиск новых парадигм // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 1. С. 21–30.

For citation:

Rubanau A. V. Social development: in search for new paradigm. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 1. P. 21–30 (in Russ.).

Автор:

Анатолий Владимирович Рубанов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Anatoly V. Rubanau, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
sociology@bsu.by

В социальной науке вопрос об основаниях, механизмах, тенденциях и перспективах развития общества всегда считался одним из самых важных, интересных, но одновременно сложных для понимания. Рубеж XX–XXI вв. характеризуется активным поиском новых научных парадигм, способных дать адекватный ответ на данный вопрос, в том числе с учетом современных реалий жизни. Оказывается все более очевидным то, что доминирующими становятся два исследовательских подхода, которые возникли в какой-то степени как дальнейшее развитие и отчасти как противопоставление эволюционистской и цивилизационной традициям объяснения развития общества. Первый из новых подходов заключается в особом акцентировании социально-преобразующей роли человека, социальных групп и движений, их смыслопорождающей деятельности, а второй – в подчеркивании множественности и своеобразия путей развития различных человеческих сообществ.

Формирование первого из данных подходов связано, прежде всего, с группой социологов (А. Турен, Н. Элиас, П. Бурдьё, А. Гидденс, П. Бергер, Т. Лукман и др.), которые отошли от так называемой дюркгеймовской традиции отдавать приоритет структурным детерминантам социальных процессов и начали подчеркивать активную роль членов общества, индивидуально и коллективно участвующих в общественной жизни.

Результат классической социологии, как считает А. Турен, состоит в том, «что она оставляет очень мало места для идеи социального действия» [1, с. 22]. В одноименной книге о «возвращении человека действующего», А. Турен исходит из того, что «общественная жизнь вовсе не управляется естественными или историческими законами, а направляется действием тех, кто борется и договаривается о том, чтобы придать некую общественную форму значимым для них культурным ориентациям» [1, с. 22]. Идею социального действия А. Турен связывает с образом общественного движения как коллективного действующего лица, включенного в борьбу за общественное управление главными культурными ресурсами. По словам социолога, «общественное движение – это конфликтное действие, с помощью которого культурные ориентации, поле историчности трансформируются в формы общественной организации, определенные одновременно общими культурными нормами и отношениями социального господства» [1, с. 58].

Причину решающих исторических перемен Н. Элиас видит в изменениях социальных фигураций, под которыми он понимает различным образом структурированные взаимосвязи и взаимозависимости индивидов и социальных групп [2, с. 62–65]. Например, возникновение абсолютной монархии Н. Элиас объясняет действием так назы-

ваемого королевского механизма, состоящего в том, что короли появляются при наличии особой фигурации, когда соперничающие группы амбивалентны, т. е. одновременно и взаимозависимы, и враждебны по отношению друг к другу, а власть оказывается поровну распределенной между ними. Это препятствует возникновению серьезного конфликта или итогового компромисса.

Формирование основ общественной жизни П. Бурдьё объясняет с помощью двух ключевых понятий: поле и габитус. Поле – это определенная сфера социальной жизни (экономическое, религиозное, художественное, высшего образования и другое пространство), обладающая своей структурой, логикой и набором ценностей, которые сформировались и существуют независимо от индивидуального сознания и воли. Габитус – система мотивационных и когнитивных структур, являющихся продуктом условий существования и управляющих поведением и восприятием индивида в обычных ситуациях. Взаимоотношения габитуса и поля П. Бурдьё характеризует следующим образом: поле обуславливает габитус, габитус образует поле. Воспроизводится габитус скорее тогда, когда сталкивается с привычными ситуациями, однако он способен к инновациям, оказываясь лицом к лицу с незнакомыми ситуациями [3, с. 117].

Для описания взаимодействия структур и социальных действий Э. Гидденс ввел понятие «структуризация», понимая под ним «двусторонний процесс, с помощью которого мы как формируем свой социальный мир через собственные действия, так и сами меняемся благодаря обществу» [4, с. 619]. По утверждению автора, «сообщества людей всегда находятся в процессе структуризации. В любой момент времени они подвержены реконструкции, осуществляемой теми самыми “строительными блоками”, из которых построены, т. е. реконструкции, производимой человеческими существами» [4, с. 19].

В основе социального порядка, подчеркивают П. Бергер и Т. Лукман, лежит типизация повторяющихся успешных человеческих действий. По мысли исследователей, любой институционализации, т. е. формированию социальных институтов и усвоению людьми своих социальных ролей, предшествует хабитуализация – опривычивание человеческой деятельности [5, с. 89–91].

Согласно креативной контингентности (творческой ситуативности) Х. Йоаса, люди принимают социально значимые решения и совершают социально ответственные действия в соответствии с условиями конкретной ситуации, каждый раз осмысливая и оценивая их. Социолог отмечает: «в результате упразднения метасоциальных гарантий при создании социального порядка мы приходим к пониманию креативности самого человеческого

действия». Социальные последствия креативности Х. Йоас оценивает неоднозначно. Он пишет: «Является ли определенное креативное действие хорошим или плохим может быть решено только в рамках дискурса» [6, с. 288].

Фактически параллельно с формированием особого внимания к социально-преобразующей роли человека и социальных движений шло углубление цивилизационного подхода. Так, Ш. Эйзенштадт разработал теорию «множественности форм модерна» (англ. *multiple modernities*), где сформулировал тезис, согласно которому модерн первоначально появился на Западе, но далее распространился во всем мире, сначала путем экономического империализма и колониализма, а потом в результате глобализации. Расширяющаяся модернизация подвергается определенным модификациям, которые автор объясняет результатами взаимопроникновения и комбинирования универсальных трендов модернизации, традиций, особенностей ценностных систем, культурных предпосылок и исторического опыта. Дивергентные формы модерна, возникшие за пределами Запада на базе иных глубинных цивилизационных структур, Ш. Эйзенштадт находит в России, Китае, Индии [7, с. 13–20].

Развитие общества Й. Арнасон объясняет, основываясь на двух важных противоречивых измерениях: случайность (детерминированность) и культурное разнообразие (универсальность) человеческой истории. История, по его мнению, не может быть полностью детерминирована, она складывается из множества случайностей, поэтому невозможно выделить один универсальный, общий для всех образец модерна. Говоря о «культуральном и плюралистическом повороте» в изучении модерна, Й. Арнасон изучает особенности его китайского, японского и других восточноазиатских типов, а также советского проекта. В данном контексте автор проводит «обсуждение феномена коммунизма», посвятив ему статью «Коммунизм и модерн» [8, с. 10–36]. Культуральный поворот привел к возникновению культуральной социологии (культурсоциологии). Согласно ее интеллектуальному кредо, культура, порождая смыслы человеческой деятельности, оказывает тем самым решающее воздействие на ход социальных процессов. Задача культуральной социологии и состоит в раскрытии этих часто неосознаваемых смыслов деятельности [9, с. 64].

Оценивая новые тенденции, П. Штомпка говорит об особом парадигматическом смещении (сдвиге) в современной социальной теории. Этот парадигматический сдвиг заключается в переходе от образа эволюции или социального развития к социальному становлению (англ. *social becoming*), когда акцент переносится на открытые исторические сценарии, развивающиеся с помощью решений, выбо-

ра, а также благодаря образующим сценарий случайным событиям [10, с. 69].

При такой интерпретации механизма социальных изменений вполне естественными являются следующие вопросы: «на чем основываются и чем определяются те или иные сценарии развития?», «что лежит в основе принимаемых решений и сделанного выбора?», «когда решения и выбор эффективны и в чем состоит сам критерий эффективности?», «кто является автором исторического выбора?» и, наконец, «какое направление дальнейшего развития является наиболее оптимальным?» и т. д.

Несколько неожиданно, но вполне объяснимо, что подобное парадигматическое понимание механизма социальных изменений впервые возникло не в русле социальной философии и социологии, а в исторической науке. Очевидно, что попытки интерпретации конкретного исторического материала в данном случае оказались более продуктивными, чем акцент на построении, как правило, несколько умозрительных, пусть и весьма оригинальных, объяснительных схем.

Так, у известного историка и философа истории Р. Дж. Коллингвуда мы находим объяснение истории общества как итога усилий человека, действующего в соответствии с запросами своей жизненной практики. Отмечая данную особенность механизма исторического развития, Р. Дж. Коллингвуд писал, что деятельность, в процессе которой человек создает свой постоянно изменяющийся мир, свободна. Помимо самой этой деятельности, нет иных сил, которые управляли бы ею, модифицировали ее или же заставляли принять то или иное направление, создать мир одного типа, а не другого. Но это отнюдь не означает, что человек волен поступать как ему заблагорассудится, делать все по своему желанию. Он вынужден смотреть в лицо фактам в той ситуации, в которой оказался. Для человека, собирающегося действовать, ситуация оказывается господином, оракулом, богом. Окажутся ли его действия успешными, зависит от правильности понимания той ситуации, в которую он поставлен [11, с. 301–303].

Но что означает «правильное понимание ситуации»? Первое объяснение этого феномена мы находим у другого известного английского историка А. Дж. Тойнби.

Само возникновение цивилизации, как и ее дальнейшее развитие, определяются, по мысли А. Дж. Тойнби, способностью людей дать адекватный ответ на вызов исторической ситуации. Исследователь пишет: «Общество в своем жизненном процессе сталкивается с рядом проблем и каждая из них есть вызов. <...> Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое

и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние. Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию» [12, с. 108, 119–120]. Выработка адекватной реакции на вызов исторической ситуации принадлежит «творческому меньшинству», которое выдвигает новые идеи и самоотверженно проводит их в жизнь, увлекая за собой остальных. Реализация большинством предлагаемого ответа осуществляется благодаря подражанию. Если нужный ответ не найден или не реализован большинством, то в социальном организме возникают аномалии, которые, накапливаясь, приводят его к «надлому», а затем и к упадку.

В истории социальной мысли достаточно часто встречалась трактовка механизма социальных изменений, схожая с подходом А. Дж. Тойнби, согласно которой история той или иной социальной общности, как и общества в целом, представляет собой вереницу ответов на встающие перед ними вызовы или, в другой терминологии, серию решений возникающих в их функционировании и развитии проблем.

Близкий подход к объяснению механизма социального развития заложен в марксистской преобразовательной модели общественного процесса. Суть марксистского подхода состоит в следующем: люди в процессе своей деятельности воспроизводят общественные структуры и одновременно преобразуют их. Системообразующей проблемой, через решение которой осуществляется социальный прогресс, является преодоление несоответствия производственных отношений уровню развития производительных сил. Широко известен тезис, согласно которому на известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями. Из форм развития производительных сил отношения превращаются в оковы этих сил. Вследствие наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей надстройке.

Идея развития общества через решение разного рода проблем, прежде всего системообразующих, была реализована основоположником концепции постиндустриального общества Д. Беллом. Отмечая, что любые значимые социальные перемены создают новые управленческие проблемы для общества, Д. Белл подчеркивал резкие отличия характера структурных проблем, с которыми сталкиваются общества разного типа. Исследователь отмечал: «В индустриальном обществе главной экономической проблемой была проблема капитала: как институционализировать процесс накопления достаточных сбережений и превратить их в инвестиции? Ее решили с помощью фондового рынка, инвестиционных банков, самофинансиро-

вания и государственного налогообложения. Ячейкой социальных отношений являлись предприятие или фирма, а основной социальной проблемой – проблема конфликта между работодателем и рабочим. В той мере, в какой инвестиционные процессы приобрели рутинный порядок, а “классовые конфликты” были изолированы таким образом, что вопрос классовой борьбы перестал быть единственным фактором социальной поляризации, прежние проблемы индустриального общества оказались если не “решенными”, то, во всяком случае, лишенными остроты. В постиндустриальном обществе главная проблема состоит в организации науки, а важнейшим институтом выступает университет или научно-исследовательская лаборатория. <...> Концепция постиндустриального общества наводит на мысль, что существует общий круг проблем, во многом зависящих от взаимоотношений между наукой и политикой, которые придется решать этим обществам; однако они могут быть решены разными методами и в разных целях» [13, с. 157–159, 162]. В отличие от марксизма с его особым акцентом на роли механизма социальных изменений классовой борьбы Д. Белл приоритетное внимание обращал на сознательный характер вырабатываемых решений и «мягкий» вариант их реализации. Постиндустриальное общество, по его словам, «является такой социальной организацией, где принятие решений с необходимостью становится более осознанным» [13, с. 57].

В современной научной и социальной лексике понятийная связка «вызовы и ответы», а также близкие к ней по своей смысловой нагрузке пары понятий «риски и возможности» или «угрозы и шансы» становятся ключевыми. Так, в последние годы знаковой стала формула «Глобализация: вызовы и ответы». Вызовы чаще рассматриваются как внутренние или внешние проблемы, препятствия, дефициты; реже – как открывающиеся новые возможности. Создаются типологии вызовов и ответов. К первым в наши дни прежде всего относят следующие риски: экологические (экстремальные погодные явления, масштабные стихийные бедствия, риски антропогенных экологических катастроф и т. п.), геополитические (крупные теракты, межгосударственные конфликты и неэффективное государственное управление), технологические (хищение личных и служебных данных, масштабные кибератаки и др.), экономические (финансовый кризис, экономическая рецессия, незаконное движение финансовых средств, уклонение от уплаты налогов, контрабанда и т. д.), социальные (масштабная вынужденная миграция, старение населения, увеличение разницы в доходах между бедными и богатыми, вопросы идентичности и культуры, межрелигиозные и межэтнические конфликты и под.). Ответы на вызовы (риски) классифицируются по

степени эффективности. Выделяют «простой успешный ответ» (нейтрализует действие вызова), «перспективный успешный ответ» (одновременно открывает новые возможности), «безуспешный ответ» (усиливает действие вызова и его негативные последствия).

При всем разнообразии вызовов (проблем), с которыми сталкиваются человеческие сообщества, особое значение имеют те из них, которые воплощают общесистемные процессы, на которых замыкаются наиболее общие вопросы функционирования и развития общества.

Эти общесистемные процессы О. Конт рассматривал как взаимосвязь двух первооснов общественной жизни: социальной статистики и социальной динамики. Г. Спенсер, считая, что в основе механизма эволюции лежит принцип структурной и функциональной дифференциации, фактическое выражение этого принципа видел в противопоставлении военного и промышленного общества. Ф. Теннис исходил из того, что сущность механизма социального развития заключается в постепенном преобладании рассудочной, рациональной воли, которая лежит в основе общественных отношений, над естественной, инстинктивной волей, составляющей основу общинных связей. Э. Дюркгейм рассматривал общественный прогресс как переход от «механической солидарности» к «органической солидарности», происходящий за счет углубления общественного разделения труда.

Как нам представляется, основополагающие вопросы функционирования и развития общества возникают на пересечении двух онтологических оснований социальной реальности: способа человеческой жизнедеятельности и порядка организации общественной жизни.

Структурно человеческая деятельность (способ жизнедеятельности людей) включает, во-первых, привычные повседневные формы поведения (обыденную, каждодневную жизнь человека); во-вторых, процесс достижения, реализации людьми разнообразных – прежде всего ведущих – мотивов.

С повседневными формами поведения мы имеем дело тогда, когда люди, по выражению Ф. А. Хайека, «просто живут», действуя привычным для них способом. Повседневные формы поведения первыми стали предметом исследования у историков, в частности, у создателей исторической школы «Аналлы» Л. Февра и М. Блока. Один из наиболее известных последователей этой научной школы – Ф. Бродель, исследуя материальную цивилизацию, экономику и капитализм XV–XVIII вв., использовал для обозначения сферы каждодневных рутинных действий людей термин «нужды повседневной жизни», включая в их число пищу и напитки, жилища и строительные материалы, мебель, одежду, транспорт, источники энергии, орудия и технические

изобретения, предметы роскоши и деньги, болезни и способы их лечения, организацию поселенческой жизни, особенно в городах, и др. [14]. Г. С. Кнабе, исследуя повседневность Древнего Рима, включил в число предметов исследования ежедневного быта древних римлян одежду, еду, вещи, водоснабжение, атмосферу городских улиц, личные взаимоотношения и подобное [15].

Именно действия, осуществляемые людьми в рамках норм их привычной повседневной жизни, лежат в основе социального порядка. Деятельность, направленная на достижение лично значимых мотивов, – возможный источник социальных изменений.

Для полноты представлений о способе жизнедеятельности и социальном порядке и, что еще более важно, механизме и последствиях их взаимодействия необходимо активное привлечение к исследованию исторического материала.

При первобытно-общинном строе жизнедеятельность людей была подчинена интересам родовой общины. Содержание личных мотивов подвергалось жесткой, уравнивающей регламентации со стороны общины и стоявшего за нею обычая. Господствовал коллективный путь их достижения. Утверждение приоритета личных мотивов и индивидуальных путей их реализации произошло в период перехода от первобытного к древнему обществу и само по себе составило субъективную основу этого процесса. Приоритет индивидуального мотива первоначально сочетался с его заданностью конкретному человеку, которая связывалась с социальным происхождением и традицией. В условиях античной цивилизации эту заданность соотносили с космическим роком, судьбой, вера в которую, по характеристике А. Ф. Лосева, удивительным образом совмещалась со свободным использованием своей сознательной воли для реального устройства жизни [16; 17, с. 69]. При феодализме основу заданности мотива составила сословно-иерархическая модель, имевшая в христианском мире статус богоустановленного порядка. Дарованная человеку свыше свобода воли оборачивалась дилеммой добра и зла и на деле превращалась в заповедь, призывающую избегать всего, что может помешать спасению души. Добросовестное выполнение предназначенной социальной роли – путь к спасению. Преодоление строгой социальной адресованности, предопределенности мотивов и деятельности по достижению мотивов приходится на период становления буржуазного общества, когда человек получил свободу выбора жизненных целей, стал суверенной личностью. Стихийное самоутверждение человеческого субъекта составило суть эпохи Возрождения. Развитие капитализма привело к установлению в качестве главенствующего сначала мотива обогащения, а потом – потребления.

В соответствии с преобразованием способа жизнедеятельности людей (от первобытной коллективности к индивидуальному достижению заданного мотива и далее – к его свободному выбору и базирующемуся на этом выборе образу жизни) шло изменение основ социального порядка: постепенно общественными отношениями вытеснялись общинные связи.

Универсальной основой социального порядка в первобытной общине было родство. Из него исходили права и обязанности первобытного человека, модели его поведения и отношений с другими. С превращением семьи в главную хозяйственную ячейку возникла соседская община, ставшая первичной организационной структурой общества. Одновременно с утверждением территориального принципа расселения, образованием племен и их иерархических союзов, разделением социальных общностей на группы с различными интересами, т. е. с возникновением общества, регулировать сильно усложнившиеся социальные связи начало государство и присущий ему особый аппарат управления, использующий и средства насилия. Сочетание государства и объединений свободных граждан, представленных полисными, городскими, храмово-городскими и другими организациями общинного типа, было отличительным признаком социального устройства древних обществ. Соседская община сохранилась при феодализме, где в отсутствие централизованного государства (в Европе исключение составила Византия) социально-регулятивные функции выполнял сословно-иерархический порядок организации общества.

Произошедший при переходе к капиталистическому строю качественный скачок активности людей привел к резкому ослаблению общинных связей и крушению сословно-иерархической системы. В ответ начался поиск и образование новых форм социальной организации. Их основу составило сочетание гражданского общества и правового государства. Первое призвано обеспечить суверенитет личности, свободное проявление и представительство в структуре власти интересов всех социальных групп. Второе – защитить общество от произвола какой-либо личности, утвердить в противовес ему верховенство закона. Однако при новом порядке организации социальной жизни не исчезли разнообразные формы общинных связей.

Таким образом, очевидны, во-первых, множественность и изменчивость, вплоть до обращения в свою противоположность, мотивов человеческой деятельности; во-вторых, иницирующее значение развития способа жизнедеятельности по отношению к преобразованию основ социальной организации; в-третьих, ускоряющее влияние нового социального порядка на преобразование форм жизни;

в-четвертых, системообразующее значение взаимовлияния способа жизни и основ социальной организации на функционирование и развитие общества.

Назовем приведение способа жизнедеятельности и порядка организации общественной жизни во взаимосоответствие энерго-институциональной задачей, понимая под энергетикой социальную активность людей, а под институционализацией – процесс упорядочения и организации общественной жизни. Позитивное решение энерго-институциональной задачи приводит, во-первых, к созданию благоприятных условий для проявления активности в деятельности человека; во-вторых, к приданию этой активности характера, целесообразного для данной социальной общности, реализующего потребности ее сохранения и развития. Но позитивное решение энерго-институциональной задачи, как и формирование адекватных ответов на другие возможные вызовы и угрозы, не гарантируется никаким социальным законом, а представляет собой результат вполне сознательной деятельности людей. Законом является сама необходимость данного действия. Там, где оно оказывается малоэффективным, активность человека теряет целесообразный для социума характер, становится деструктивной, социокультурная общность приходит в упадок, гибнет. Это подтверждают и циклическая парадигма объяснения общественного развития, и реальные исторические события.

Еще один постулат данного исследовательского подхода состоит в том, что процесс решения энерго-институциональной задачи, являясь продуктом человеческой деятельности, вариативен по своему содержанию и способам. В этом причина того, что данный постулат может носить своеобразный характер в разных регионах даже в одно и то же историческое время. Особенно очевидно это проявляется при сравнении, которое сделал в свое время М. Вебер, трех ведущих ветвей социокультурной традиции, каждую из которых отличает специфический характер поведения человека и его отношения к миру. Индуистско-буддистской традиции присуще «бегство от мира», конфуцианско-даосистской – «приспособление к миру», а иудаистско-христианской – ориентация на «овладение миром».

На основе различного отношения к миру и как следствие – специфики поведения людей М. Вебер классифицировал высокоразвитые формы религиозной жизни. Так, для конфуцианства характерно приятие мира. Буддизм отличает отрицание и неприятие мира. Зороастризм, христианство и ислам принимают мир на условиях улучшения и исправления. По-разному решается в религиях и проблема спасения. Основополагающими являются два варианта: спасение через собственные действия (буд-

дизм) и спасение с помощью посредника (иудаизм, христианство, ислам). При первом варианте методами спасения являются или ритуальные культовые действия и церемонии, или социальные действия (любовь к ближнему, благотворительность, забота о близких), или самоусовершенствование. При втором – спасение возможно через принадлежность к церкви (католицизм), веру (иудаизм, лютеранство), милость предопределения (ислам, кальвинизм). Различаются также пути спасения: через активное этическое действие и через мистическое созерцание. В первом случае необходимым условием спасения является аскеза, которая, в свою очередь, означает или бегство человека от мира, или внутримирскую экономическую и иную деятельность (кальвинизм). Во втором варианте аскеза – средство достижения мистического просветления, покоя в божественном начале.

На этой основе объяснить разнообразие путей человеческой истории можно следующим образом. Перед каждым человеческим сообществом стояла задача организации совместной жизнедеятельности людей. Потенциальная вариативность в решении этой задачи предопределила появление разных методов, а значит – и отличий в мировоззрении и культуре, способе жизни людей, а также в порядке организации социума, в конечном счете – многообразие культур и цивилизаций.

Следующий принципиальный вопрос касается возможностей, пределов и способов использования при формировании ответов на вызовы и при выборе дальнейшего пути социального развития конструктивных возможностей, заложенных в разуме и активности людей. Спектр мнений на этот счет является более чем разнообразным и противоречивым, что может быть представлено рядом антитез.

Первая антитеза состоит в том, что изначально при объяснении механизма развития общества в истории социальной мысли одна другой противостояли две точки зрения: социальные институты «проектируются» людьми; социальные институты «просто вырастают», являясь непреднамеренным результатом человеческих действий. Первая точка зрения представлена теоретиками общественного договора, начиная с Т. Гоббса, а вторая – их критиками, первым из которых был Д. Юм.

Второй антитезой является противопоставление социального натурализма волюнтаризму. Суть социального натурализма состоит в констатации предзаданной логики, неизбежности определенной траектории общественного развития. В этой ситуации роль человека состоит, во-первых, в правильном понимании заданной извне социальной траектории, во-вторых – в содействии ее реализации. Со своей стороны волюнтаризм, преувеличивая значение сознательной деятельности людей, предпо-

лагает реализацию идеальных проектов и идеологических моделей без должного учета условий и пределов преобразования социальной среды, готовности к нему людей.

Третья антитеза касается соотношения в общественном развитии двух его составляющих: стихийности (или спонтанности) в смысле самопроизвольности, неинспирированности человеческим вмешательством и сознательного воздействия человека на ход социальных процессов. Преувеличение роли одной из этих составляющих, что имеет место в некоторых объяснительных конструкциях, на наш взгляд, является некорректным.

Спонтанность и сознательность, понимаемая как разумные действия людей по решению наиболее острых социальных проблем, – атрибутивные свойства всей человеческой истории. Саморегуляция общественного организма – это продукт деятельности людей. Однако именно по этой причине регулирующее воздействие в принципе не в состоянии охватить, организовать, предусмотреть, спланировать весь социальный, жизненный процесс. Функционирование и развитие общества, в особенности повседневная жизнь людей, проходят хотя и под преобразующим влиянием конкретного регулирующего воздействия и всей социокультурной традиции, но во многом и естественным, т. е. независимым от этого воздействия путем.

Как представляется, любые проекты решения возникающих социальных проблем в условиях реальной жизни претерпевают изменения, и часто весьма существенные. Корректировка их первоначального варианта происходит по ряду причин, например, в силу несовершенства любого идеального образа социальной действительности, тем более ее проекта. Различно авторство конкретных вариантов решения той или иной проблемы. Оно может принадлежать как официальным органам управления, так и стремящейся к власти оппозиции, неофициальным структурам. Нередко содержание решения заимствуется официальными структурами у неофициальных. В противовес одному варианту выдвигаются иные, как правило, альтернативные. Каждый из них выражает специфические интересы авторов и стоящих за авторами социальных групп. Существенное корректирующее воздействие оказывает изменчивость окружающего мира, реальный ход социальных событий.

В итоге содержание реализованного социального проекта правомерно рассматривать как результат взаимодействия целого ряда разнообразных факторов: потенциала интеллектуальных ресурсов данного общества, деятельности властных структур и оппозиции, борьбы и согласования интересов различных социальных групп, принятия членами данной общности некоторого минимума общепринятых ценностей, норм деятельности и т. п. Однако,

и это главное, эффективность социально-преобразующих действий зависит, прежде всего, от того, нацелены ли они на разрешение возникающих в процессе функционирования и развития общества проблем и лежащих в их основе противоречий. В итоге можно сказать, что социальные институты возникают в процессе решения различных социальных проблем и представляют собой результирующий итог как сознательных представлений и действий различных субъектов, так и борьбы (согласования) интересов классов и других групп населения.

В ситуации нынешних общепланетарных экономических, социальных и экологических вызовов естественными являются следующие вопросы: «что представляет собой современная системообразующая энерго-институциональная задача?», «какими способами она может быть решена?».

Наш ответ можно сформулировать следующим образом. До сих пор основную линию развития общества определяло самопроизвольное изменение мотивов и способа жизнедеятельности людей. В соответствии с этим изменением проходила институционализация новых форм жизни и порядка социальной организации. Отныне – и в этом главное отличие саморегулятивного механизма, в котором нуждается современное общество, – именно способ жизнедеятельности, а также ценности, которые лежат в его основе, должны стать первоочередным объектом осознанного преобразования человека.

Чтобы уяснить суть этого преобразования нужно, прежде всего, установить ту систему ценностных координат, на которую оно должно быть ориентировано. Эти координаты хорошо знакомы как истории социальной мысли, так и практической жизни людей. Приведем самые известные из них.

Эгоизм (в его разных видах) как поведение, в основе своей ориентированное на собственную пользу, ставящее интересы одного индивида выше интересов других, и его противоположность – альтруизм как бескорыстная забота о благополучии других людей или общем благе в целом.

Индивидуализм, акцентированный на индивидуальной свободе и собственных интересах личности, и его противоположность – коллективизм как главенство некоторой группы и ее интересов над человеческой личностью и индивидуальными запросами.

Дилемма «иметь или быть», которую сформулировал Э. Фромм, считая, что приоритет модуса обладания лишает «принцип жизни» его абсолютно-го значения, ведет к безразличию к жизни, утрате чувства благоговения перед нею.

Выработка следующей системы ценностных координат связана с именем И. Канта. Как известно,

одна из формулировок категорического императива И. Канта гласит: поступай так, чтобы человечество и в твоём лице, и в лице всякого другого всегда рассматривалось тобою как цель и никогда – только как средство. Данное высказывание можно интерпретировать следующим образом: широкое распространение противоположной жизненной практики имеет особые социокультурные последствия. В связи с этим можно говорить о социокультурной традиции, ценностным основанием которой является точка зрения, даже культ средства. Для обозначения данной точки зрения лучше всего годится термин «тропократический», берущий начало от древнегреческих слов *τρόπος* – средство, способ, образ действий и *χρatos* – сила, мощь, могущество, власть.

Происхождение этой социокультурной традиции обусловлено тем, что естественное становление деятельности и восприятия мира в качестве средства обеспечения жизни, реализации мотивов людей привело к тому, что сама жизнь в решающей степени превратилась в средство, скрыло ее самоценность, а также самоценность различных видов человеческой деятельности и всего многообразия окружающего мира. Альтернативным культу средства является утверждение самоцельности и самоценности жизни, деятельности, окружающего мира. На смену культу средства должен прийти провозглашенный А. Швейцером культ жизни. Таким образом, четвертая система ценностных координат носит следующий альтернативный характер: жизнь – средство – жизнь самоценна.

Итак, в ходе объяснения механизма развития общества постепенно усиливалось убеждение о том, что многие социальные изменения являются результатом вполне осознанной, преднамеренной деятельности людей, а пути развития различных человеческих сообществ могут быть достаточно своеобразными.

Особый теоретико-методологический интерес в этой связи представляет сформулированный А. Дж. Тойнби закон Вызова-и-Ответа, суть которого состоит в способности людей давать адекватные ответы на вызовы, которые бросает им конкретная историческая ситуация. При всем разнообразии вызовов (проблем), с которыми сталкивается общество, особое значение имеют те из них, что касаются основных тенденций его функционирования и развития. Они возникают на пересечении двух онтологических оснований социальной реальности: способа (форм) человеческой деятельности и принципов организации общественной жизни. Приведение их в соответствие является тем системообразующим вызовом (энерго-институциональной задачей), который обуславливает ведущее направление развития общества. Принципиальным является тот факт, что ответы на такого рода

вызовы, являясь продуктом человеческой деятельности, по своему содержанию и способам действия могут быть вариативными.

Основные вызовы современного общества требуют дальнейшего преобразования способа жизнедеятельности людей и соотносящегося с ним конгломерата социальных институтов. Если до сих пор основную линию развития общества определяло самопроизвольное изменение мотивов и способа жизнедеятельности людей, то отныне именно способ жизнедеятельности, а также ценности, которые лежат в его основе, должны стать первоочередным объектом осознанного преобразова-

ния человеком. Для уяснения сути этого преобразования необходимо, прежде всего, установить ту систему ценностных координат, на которую оно должно быть ориентировано. Эти координаты хорошо знакомы человечеству. Самыми известными из них являются эгоизм – альтруизм, индивидуализм – коллективизм, дилемма «иметь или быть», жизнь-средство и жизнь-самоценность. Именно идущая от И. Канта традиция отказа от восприятия мира и человека как средства и признания их в качестве цели и главной ценности, как представляется, должна стать доминирующим ценностным ориентиром.

Библиографические ссылки

1. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / пер. с фр. Е. А. Самарской. М. : Научный мир, 1998.
2. Элиас Н. Понятие фигурации / пер. с нем. Р. Е. Гергилова // Журнал социологии и социал. антропологии. 2000. Т. 3, № 3. С. 62–65.
3. Бурдьё П. Ф. Практический смысл / пер. с фр. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина и др. СПб. ; М. : Алетейя : Институт экспериментальной социологии, 2001.
4. Гидденс Э. Социология / при участии К. Бердсолл., пер. с англ., 2-е изд., выпол. по 4-му англ. изд., доп. и перераб. М. : Эдиториал УРСС, 2005.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. М. : Медиум, 1995.
6. Йоас Х. Креативность действия / пер. по нем. изд. СПб. : Алетейя, 2005.
7. Шубрт И. Историческая социология Ш. Эйзенштадта – завершённый труд, открытый для вдохновения // Социолог. исслед. 2014. № 6. С. 13–20.
8. Арнасон Й. Коммунизм и модерн / пер. с англ. М. В. Масловского // Социолог. журн. 2011. № 1. С. 10–36.
9. Александер Дж. Ч. Смыслы социальной жизни: культурсоциология / пер. с англ. Г. К. Ольховикова, под ред. Д. Ю. Куракина. М. : Праксис, 2013.
10. Штомпка П. Формирование социологического воображения. Значение теории / пер. Н. В. Романовского // Социолог. исслед. 2005. № 10. С. 64–72.
11. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории: автобиография / пер. и ком. Ю. А. Асеева, отв. ред. И. С. Кон, М. А. Киссель. М. : Наука, 1980.
12. Тойнби А. Дж. Постигание истории : сборник / сост. А. П. Огурцов. М. : Прогресс, 1991.
13. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. В. Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999.
14. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII вв. : в 3 т. / пер. Л. Кубеля. М. : Прогресс, 1986. Т. 1 : Структуры повседневности: возможное и невозможное.
15. Кнабе Г. С. Древний Рим – история и повседневность. М. : Искусство, 1986.
16. Лосев А. Ф. Античная философия и общинно-родовая формация // Лосев А. Ф., Чистякова Н. А., Бородай Т. Ю. и др. Античность как тип культуры. М., 1988. С. 6–25.
17. Лосев А. Ф. Античное мышление и культура рабовладельческой формации // Античность как тип культуры / Лосев А. Ф., Чистякова Н. А., Бородай Т. Ю. и др. М., 1988. С. 25–77.

References

1. Touraine A. [Return of the actor: social theory in postindustrial society]. Moscow : Nauchnyi mir, 1998 (in Russ.).
2. Elias N. [Concept of a figuration]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [J. Sociol. Soc. Antropol.]. 2000. Vol. 3. No. 3. P. 62–65 (in Russ.).
3. Burdieu P. F. [The practical meaning]. Saint Petersburg ; Moscow : Aleteiya: Institut eksperimenta'noi sotsiologii, 2001 (in Russ.).
4. Giddens E. Sociology. 2nd ed. Moscow : Editorial URSS, 2005 (in Russ.).
5. Berger P., Luckmann T. Social Construction of Reality. A treatise on the sociology of knowledge. Moscow : Medium, 1995 (in Russ.).
6. Joas H. [The creativity of action]. Saint Petersburg : Aleteiya, 2005 (in Russ.).
7. Shubrt I. [Historical sociology of Sh. Eisenstadt – an accomplished work, open for inspiration]. *Sotsiologicheskie issled.* 2014. No. 6. P. 13–20 (in Russ.).
8. Arnason J. [Communism and modernity]. *Sotsiologicheskii zhurn.* 2011. No. 1. P. 10–36 (in Russ.).

9. Alexander J. Ch. [The meanings of social life: a cultural sociology]. Moscow : Praxis, 2013 (in Russ.).
10. Sztompka P. [Formation of sociological imagination. Meaning of the theory]. *Sotsiologicheskie issled.* 2005. No. 10. P. 64–72 (in Russ.).
11. Collingwood R. G. [The idea of history: an autobiography]. Moscow : Nauka, 1980 (in Russ.).
12. Toynbee A. J. [A study of history] : collection. Moscow : Progress, 1991 (in Russ.).
13. Bell D. [The future post-industrial society. Experience of social forecasting]. Moscow : Academia, 1999 (in Russ.).
14. Braudel F. [Material civilization, economics and capitalism in the XV–XVIII centuries] : in 3 vols. Moscow : Progress, 1986. Vol. 1: [The structures of everyday life: the possible and the impossible] (in Russ.).
15. Knabe G. S. Ancient Rome is history and everyday life. Moscow : Iskusstvo, 1986 (in Russ.).
16. Losev A. F. [Ancient philosophy and socio-patrimonial formation]. In: [Antiquity as a Type of Culture]. Moscow, 1988. P. 6–25 (in Russ.).
17. Losev A. F. [Ancient thinking and slave-owning culture]. In: A. F. Losev, N. A. Chistyakova, T. Y. Borodai, et al. [Antiquity as a Type of Culture]. Moscow, 1988. P. 25–77 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 08.05.2017.
Received by editorial board 08.05.2017.

УДК 101.1:316.3 + 930.1:1

НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

О. В. НОВИКОВА¹⁾, В. Т. НОВИКОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются социально-культурные и когнитивные факторы, приведшие к кризису философско-исторического знания в первой половине XIX в. и обусловившие становление неклассической философии истории. Обращается внимание на корреляцию генезиса научной историографии и самоопределения неклассической философии истории, а также на характер их связи с социологией. Анализируется статус идей философии жизни, классического марксизма, Баденской школы неокантианства и других философских течений в неклассической философии истории. Отмечаются основные концептуальные особенности этого этапа динамики философско-исторического знания.

Ключевые слова: философия истории; историософия; историцизм; немецкая «историческая школа»; эмпатия; понимание; Дильтей; Риккерт; Виндельбанд; идиографический метод; номотетическое знание.

NONCLASSICAL PHILOSOPHY OF HISTORY: CONCEPTUAL CHARACTERISTICS AND MAIN SCHOOLS

O. V. NOVIKOVA^a, V. T. NOVIKOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: O. V. Novikova (mod@tut.by)

The issue focuses on the socio-cultural and cognitive factors which led to the crisis of the philosophy-historical knowledge in early XIX century and determined the rise of the nonclassical philosophy of history. The authors consider the correlation between the genesis of the scientific historiography and self-definition of the nonclassical philosophy of history such as their specific connection with the sociology. The article is also devoted to the analysis of the ideas of some representative schools such as philosophy of life, classical Marxism, Baden Neo-Kantian school, etc. in nonclassical philosophy of history. In conclusion the authors examine the main conceptual characteristics of this stage in the dynamics of philosophy of history.

Key words: philosophy of history; historiography; historicism; German historical school; empathy; conception; Dilthey; Rickert; Windelband; ideographical method; nomothetical knowledge.

Образец цитирования:

Новикова О. В., Новиков В. Т. Неклассическая философия истории: концептуальные особенности и основные направления // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 1. С. 31–40.

For citation:

Novikova O. V., Novikov V. T. Nonclassical philosophy of history: conceptual characteristics and main schools. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 1. P. 31–40 (in Russ.).

Авторы:

Ольга Владимировна Новикова – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Владимир Тимофеевич Новиков – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Authors:

Olga V. Novikova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences. mod@tut.by

Vladimir T. Novikov, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences. novikovvt@tut.by

Целью философии истории, возникшей в XVIII в., стало выделение перспектив будущего развития человечества путем открытия закономерностей социально-культурной динамики общества при помощи использования человеческого знания, накопленного в прошлом и настоящем [1]. Каноническую форму классическая философия истории получила в концепциях И. Канта, И. Г. Фихте, Ф. В. Шеллинга, Г. В. Ф. Гегеля, но, как и классическая философия в целом, в первой половине XIX в. философия истории вступает в полосу кризиса. В дальнейшем философия истории была вынуждена неоднократно возвращаться к проблеме концептуального самоопределения и переосмысления проблемного поля. Осознание этой потребности стало мотивом для становления неклассической философии истории. Конечно, влияние на кризис классической философии в целом, и философии истории в частности, оказало множество социально-культурных факторов. Во-первых, роль сыграло оформление основ индустриального общества со свойственным ему обострением противоречий между трудом и капиталом, что нашло отражение в классическом марксизме. Во-вторых, повлияла достигшая высокой степени активность гражданского общества, которая использовала организованные формы экономической, идеологической и политической борьбы за удовлетворение интересов. В-третьих, воздействовало осознание экономической и интеллектуальной элиты о том, что важную роль в социодинамике играет научно-технический прогресс. Это осознание в предельной форме выразилось в концепции технологического детерминизма и привело к возникновению «антропологического кризиса» в интеллектуальной мысли в середине XIX в. И, в-четвертых, влияние оказал форсированный процесс институционализации конкретных наук, интерпретированный в позитивизме, оформлявшемся в духе лозунга «наука сама себе философия».

Иными словами, «смена вех» в развитии философии истории имеет объективное основание: наступление новой исторической эпохи. Однако наша задача состоит в том, чтобы путем фиксации влияния социокультурного фона охарактеризовать механизмы развития, имманентные системе философско-исторического знания, и артикулировать концептуальную специфику социокультурного фона. В этом смысле показательным будет сопоставление по некоторым позициям философско-исторических взглядов И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля в качестве крупнейших мыслителей, представляющих немецкую философию истории как классическую.

Так, если в философии истории И. Канта изначально присутствует дуализм исторической необходимости и свободы, определяемой природой, то в историософии Г. В. Ф. Гегеля манифестация исторического разума и развитие свободы становятся прерогативой объективного Духа, в динами-

ке которого происходит его объективация в форме мирового исторического процесса. Таким образом Г. В. Ф. Гегель целенаправленно разрабатывает и использует диалектический принцип историзма, противопоставляющий изменяющейся и развивающейся в пространстве, но не во времени, природе тотально развивающееся общество. Поэтому, согласно с мнением философа, если природа неисторична, то способом существования общества является всемирно-исторический процесс, имеющий закономерный и необратимый характер и являющийся воплощением прогрессирующей свободы. Только в сфере Духа человек обретает «действительную способность к изменению и при том к лучшему – стремлению к усовершенствованию» [2, с. 103].

Как и у И. Канта, в «мировой схематике» Г. В. Ф. Гегеля всеобщая история обладает имманентной телеологичностью и имеет свой разумный план, наличие которого определяется тем, что «разум господствует в мире, так что, следовательно, и всемирно-исторический процесс совершается разумно» [2, с. 64]. Тем не менее, у Г. В. Ф. Гегеля это находит выражение в диалектическом развёртывании мировой истории, проходящей отмеченные возрастанием их степени этапы разумности и свободы. Развитие осуществлялось от восточного деспотического общества к аристократическому греко-римскому, а от него – к германо-христианскому социуму, воплощающему торжество этих феноменов с помощью разумно организованного государства. Познание этого плана, имеющего провиденциальный характер, составляет задачу философии истории, стоящей над описательной историей, имеющей характер свидетельств очевидцев, а также над историографией, дающей обзор развития отдельных народов или отдельных периодов всемирной истории.

Однако в отличие от И. Канта, не испытывавшего особой потребности в опоре на конкретный исторический материал, у Г. В. Ф. Гегеля обнаруживается противоречие между теоретической схемой истории, имеющей характер априорной метафизической конструкции, и историографией, призванной содержательно наполнить эту схему. Данное противоречие не осталось без внимания историков и позже стало одной из причин, по которым возникла ответная реакция: учеными отторгалась классическая историософия. Однако при этом из поля внимания историков выпало главное: Г. В. Ф. Гегель проделал огромную селективную работу по классификации, оценке и отбору конкретных исторических фактов из истории народов и на этой основе осуществил теоретический синтез историографического материала. Его «строгость отбора – потрясающая; как мало остается от мира в качестве имеющего значения! И решающим моментом в этом избрании народов в бытии является содержание и глубина смысла, всегда тождественного самому

себе и приобретающего новую индивидуальную прелесть в сфере форм своего сознания. Героична и тяжела поступь мирового духа в этих немногих избранных проявлениях, подъем его захватывает дух» [3, с. 227].

Тем не менее, несмотря на впечатляющий итог системотворческой деятельности, отмеченное противоречие реально существовало, оно было продиктовано априорным характером конструкции всемирно-исторического процесса, из которого выпадают истории объявленных неисторическими народов и стран. Для объяснения случайностей, ставящих под сомнение рациональность мировой истории, начинает действовать выпрямляющая и рационализирующая ход истории «хитрость разума». Это говорит о том, что Г. В. Ф. Гегель, провозгласивший, что «все действительное разумно» и исповедовавший конструктивно-рационалистический подход к анализу развивающегося социально-исторического бытия, разделяет взгляды немецкой философско-исторической школы о ее религиозно-мистическом характере, обуславливающим такое видение истории, в котором на первый план выводится история индивидуальности. Но это является скорее «тотальной индивидуальностью» социально-культурных общностей и структур (народа, нации, государства), а не историчным бытием отдельной личности. Бытие исторических народов определяется особым «народным духом», образующим взаимную культурную целостность всех форм общественной жизни и сознания этой индивидуальной тотальности. Проходя стадии становления, расцвета и упадка, а также реализовав определенную форму осознания свободы и решив свою задачу в общеисторическом процессе, исторический народ сходит со сцены. Однако духовно-культурное наследие человечества не исчезает, а сохраняется в мировой истории в «снятом», преобразованном виде, так как «народный дух» выступает формой инобытия «мирового духа», в котором ничто не гибнет и который раскрывается в истории через различные вариации «народного духа».

Гегелевский панлогизм задал концептуальную модель рассмотрения динамики общества как единого всемирно-исторического процесса, в котором хотя и существует вариативность национально-культурных историй, но лишь в подчиненном, служебном для манифестации «мирового духа» выражении. Для философии истории Г. В. Ф. Гегеля характерно метафизическое осмысление предельных оснований социального бытия и установление скрытого за происходящими событиями смысла общественного развития. Возникающая дисгармония между философией истории и историографией устраняется директивно, исходя из статуса философии как «науки наук», выполняющей в отношении конкретно-научного знания, по образному выражению одного из философов-позитивистов Р. Айе-

ра, роль «интеллектуального полицейского». Это затрудняло взаимопонимание Г. В. Ф. Гегеля и историков эмпирической ориентации, последним была чужда абстрактность и рассудочность гегелевских исторических конструкций.

Более близкими для историков эмпирической ориентации были философско-исторические новации немецкой «исторической школы», представители которой – Л. фон Ранке, А. Мюллер, Ф. В. Шеллинг, В. Гумбольдт, А. Гримм, И. Г. Дройзен – разрабатывали проблему специфики метода исторического познания, отличающую его от методов исследования природных объектов. Л. фон Ранке одним из первых историков сформулировал задачу исторической науки, связав ее с принципом индивидуализации изучаемых явлений. Философ писал: «История возложила на себя задачу судить о прошлом, давать уроки настоящему на благо грядущих веков. На эти высокие цели данная работа не претендует. Ее задача – лишь показать, как все происходило на самом деле» [4, с. 297]. Решение этой задачи предполагает строго документальное описание свершившихся событий, исключая любое интерпретации. Вопрос о достижимости заявленной цели и правомерности рассмотрения истории как «учительницы жизни», закрепляя за ней функцию нравоучения, породил разные мнения. Л. фон Ранке в духе популярного в то время позитивизма исключал возможность плюрализма исторических версий, касающихся происходивших в прошлом событий. Решение поставленной проблемы другими представителями данной школы не было столь однозначно, оно претерпело существенную трансформацию, все более приближаясь к признанию понимания как специального методологического приема постижения, связанного с интуитивным проникновением в ткань исторических событий и мотивационно-волевою сферу участников исторического процесса. Тем самым в научной историографии вызревала еще одна гносеологическая проблема – объективность исторического знания.

Так, И. Г. Дройзен пришел к выводу об иллюзорности точной реконструкции прошлого, поскольку историк погружен в иную социально-культурную среду, отличающуюся от той, в которой жили и действовали творившие историю люди. Следовательно, для ученого понимание прошлого самого исследователя всегда будет определяться современными интересами и ценностно-нормативными установками последнего. Однако присущая национальной (у И. Г. Дройзена – прусской) культуре самобытность существования «индивидуальной тотальности» делает возможным (хотя и не безусловным) использование методологии понимания как специфического средства исторического познания. Тем самым в творчестве немецкого историка прослеживается преемственность и концептуальная общ-

ность в становлении рефлексивной философии истории, идущая от Дж. Вико и И. Г. Гердера к немецкой «исторической школе» и от нее (о чем будет сказано позже) к В. Дильтею, Баденской школе неокантианства, М. Веберу и философской герменевтике XX в.

В современных методологических исследованиях поставленная Л. фон Ранке проблема соответствия описания события самому событию интерпретируется видным американским «метаисториком» Х. Уайтом. Исследователь отмечает: «В ходе исследовательской фазы обращение историка к прошлому, он заинтересован в конструировании точного описания интересующего его объекта и изменений, которые этот объект претерпевает с течением времени. Это описание основано на документальных источниках, из содержания которых историк и создает совокупность фактов. Я говорю, – артикулирует он, – “создает” совокупность фактов, потому что я отличаю событие (происшествие, случившееся во времени и пространстве) от факта (высказывания о событии в форме утверждения)» [5, с. 11]. Следовательно, в процессе как становления неклассической философии истории, так и генезиса научной историографии постепенно осознается амбивалентность понимания истории в качестве и объективного процесса, и его нарратива – рассказа о былом, предполагающего авторскую интерпретацию.

Таким образом, утвердившееся в философской и научной среде середины XIX в. мнение о том, что классическая философия истории строила схемы общественно-исторической динамики умозрительным путем, не базируя свои концепции на конкретных исследованиях, послужило основой для критики классической философии истории и для формирования нового типа философско-исторического знания – неклассической философии истории. Неприемлемой для возникавшей научной историографии стала сама патерналистская установка классической философии истории, трактующая философию как «науку наук». Суть этой установки хорошо иллюстрируют слова И. Фихте: «Философ, который занимается историей в качестве философа, руководится при этом априорною нитью мирового плана, ясного для него без всякой истории; и историей он пользуется отнюдь не для того, чтобы что-нибудь доказать посредством последней (ибо его положения доказаны уже до всякой истории и независимо от нее), а только для того, чтобы пояснить и показать в живой жизни то, что ясно и без истории» [6, с. 356].

В качестве ответной реакции на методологический диктат классической философии были объявлены несостоятельными метафизические проблемы исторического процесса, а также поставлена под сомнение присущая философско-исторической мысли интерпретация истории через ценностно-смысловые мотивации человеческой деятельно-

сти, историческая реальность при этом сузилась до совокупности артефактов, т. е. результатов человеческой деятельности. Из поля зрения научного исторического познания исчезали проблемы, артикулирующие историю как социально-культурный процесс, рассмотрение человеческой жизни подчинялось аналогии с «логикой вещей», а прогресс истории ассоциировался с научно-техническим прогрессом, что привело к возникновению «антропологического кризиса» в философии истории.

Вследствие вышеперечисленных факторов, определившаяся в своем предмете классическая философия истории к середине XIX в. вновь оказалась перед необходимостью самоопределения. Утверждение техногенной цивилизации, явившейся итогом промышленной революции, изменило характер социокультурной детерминации и в философии, и в исторической науке. Философия истории, имевшая ярко выраженный метафизический характер, вступает в конфликт с историей, все более превращающейся в эмпирическую науку. Задачей возникших специальных исторических дисциплин можно назвать проследивание исторических явлений до породивших их индивидуальных действий, избегая при этом субъективных интерпретаций. Тем самым оформившаяся научная историография избежала серьезных контактов с философией, что обрекло философию истории на затворничество.

Серьезным испытанием для философии истории XIX в. также стало возникновение позитивистски ориентированной социологии, которая в новой форме возрождала натуралистическую модель объяснения исторического процесса и использования при изучении исторических явлений методологического арсенала точных наук, к последним один из создателей философии истории О. Конт относил социологию. Видный методолог науки XX в. К. Поппер, придерживавшийся позитивистской традиции, отмечал: «Именуя социологию эмпирической дисциплиной, мы подразумеваем, что в ее основе должен лежать опыт; что события, которые она объясняет и предсказывает, являются наблюдаемыми фактами, а любая теория принимается или отвергается в зависимости от наблюдения» [7, с. 44]. К. Поппер придавал социологии статус теоретической истории, тем самым отрицая присутствие в научной историографии собственных теоретических оснований. Как следствие, научная историография, по К. Попперу, не могла рассматривать мировоззренческие проблемы.

Классический социологизм как программа исторического познания нашел выражение в принципе реификации Э. Дюркгейма, который требовал рассматривать события как вещи, а следовательно, игнорировал ценностно-смысловые аспекты истории. В дальнейшем исторический социологизм, по происхождению связанный с позитивистской традицией в философии, претерпел заметные измене-

ния (в особенности это было связано с возникновением «понимающей социологии» Макса Вебера) и стал одной из исследовательских программ рефлексивной философии истории XX в. Однако само возникновение исторического социологизма в XIX в. имело двойственное последствие: оно способствовало кризису классической философии истории и вместе с тем поиску новой формы философско-исторического знания.

Наряду с отмеченными факторами, вызвавшими потребность в новом самоопределении философии истории, решающую роль сыграли и кризисные явления, сопровождавшие смену эпох развития всего философского знания. Переход от классической к неклассической философии был обозначен метафизическим скепсисом и переоценкой принципов классического рационализма, которые составляли теоретико-методологическую основу философии истории. Позитивисты XIX в. задачу философии истории усматривали в рассмотрении и описании развития общества в контексте открытых общих законов, управляющих ходом событий. Экзистенциально-мировоззренческие аспекты философско-исторического знания, например проблема смысла истории, позитивистами оценивались как не подлежащие верификации, а значит, эмпирически несостоятельные конструкты.

Одна из новых редакций философии истории была предпринята в рамках возникавшей социально-критической стратегии развития философской мысли. Эти изменения были связаны с разработкой в ранних работах К. Маркса проблемы реализации человеком своей деятельной природы и на этой основе преодоления различных форм отчуждения, понимаемого как утрата контроля над собой и результатами своей деятельности, а следовательно, утрата свободы. К. Маркс говорит о пяти основных формах отчуждения человека: от средств труда, от продуктов труда, от человека как равноправного субъекта общественных отношений, от культуры и духовных ценностей, от своей родовой, социальной сущности. Преодоление отчуждения в ходе активной практической деятельности людей, согласно К. Марксу, должно стать целью исторического процесса, что будет способствовать освобождению человека и человечества в целом.

Позже социально-критическая стратегия воплотилась в созданном К. Марксом и Ф. Энгельсом историческом материализме, в основе которого лежит материалистическое понимание истории. Марксистская версия философии истории была разработана в парадигме исторического социологизма, однако она, обращаясь к проблемам смысла и назна-

чения истории, ценностям и идеалам социального бытия, а также перспективам будущего человечества, включает историософские и метафизические импликации. Следовательно, философия истории марксизма радикально отличается от позитивистской и историцистской¹ философско-исторических традиций.

Еще одна новая редакция философии истории появилась в рамках «философии жизни». Генезис этого направления неклассической философии истории во многом был обусловлен наметившимся «антропологическим поворотом» в философии, который является характерным для новой эпохи и отличается устойчивым интересом к изучению человека в качестве специального предмета философской рефлексии, а в перспективе – превращением философского учения о человеке в один из ведущих разделов современного философского знания. В свою очередь, фронтальное внимание к проблемам сущности и существования человека было обусловлено его возвращением на историческую авансцену в качестве реального субъекта и творца истории. Концепции немецких романтиков А. Шопенгауэра, С. Кьеркегора, Ф. Ницше декларируют, с одной стороны, иррациональность исторического процесса и принципиальное отсутствие заданного извне смысла истории, а с другой – подчеркивают иррациональность самого человека. Целью человека в их понимании становится не достижение неких «высот» прогресса социума, что свойственно, в частности, философии истории Просвещения, а выживание и стремление сохранить свой «человеческий, слишком человеческий» облик.

Существенный импульс обновлению философии истории придал Ф. Ницше. Он отметил непродуктивность истории как специальной науки, однако подчеркнул ценность философско-практического постижения прошлого, обусловленного потребностями человека и общества. По мнению философа, «каждый человек и каждый народ нуждается, смотря по его целям, силам и потребностям, в известном знакомстве с прошлым, в форме то монументальной, то антикварной, то критической истории, но нуждается в этом не как сборище чистых мыслителей <...>, но всегда в виду жизни, а, следовательно, всегда под властью и верховным руководством этой жизни» [8, с. 179]. В этих словах отражена сущность философско-исторических идей Ф. Ницше, согласно с которыми ценность исторического знания определяется его значением для практической деятельности человека.

Однако реальные возможности для возрождения идеи историцизма и возникновения современ-

¹Историцизм исходит из признания самоценности и неповторимости культуры каждой исторической эпохи, делая вывод о фактической несовместимости исторических эпох в развитии общества. Это создает предпосылки для релятивизации исторического познания и тем самым представляет серьезную опасность для объективности исследования. Историцизм не следует путать с развитым в работах Г. В. Ф. Гегеля, К. Маркса и ряда других мыслителей XIX в. историзмом – принципом рассмотрения общества в его развитии.

ной, неклассической философии истории появились «когда философия в виде логики, теории познания и методологии завоевала собственную область и, отправляясь от нее, вновь подчинила познание фактов единству познающего духа» [3, с. 25]. Такой областью для В. Дильтея, еще одного представителя философии жизни, стало «переживание», которое выступает не просто психологическим состоянием человека, а является основанием наук о духе, к числу которых философ относит и историю. Осуществляя «критику исторического разума», навеянную темой «возвращение к Канту», В. Дильтей понимает человека как духовное и волевое существо, а историю как ценностно-смысловую сферу бытия. История немыслима без человека, а человеческий мир структурирован как исторический. Внутренний смысл истории недоступен причинно-следственному рассмотрению, характерному для наук о природе, он предполагает обращенное в прошлое понимание, сочувствие и «вхождение» в жизненный мир человека прошлой эпохи. Человек тем самым является и субъектом, и объектом гуманитарных наук.

В отличие от своего предшественника Ф. Шлейермахера, который видел задачу понимания в преодолении пространственной и временной дистанции, разделявшей исследователя и интерпретируемый объект, В. Дильтей говорит об историческом понимании как о процедуре интерпретации, связанной с оценкой событий прошлого с точки зрения настоящего. При этом возникает проблема объективности исторического познания, вытекающая из осуществляемой историком культурно-исторической реконструкции прошлого. Решение этой проблемы осуществляется путем достижения эмпатии¹ исследователя изучаемой исторической личности – человека, который жил в интересующее исследователя время и чей духовный опыт соответствовал духовному опыту эпохи. Для постижения смысла исторических действий человека прошлого надо «впитать дух» изучаемой эпохи и проникнуться его ценностями.

Но психологизация исторического познания В. Дильтеем оказалась близка историцистам. Однако при этом им был свойственен гносеологический релятивизм, за что историки подвергались критике ученого. Чувствуя недостаток своей методологической позиции и находясь в поиске возможности ее усовершенствовать, немецкий мыслитель подчеркивал сложность преодоления как психологизации исторического познания, так и его релятивизации. В защиту своей позиции В. Дильтей говорит, что историю, культуру и человека невозможно познавать чисто логическим путем, поскольку это

мир нашей жизни, и мы постигаем его через себя [9, с. 141]. Философ специально обращается к текстам, поскольку они выступают реальным, объективированным свидетельством исторических событий, имея символический смысл, который может быть раскрыт средствами интерпретации. По словам историка, «самый центральный пункт искусства разумения – это экзегеза или интерпретация сохраняющихся в письменном виде следов человеческого существования» [10, с. 240].

Опора на текст как необходимое условие получения истинного исторического знания чрезвычайно важна для немецкого философа, поскольку существуют объективные причины, способствующие гносеологическому скептицизму, в числе которых «анархия философских систем» и динамизм самого исторического сознания, разрушающие «веру» в общезначимые ценности. Абсолютизация роли этих объективных условий исторического познания лежит в основе историцизма. Основатель философской феноменологии Э. Гуссерль, высоко ценивший творчество В. Дильтея, эксплицировал сущность историцизма и его последствия для динамики духовной культуры. По словам Э. Гуссерля, «легко увидеть, что историцизм при консеквентном проведении переходит в крайний скептический субъективизм. Идеи истины, теории, науки потеряли бы тогда, как и все идеи вообще, их абсолютное значение» [11, с. 720]. В итоге экстраполяция идей историцизма на общественную жизнь оказывается сопряженной с нравственным релятивизмом и, как следствие, с дискредитацией духовных устоев общества.

Если В. Дильтей различал науки о природе и науки о духе по предметной области, то философы Баденской школы неокантианства В. Виндельбанд и Г. Риккерт осуществляли подобное различение по методологической презумпции. Для В. Виндельбанда существуют два метода научного мышления: номотетический, т. е. связанный с формированием законов и оперированием ими, и идиографический – акцентирующий внимание на индивидуальности феноменов. Жесткого предметного разделения между ними не существует, более того, целостное познание предполагает использование обоих методов как дополнительных. Близкую классификацию методов предложил Г. Риккерт, выделив генерализирующий метод, преимущественно используемый в естествознании, и индивидуализирующий, чаще всего применяемый в исторических науках. По словам философа, одна и та же реальность поочередно выступает и как природа, и как история, поэтому в одном случае ее необходимо изучать с помощью метода генерализации, а в дру-

¹Эмпатия (от греч *εμπάθεια* – сопереживание) – постижение эмоционального состояния другого человека сопереживанием. В философии В. Дильтея эмпатия означает непосредственное проникновение одного человека во внутренний мир другого, «считывание», воспроизведение характерных для него смыслов и значений.

гом – прибегая к методу индивидуализации событий и явлений. Последний характеризуется Г. Риккертом как «метод отнесения к ценностям, в противоположность естествознанию, устанавливающему закономерные связи и игнорирующему культурные ценности и отнесение к ним своих объектов» [12, с. 81]. Именно отношение к ценностям, составляющим культурное содержание истории, позволяет исследователю построить ее концептуальную модель, а следовательно, понять смысл происходящего в исторически развивающемся обществе.

Гипертрофирование роли идиографического, индивидуализирующего метода в историческом познании, что сопутствовало методологическому историцизму неокантианцев, обусловило жесткую суперпозицию, в которой рефлексивной философии истории неокантианцев противостояли философско-исторические конструкции методологического социологизма. Но это противостояние, создававшее реальную проблемную ситуацию в эпистемологии, практически не затрагивало субстанциальную философию истории начала XX в., в которой историософия превратилась в теоретический реликт, имеющий спекулятивно-умозрительный характер, а ее место заняли частные философско-социологические модели социальной динамики, не претендовавшие на универсальную онтологию исторического бытия (исключение составлял марксизм). Такая ситуация объясняется тем, что социология начала XX в., по определению С. Л. Франка, не имела «ни точно определенного предмета, ни общепризнанных методов и научных традиций; в сущности, еще до сих пор (к концу 1920-х гг. – О. Н., В. Н.) нет социологии как определенной науки, а есть едва ли не столько же отдельных “социологий”, сколько авторов, о ней писавших» [13, с. 250].

В европейской философии исключение составила философско-историческая мысль восточнославянских народов, прежде всего русская философия. По словам В. В. Зеньковского, она «была склонна к “онтологизму” при разрешении вопросов теории познания, т. е. к признанию того, что познание не является первичным и определяющим началом в человеке. <...> Русский онтологизм выражает не примат “реальности” над познанием, а включенность познания в наше отношение к миру, в наше действие в нем» [14, с. 15–16].

Труды русского философа и богослова В. В. Зеньковского проясняют причины отсутствия интереса русской философии к логико-методологическим проблемам исторического познания. Понятным становится и акцентирование внимания на онтологической проблематике: по словам мыслителя, «оно коренится в тех духовных установках, которые исходят от русского прошлого, от общенациональных особенностей “русской души”, поиска целостности, синтетического единства всех сторон реальности и всех движений человеческого духа».

Отсюда следует вывод о том, что «русская мысль сплошь историософична, она постоянно обращена к вопросам о “смысле” истории, конце истории и т. п.» [14, с. 16–17]. Этот вывод проясняет причины живого интереса западных философов и культурологов к философско-историческим работам В. Соловьева, Н. Бердяева, С. Булгакова и др. Отметим, что для творчества указанных исследователей характерна историософская проблематика, которая оказалась весьма близка оригинальным белорусским мыслителям начала XX в. И. Абдираловичу-Канчевскому и В. Самойло-Сулиме.

Для историософской проблематики характерно также и непринятие идеи европоцентризма, абсолютизирующей культурно-историческую миссию Запада. В русской философско-исторической мысли распространение получает идея «исторической эстафеты» как механизма передачи роли лидера культурно-исторического процесса. Русский философ и литературный критик XIX в. И. В. Киреевский охарактеризовал этот механизм следующим образом: «Просвещение человечества как мысль, как наука развивается постепенно, последовательно. Каждая эпоха человеческого бытия имеет своих представителей в тех народах, где образованность процветает полнее других. Но эти народы до тех пор служат представителями своей эпохи, покуда ее господствующий характер совпадает с господствующим характером их просвещения. Когда же просвещение человечества, довершив известный период своего развития, идет далее и, следовательно, изменяет характер свой, тогда и народы, выражавшие сей характер своей образованностью, перестают быть представителями Всемирной Истории. Их место заступают другие, коих особенность все более согласуется с наступающей эпохой. Эти новые представители человечества продолжают начатое их предшественниками дело, наследуют все плоды их образованности и извлекают из них семена нового развития» [15, с. 81–82]. Тем самым благодаря разным народам обеспечивается преемственность общечеловеческих культурных ценностей.

Таким образом, европейскому Западу начала XX в., во многом ориентированному на установки позитивизма и лишенному историософии, казалось, что философско-историческая картина мира прошла стадию очередного самоопределения. Несмотря на сосуществование и противостояние историографической и социологической методологий, единый философско-исторический дом начал обустраиваться, но длился этот процесс недолго.

Изменения последовали сразу с наступлениемвоенравного XX века. За первой встряской начала столетия – мировой войной – последовали другие войны, экономические кризисы, установление тоталитарных политических режимов, дегуманизация культуры и омассовление общества, унификация человека, техногенные катастрофы, глобаль-

ные проблемы человечества, которые потребовали радикальной и перманентной перестройки общественного сознания, а также формирования социально-исторической картины мироздания. Эта картина не соответствовала ни оптимизму эпохи Просвещения XVIII в., ни духу сциентистских надежд и социальных утопий XIX в. Многие, что ранее казалось устойчивым и ценным, стало текучим и бессмысленным.

В связи с этим интерес представляет краткий, но коррелирующий с изменением «духа эпохи» и схватывающий суть динамики философско-исторического знания анализ произведений известного русского поэта О. Э. Мандельштама, для которого философствование было образом жизни. По словам писателя, «после восемнадцатого [века], который ничего не понимал, не располагал малейшим чутьем сравнительно-исторического метода и, как слепой котенок в корзине, был заброшен среди непонятных ему миров, наступил век всепонимания – век релятивизма, с чудовищной способностью к перевоплощению – девятнадцатый. Но вкус к историческим перевоплощениям и всепониманию – не постоянный и преходящий, и наше столетие начинается под знаком величественной нетерпимости, исключительности и сознательного непонимания других миров. <...> В отношении к этому новому веку, огромному и жестоковейному, мы являемся колонизаторами. Европеизировать и гуманизировать двадцатое столетие, согреть его телеологическим теплом, – вот задача потерпевших крушение выходцев девятнадцатого века, волею судеб заброшенных на новый исторический материк» [16, с. 256–257]. Философия истории, как и в целом вся духовная культура, была призвана решать указанные задачи, способствуя лучшему уяснению объективной логики исторического процесса, раскрытию возможностей переустройства мира и, что важно, пониманию ответственности за это переустройство.

Для выработки стратегии жизни человечества, отвечающей новым социальным реалиям, требовалось дать осмысленные ответы на некоторые вопросы: «каково наше место в истории?», «есть ли какой-то смысл в истории и каково наше влияние на ход событий?», «постигаемо ли в знании прошлое и каково значение этого знания?». Следовательно, потребовалась новая, способная к постоянной модернизации и одновременно к ценностно-смысловой стабильности философия истории.

В первую очередь это означало усиление интереса к проблематике субстанциальной философии истории, а прежде всего – к историософии, с характерной для нее постановкой вопроса о смысле истории. Такая методологическая инверсия выразилась в возрождении метафизики в новой форме – неометафизике, связанной с осмыслением опыта «присутствия» в мире человека, конституирующего

своим существованием возможность бытия исторического мира. Новый этап историософии предполагал также и координацию философско-исторических моделей с динамикой представлений о человеке, которые прослеживаются в ходе антропологического поворота в философии XX в.

Становление неклассической философии истории в новых исторических условиях проявило ее принципиальную плюралистичность. В неклассической философии истории возникла установка, согласно которой различные теоретико-методологические подходы и концепции имеют право на существование в том случае, если они осмыслены и отвечают канонам научной рациональности и корпоративному дискурсу. Таким образом устранялся антагонизм историцизма и социологизма и создавались условия для образования их симбиозных форм по типу «понимающей социологии» М. Вебера.

Появление новой философии истории явилось ответом на ощущаемую как философией, так и научной историографией потребность во взаимном сближении и обретении союзника в противостоянии тенденции усиления идеологического контроля со стороны возникавших тоталитарных политических режимов. Этот союз требовался также для того, чтобы противостоять попыткам дискредитации социально-научного знания со стороны возникшего технократизма, получившего распространение не только среди инженерно-технического и управленческого персонала, но и среди экономической и политико-государственной элиты.

В возникновении новой философии истории реализовалось стремление к когнитивной коммуникации и теоретическому синтезу философско-исторического знания – воплощению давней мечты философов истории, которые, признавая плюралистичность этого знания, тем не менее рассчитывали на дополнительную теоретических оснований и методологических принципов различных парадигм и исследовательских программ. При этом вопрос о создании единой социально-исторической картины, подобной естественнонаучной картине мира, не ставился, поскольку слишком разными, а иногда и противоположными были ценности, идеалы и традиции, на основании которых создавались философско-исторические концепции, аккумулирующие в себе духовный опыт народов и цивилизаций.

В итоге к 1970 гг. в неклассической философии истории сложился комплекс теоретико-методологических программ, которые, имея общее проблемное поле, по-разному определяли свое место в историческом сознании общества. К наиболее фундированным и авторитетным из них могут относиться следующие программы:

1) *цивилиографическая*, представляющая общечеловеческое во всем многообразии материальных и ду-

ховных форм существования, а его историческое развитие рассматривается как радикальная смена этих форм. Будучи разнородной, данная программа использует в рассмотрении исторической динамики общества две конкурирующие концептуальные модели – цивилизационно-циклическую (О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби) и цивилизационно-стадиальную (К. Ясперс, Р. Арон и др.). В то же время начинает оформляться новая, цивилизационно-региональная, концептуальная модель, в которой артикулируется духовно-культурное своеобразие восточнославянского мира (К. Н. Леонтьев, Н. Я. Данилевский);

2) *неогегельянская* (Б. Кроче, Р. Дж. Коллингвуд, Дж. Джентиле), исходящая из тождества исторического бытия и сознания и признающая конструктивность различных диахронических интерпретаций исторического процесса;

3) *экзистенциально-антропологическая* (Х. Ортега-и-Гассет, Ж.-П. Сартр, К. Ясперс), в которой делается акцент на «метафизике присутствия» человека в мире, а история рассматривается через призму экзистенциальных проблем. В частности, сторонники этой программы, уделяя особое внимание такой характеристике исторического бытия человека, как темпоральность, обращают внимание на неповторимость каждого исторического момента в качестве фрагмента индивидуального бытия экзистирующей личности и на недопустимость омассовления человека;

4) *неомарксистская* (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе), артикулирующая социально-критическую и аксиологическую проблематику исторического бытия человека и осуществляющая рецепцию философской антропологии «молодого Маркса»;

5) *аналитическая* (К. Гемпель, К. Поппер, У. Дрей), рассматривающая объяснение в качестве основного метода исторической науки, хотя и допускающая возможность применения в качестве инструментального средства метода включенного понимания, характерного для герменевтики;

6) *герменевтическая* (Г.-Г. Гадамер, П. Рикёр), квалифицирующая понимание как самодостаточную практику интерпретации исторических явлений и как феномен исторического сознания, обладающего креативным характером. При этом герменев-

тическая практика предлагает не простую реконструкцию прошлого, а его сопоставление с культурно-исторической реальностью настоящего;

7) *структуралистская* (Л. Февр, М. Блок, Ф. Бродель), отдающая приоритет в историческом познании изучению надындивидуальных социальных структур и игнорирующая «событийную историю» по той причине, что она не поддается концептуальному моделированию и осуществляет тотальную реконструкцию картины исторической реальности. Эта программа приобрела парадигмальный статус в популярной исторической школе «Анналов».

Неклассическая философия истории как этап в развитии философско-исторического знания обладает следующими характерными особенностями:

- получает распространение идея существования локальных цивилизаций, и тем самым ставится под сомнение центральная идея всей классической философии истории – идея единства мировой истории;

- девальвируется идея социального прогресса и, соответственно, теряют популярность «прогрессистские» версии линейной модели истории;

- утверждается мнение о существовании множества субъектов исторического процесса, в роли которых выступают отдельные народы, нации и локальные цивилизации;

- происходит переосмысление сущности социально-исторической метафизики, которая оказывается непосредственно связанной с «антропологическим поворотом» в философии и персонализацией, «очеловечиванием» самой истории.

Значение неклассической философии для общественно-исторического познания трудно переоценить, поскольку она, по сути, определила систему представлений о закономерностях, тенденциях развития и особенностях современного общественно-исторического процесса. Она в новых исторических условиях подвергла серьезной ревизии классическую историософию, на базе которой возникла, а также заставила по-новому взглянуть на общественную жизнь. Значение неклассической философии состоит также в том, что становление современной, постнеклассической философии истории [17] было бы немыслимо без использования ее теоретико-методологического наследия.

Библиографические ссылки

1. Новиков В. Т., Новикова О. В. Генезис философии истории как теоретико-методологическая проблема // Синтез философии, науки, культуры. К 80-летию академика В. С. Стёпина / редкол.: А. Н. Данилов [и др.]. Минск, 2014. С. 120–127.
2. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории / пер. А. Водена. СПб.: Наука, 1993.
3. Трёльч Э. Историзм и его проблемы. М.: Юрист, 1994.
4. Фон Ранке Л. Об эпохах новой истории // Черняк С. Б., Тормасов Б. А. Историки и история: жизнь, судьба, творчество: в 2 т. М., 1998. Т. 2.

5. Уайт Х. Метаистория / пер. Е. Трубиной, В. Харитонова. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2002.
6. Фихте И. Г. Несколько лекций о назначении ученого. Назначение человека. Основные черты современной эпохи: сборник. Минск : Попурри, 1998.
7. Понпер К. Нищета историцизма / пер. С. Кудрина. М. : Прогресс : VIA, 1993.
8. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Сочинения : в 2 т. / пер. с нем. Ю. М. Антоновского, Н. Полилова, К. А. Свасьяна и др. М., 1990. Т. 1. С. 158–230.
9. Дильтей В. Наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 135–152.
10. Дильтей В. Герменевтика и теория литературы // Собрание сочинений : в 6 т. / под общ. ред. А. В. Михайлова, Н. С. Плотникова. М., 2001. Т. 4.
11. Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Минск, 2000. С. 667–743.
12. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Культурология. XX век : антология / гл. ред. и сост. С. Я. Левит. М., 1995. С. 69–103.
13. Франк С. Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию // Вердяев Н. А., Франк С. Л. Русское зарубежье: из истории социальной и правовой мысли. Л., 1991. С. 243–440.
14. Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. Л. : ЭГО, 1991. Т. 1, ч. 1.
15. Киреевский И. В. Критика и эстетика. М. : Искусство, 1979.
16. Мандельштам О. Э. Отклик неба. Стихотворения, критическая проза. Алма-Ата : Жазушы, 1989.
17. Новикова О. В., Новиков В. Т. Современная философия истории: основные направления и концептуальные особенности // Философия и социальные науки. 2014. № 4. С. 4–9.

References

1. Novikov V. T., Novikova O. V. [The genesys of philosophe of history as the methodological problem]. In: *Sintez filosofii, nauki, kul'tury. K 80-letiyu akademika V. S. Stiopina* [The synthesis of philosophy, science, culture: to the academic Stepin's 80-anniversary]. Minsk, 2014. P. 120–127 (in Russ.).
2. Hegel G. W. F. [The lections of philosophy of history]. Saint-Petersburg : Nauka, 1993 (in Russ.).
3. Troeltsch E. [Historism and its problems]. Moscow: Yurist, 1994 (in Russ.).
4. Von Ranke L. [The epoques of new history]. In: *Istoriki i istoriya: Zhizn', sud'ba, tvorchestvo* : in 2 vol. Moscow, 1998. Vol. 2 (in Russ.).
5. White H. Metahistory. Ekaterinburg : Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2002 (in Russ.).
6. Fichte I. G. [Several lections of the purpose of scientist. The purpose of Man. Main features of modern times] : collection. Minsk : Popurri, 1998 (in Russ.).
7. Popper K. [The povert of historicism]. Moscow : Progress : VIA, 1993 (in Russ.).
8. Nietzsche F. [On the use and abuse of history for life]. In: *Sochineniya* [Writings] : in 2 vol. Moscow, 1990. Vol. 1. P. 158–230 (in Russ.).
9. Diltthey W. [Essay on the critique of historic reason]. *Voprosy filosofii*. 1988. No. 4. P. 135–152 (in Russ.).
10. Diltthey W. [Hermeneutics and the theory of literature] In: *Sobranie sochinenii* [Writings] : in 6 vol. Moscow, 2001. Vol. 4 (in Russ.).
11. Husserl E. [Philosophy as rigorous science] In: *Logicheskie issledovaniya. Kartezianskiye razmyshleniya. Krizis evropeiskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya. Krizis evropeiskogo chelovechestva i filosofii. Filosofiya kak strogaya nauka* [Logical investigations. Cartesian meditations. The crisis of European sciences and transcendental philosophy. Philosophy as rigorous science]. Minsk, 2000. P. 667–743 (in Russ.).
12. Rickert H. [Science of the nature and science of the culture]. In: *Kul'turologiya. XX vek* [Culturology. XX century] : anthology. Moscow, 1995. P. 69–103 (in Russ.).
13. Frank S. L. [Spiritual foundations of society. Introduction in social philosophy]. In: *Russkoe zarubezh'e: iz istorii sotsial'noi i pravovoi mysli* [Russian emigre community: from the history of social and law science]. Leningrad, 1991. P. 243–440 (in Russ.).
14. Zen'kovskii V. V. [History of Russian philosophy] : in 2 vol. Leningrad : EGO, 1991. Vol 1, issue 1 (in Russ.).
15. Kireevskii I. V. [Critics and aesthetic]. Moscow : Iskusstvo, 1979 (in Russ.).
16. Mandel'shtam O. E. [Sky resonance. Verses, critical prose]. Alma-Ata : Zhazushy, 1989 (in Russ.).
17. Novikova O. V., Novikov V. T. Contemporary philosophy of history: main trends and special aspects. *Filosofiya i sotsial'nye nauki* [J. Philos. Social Sci.]. 2014. No. 4. P. 4–9 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 14.05.2017.
Received by editorial board 14.05.2017.

УДК 101.1:316 (043.3)

БЕЛОРУССКАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ РИСКОВ

В. В. АНОХИНА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проводится анализ соответствия приоритетов реализуемой в Беларуси модели социальной трансформации основным характеристикам национальной ментальности и ценностям культурной традиции. Сравниваются германская, скандинавская и восточноазиатская модели модернизации. Выделяются их плюсы и минусы в плане адаптации данных стратегий развития к белорусским реалиям. Основной тезис статьи состоит в том, что в XXI в. неудача национальной стратегии трансформации может повлечь за собой необратимое прогрессирующее отставание в социально-экономическом развитии страны. Низкая эффективность нынешней трансформационной модели обусловлена не только отсутствием системного стратегического видения будущего, но также несоответствием практики реформ объективным вызовам времени и особенностям национального менталитета. Успех модернизации в эпоху поздней современности во многом определяется ее технико-технологическими и социально-экономическими параметрами, однако не менее важным является их соотнесенность с динамикой ожиданий граждан, новыми формами их идентичности, а также соразмерность социокультурных приоритетов модернизации аксиологической структуре этнокультурной традиции.

Ключевые слова: социальная трансформация; модернизация; глобализация рисков; национальный менталитет; культурная традиция.

BELARUSIAN SOCIAL TRANSFORMATION MODEL IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION OF RISKS

V. V. ANOHINA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The main purpose of this article is to analyze the correspondence of the priorities of the social transformation model implemented in Belarus to the basic characteristics of the national mentality and the traditional values. It compares the German, Scandinavian and East Asian models of modernization, emphasizes their pros and cons in terms of adapting these development strategies to the Belarusian realities. Thus, a primary thesis of the article is that, in the XXI century, the failure of the national transformation strategy may entail a progressive lag in the country's socio-economic development. The low efficiency of the current transformation model is due not only to the lack of systemic and strategic vision, but also to the inadequacy of the reforms to the objective challenges of time and the peculiarities of the national mentality. Of course, the success of modernization in the era of late modernity is largely determined by its technical, technological and socio-economic parameters. However, no less important is their relevance to the dynamics of citizens' expectations, new forms of their identity, and its accordance to the axiological structure of the ethno-cultural tradition.

Key words: social transformation; modernization; globalization of risks; national mentality; cultural tradition.

Образец цитирования:

Анохина В. В. Белорусская модель социальной трансформации в условиях глобализации рисков // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 1. С. 41–52.

For citation:

Anohina V. V. Belarusian social transformation model in the context of globalization of risks. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 1. P. 41–52 (in Russ.).

Автор:

Виктория Валентиновна Анохина – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Victoria V. Anohina, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences. dr.v.anohina@gmail.com

Социальная трансформация белорусского общества, выходящего из обусловленного развалом СССР системного кризиса, началась вместе с третьим тысячелетием и совпала по времени с принципиально новым этапом глобализации. Его специфику удачно определил У. Бек, назвав этот период фазой «разлома *внутри* модерна, отделяющегося от контуров классического индустриального общества и обретающего новые очертания <...> (индустриального) “общества риска”» [1, с. 4]. Новое качество рисков обусловлено изменением функционального статуса современной техники, а также сменой характера организации научной деятельности, появлением новых форм институциональной связи науки с обществом (У. Бек, Г. Бехманн, Э. Гидденс, Н. Луман, В. С. Стёпин и др.). Поскольку вместе с усложнением техносферы возрастает скорость социальных изменений, а также степень неопределенности будущего, в условиях которой приходится принимать социально значимые решения, риски, возникающие из характера новейших технологий, проистекают также из специфики использования науки для их просчета и минимизации.

Характеризуя возрастающую рискогенность поздней современности, известный немецкий исследователь Г. Бехманн указывает, что «не цели, мотивы или интересы, связанные с использованием техники, создают ее сегодняшние проблемы, а само функционирование вызывает новую проблемную ситуацию» [2, с. 136]. Современная политика уже не может обходиться без научного прогнозирования или проигрывания «возможных сценариев технического развития, некоторые из которых могут быть реализованы, а другие предотвращены с целью уменьшения риска для общества и будущих поколений» [2, с. 138]. Одновременно, ориентированная на решение сложных междисциплинарных проблем постнеклассическая наука, подчиняясь логике проектной организации исследований, выходит за рамки собственного поля, погружается в политику и становится частью институтов социальной экспертизы и принятия политических решений. В результате эпоха позднего модерна ставит перед институтом национального государства особые превентивные задачи, связанные с необходимостью долгосрочного планирования, «которое должно относиться к предвосхищению новых технических возможностей, к расчету и устранению рисков. Чтобы правильно решить эти задачи, государство должно мобилизовать достаточный научно-технический потенциал. Возникает тесная связь науки и политики <...> в форме *социальной оценки техники* как вида научно-технически-политического консультирования» [2, с. 138].

Таким образом, если приоритеты раннего модерна предполагали создание необходимых инсти-

туциональных условий для достижения социального равенства и справедливости, создания общества с высоким уровнем социальной защищенности населения, то в условиях позднего модерна центральным вопросом является проблема глобализации рисков, их определения, минимизации и контроля. Модернизация становится предметом профессионального прогнозирования и проектирования, превращается в технологию социального конструирования будущего, своеобразный политический инжиниринг, олицетворяющий не столько власть, сколько возрастающую ответственность модернизационных элит.

Перечисленные выше особенности новой фазы глобализации, определяющей вызовы позднего модерна, погружают Беларусь, подобно другим странам посткоммунистического транзита, в особую историческую ситуацию, в которой выбор приоритетов развития начинает определяться не только параметрами экономической эффективности и социально-политической устойчивости, но и вопросами глобальной безопасности.

Обретение Беларусью государственной независимости в 1991 г. поставило общество и политические элиты перед необходимостью определить стратегический вектор преобразований. Выбор приходилось делать в реальных, а не воображаемых геополитических, экономических и экологических условиях, которые не были благоприятными для страны. Достаточно вспомнить, что суммарный ущерб, нанесенный Беларуси чернобыльской катастрофой в расчете на 30-летний период преодоления ее последствий составил 235 млрд долл., что соответствовало 32 бюджетам республики доаварийного периода. В структуре бюджета 12 % было связано с потерями из-за выведения из использования ряда народно-хозяйственных объектов, 82 % составляли расходы, связанные с минимизацией последствий катастрофы, а 6 % означали упущенную выгоду [3, с. 4].

Социально ориентированная экономическая модель трансформации, разработанная белорусскими экспертами, в качестве стратегии перехода предусматривала опору на ряд основополагающих принципов:

- 1) смешанный тип экономики, взаимодействие разных форм собственности с тенденцией к ассоциативности;
- 2) сочетание рыночных и государственных механизмов регулирования;
- 3) социальная ориентация экономики, главным критерием которой является не столько эффективность и рост, сколько поддержание социальной устойчивости;
- 4) принцип экологической ответственности [4, с. 20–21].

В качестве базовых параметров этой модели были провозглашены открытый, рыночный тип эко-

номики, ее социальная ориентированность, демократический характер государства, опирающегося на принцип верховенства права, достижение устойчивости социально-экологического развития за счет рационального природопользования и повышения качества окружающей среды [5].

Стратегия модернизации Беларуси, ядром которой стало построение открытой социально ориентированной экономики с постепенным переходом к инновационному обществу постиндустриального типа, разрабатывалась с учетом сравнительного анализа нескольких альтернатив. В качестве привлекательных образцов выступали:

- германская (или рейнская) [6–11];
- скандинавская (или шведская) модели государства благосостояния [12–19];
- восточноазиатская (или конфуцианская) модель, восходящая к теории «гусино-го клина» японского экономиста К. Акамацу, иногда именуемая *developmental state* («государство, ориентированное на развитие») [6; 20–23].

Германская модель модернизации (с незначительными различиями апробированная в таких странах, как ФРГ, Австрия, Швейцария, Бельгия, Швеция, Япония) опиралась на:

- 1) наличие «индивидуальной свободы и развитость конкуренции как условий реализации рыночных механизмов»;
- 2) социальную политику, опирающуюся на «компромиссные решения разных социальных групп и на прямое участие государства в социальном обеспечении граждан»;
- 3) «государственное регулирование антициклического и антиинфляционного порядка»;
- 4) «осуществление принципа социального партнерства»;
- 5) последовательную реализацию «социальной защиты за счет бюджетных и внебюджетных фондов» [24, с. 158].

Согласно А. Мюллеру-Армаку, ценностными приоритетами германской модели трансформации были социальная справедливость и свобода как составные части будущего социального порядка в послевоенной Германии [25, с. 304–314]. В качестве основных для этой модели Л. Эрхард выделял следующие характеристики:

- 1) баланс между рыночной эффективностью и социальной справедливостью;
- 2) активная поддержка государством рыночной конкуренции за счет создания единых «правил игры»;
- 3) компромиссы и предоставление социальных благ как механизмы проведения государством активной социальной политики;
- 4) стимулирование экономических, технико-технологических, научных и других инноваций;
- 5) проведение рациональной и сбалансированной структурной политики;

- 6) широкое использование принципов социального партнерства [11, с. 95–116].

Высоко оценивая роль социальной экономики в развитии западноевропейских государств конца XX в., М. Альбер противопоставлял «рейнский капитализм» неолиберальной модели американского капитализма, подчеркивая, что благодаря «встроенной» социальной политике, ориентации на инновации, бесплатному обучению и деллокализованной системе размещения производств, рейнская модель обладает значительными преимуществами в противодействии социальному неравенству, обеспечивая высокий уровень социальной безопасности [6, с. 105–178; 9, с. 60–63].

Важнейшей особенностью данной модели, определившей ее привлекательность для Беларуси, было утверждение о том, что государственное вмешательство в экономику призвано обеспечивать синтез между свободным и социально обязательным общественным строем. Благодаря такому вмешательству успехи экономического роста, рационализация производства и повышение производительности труда могут идти на благо народа, а не только на благо бизнеса. Возможность использования подобной парадигмы социальной трансформации как образца для Беларуси подтверждалась наличием определенных предпосылок для успешного проведения реформ. В числе конкурентных специалисты выделяли следующие преимущества:

- 1) качественные «трудовые ресурсы с высоким образовательным уровнем и хорошей профессиональной подготовкой»;
- 2) «значительный, сохраненный и развивающийся научный потенциал»;
- 3) «выгодное географическое положение в виде “моста” между европейскими и азиатскими странами и экономиками»;
- 4) «развитый производственный потенциал как основа для умножения кооперационных связей с другими странами»;
- 5) «наличие в ряде отраслей новых и высоких технологий» [26, с. 377].

Специфику *скандинавской модели модернизации* составляет более выраженная степень социальной ориентированности экономики (низкий уровень безработицы, отсутствие резкой экономической поляризации социальных групп) и социальной защищенности населения (высокий уровень доходов, пенсий, пособий и др.), что обеспечивается посредством перераспределения значительной части ВВП на основе дифференцированных налоговых механизмов [27, с. 20]. Аналитики выделяют три базовых принципа скандинавской модели:

- государственности;
- универсализма;
- равенства [13, с. 2–3].

Рассмотрим, в чем заключается специфика этих принципов.

Принцип государственности. Во второй половине XX в. скандинавские государства формировались как политические «агентства, посредством которых общество может реформировать себя» [17, с. 48]. Государство, опирающееся на децентрализованную систему политической власти и институциональную структуру, глубоко интегрированную в гражданское общество, осуществляет масштабное делегирование полномочий местным властям. Государственная система скандинавских стран, включающая в структуру политических институтов сильные элементы социального гражданства (церковные и муниципальные общины, добровольные общественные организации и др.), основана на идеологии социального равенства, партнерства и компромисса. Финансирование обширных социальных программ, направленных на ликвидацию безработицы и поддержку всех слоев населения, осуществляется посредством перераспределения налогов с активным участием местных органов власти. Это делает государство близким для простых людей, а налогообложение – социально легитимным. В совокупности такие качества скандинавской модели государства определяют высокий уровень социального доверия, а также политической, правовой и гражданской культуры населения, легко мобилизуя его на проведение необходимых преобразований.

Принцип универсализма в структуре скандинавской модели означал, что социальные права и социальная поддержка государства распространяются на все без исключения слои общества. Бесплатные социальные услуги и финансовая помощь не должны быть ориентированы только на неимущих. Суть идеи общества благосостояния в скандинавской интерпретации сфокусирована на принципе «всеобщего благосостояния». Как подчеркивал датский социолог Г. Эспинг-Андерсен, когда все получают помощь, каждый чувствует себя обязанным платить налоги [14, с. 149]. Такая универсалистская модель позволила скандинавским странам успешно пройти этап национального строительства, консолидировав все слои населения и укрепив их гражданско-национальную идентичность. Как показали исследования норвежских политологов Ш. Кунли и Н. Килдал, универсализм продемонстрировал социальную эффективность политики, с точки зрения которой каждый должен быть защищен, поскольку богатые и бедные в равной мере подвержены современным рискам модернизации. Она не только позволила преодолеть опасность социальной сегрегации, роста неравенства и классовой неприязни, но и дала возможность сплотить общество за счет выравнивания различий [16, с. 15–23].

Принцип равенства вытекает из сочетания двух указанных выше особенностей скандинавской модели. В целом, как показали результаты работ финских и шведских аналитиков Ш. Рингена, Х. Ууси-

тало, Й. Фритцелла и У. Лундберга, относительное социальное равенство является историческим наследием скандинавских обществ, социально-классовая структура которых еще в начале XX в. характеризовалась отсутствием бедности и ярко выраженных различий в доходах, сильным положением крестьянства на фоне слабого социально-правового статуса помещиков, доступностью рынка труда для представителей рабочего класса, а также легкостью их доступа к участию в законодательной деятельности [15, с. 164–185; 19, с. 69–91]. Кроме того, как утверждают М. Алестало и П. Флора, скандинавские общества всегда демонстрировали высокий уровень гендерного равенства. Благодаря щедрым социальным пособиям на детей, широкой доступности детских садов и других государственных услуг по их воспитанию, а также устойчивому положению женщин в системе занятости сегодня с известной долей юмора можно сказать, что «скандинавские мужчины освободились от тирании рынка труда, а скандинавские женщины – от тирании семьи» [12, с. 54–55].

Сравнительный анализ немецкой и скандинавской моделей показывает, что наиболее востребованным вариантом модернизации для белорусского общества была ориентация на синтез этих концепций социальной экономики. Ценностные параметры моделей созвучны таким особенностям менталитета белорусов, как хозяйственный рационализм, уважение достоинства личности, религиозная и социокультурная толерантность, ориентация на локальность, любовь к малой родине (отсутствие имперских амбиций и экспансионизма), трудолюбие, стремление к семейному благополучию, уважение к старикам и женщинам, стремление следовать традициям, ориентация на непосредственные формы социального взаимодействия и установление тесного круга локальных социальных связей (семейных, соседских, общинных).

Белорусы, имеющие в этногенезе значительный балтский компонент, долгое время проживали в составе государств (ВКЛ и Речь Посполитая), в социальной структуре которых купеческое и ремесленное (включая инженерное дело) сословия были представлены немецкими, голландскими и шведскими переселенцами. В результате у белорусов сформировались толерантность к представителям разных христианских конфессий (католикам, лютеранам, кальвинистам, униатам и др.) и открытость европейским ценностям. Подобно представителям скандинавской культуры, белорусы неодобрительно относятся к богатству, развивающемуся на фоне нищеты, а также не приемлют резких контрастов в образе жизни и доходах населения, не выносят социальной сегрегации и дискриминации, с уважением относятся к женщинам, ориентированы на принципы социального и гендерного равенства. Благодаря историческому опыту «сарматской»

демократии, крестьянской «талакі» как народной формы общественной самоорганизации национальный менталитет белорусов исторически предрасположен к развитию демократических структур местного самоуправления. Перечисленные особенности культурной традиции белорусов, отсутствие в национальном характере агрессии и авантюризма, высокий уровень дисциплинированности и ответственности, а также прагматизм и бережливость, столетиями воспитываемые в психологии крестьянства, могли стать прочным социально-психологическим основанием продвижения политики реформ, осуществляемой по скандинавской и/или германской модернизационным моделям.

Следует отметить, что эксперты в период разработки стратегии трансформации белорусского общества неоднократно проводили социологические замеры ожиданий, ценностных ориентаций и поведенческих стереотипов населения страны с целью определения тактики реформ. Как отмечает профессор А. И. Зеленков, в начале 2000 г. на вопрос о том, как быстро следует совершать демократические преобразования в обществе, 17 % респондентов отвечали, что их нужно проводить как можно быстрее, а 29 % предпочли постепенный, эволюционный характер преобразований. Отмечая, что «в большинстве своем общество солидарно только в отношении необходимости проведения реформ», в то время как скорость «их осуществления, масштаб, направленность представляют собой проблемы, по поводу которых существуют весьма противоречивые мнения в различных социальных слоях», ученый подчеркивает высокую степень неопределенности образов будущего на тот момент [28, с. 61].

Такая амбивалентная ситуация в общественном сознании белорусов в конце 1990-х гг. давала шанс политическим элитам готовить массовое сознание к принятию конкретной стратегии преобразований, консолидируя граждан вокруг той или иной системы приоритетов. К тому времени были разработаны возможные сценарии социальной трансформации белорусского социума. Первый сценарий, или «программа “тактической модернизации”», предполагал акцент на технологиях «эволюционного и постепенного совершенствования локальных (прежде всего экономического) секторов белорусского общества», его важнейшей целью было не допустить в социально-экономической системе страны «доминирования принципиальных дисфункций и уберечь ее от деструктивного системного кризиса» [28, с. 61–62]. Второй сценарий – либерально-демократический – был ориентирован на системную трансформацию общества в сочетании с «требованиями формирования правового государства, гражданского общества и гарантий свободы личности в основных сферах функционирования социума» [28, с. 62].

Вместе с тем последствия системного кризиса первого постсоветского десятилетия создавали сложное сочетание факторов, ограничивающих пространство маневра. Как подчеркивает А. И. Зеленков, при выборе конкретной модели трансформации учитывались «возможности и границы аккумуляции социального напряжения в сознании различных страт и слоев белорусского общества» [28, с. 63]. Большинство жителей Беларуси не принимало политику «шоковой терапии», бесконтрольной приватизации российского образца и социальный опыт знаменитых 1990-х гг. Население, ментально не склонное к недооценке рисков (действию «на авось»), поддерживало ориентацию на постепенный переход к новым формам рыночной экономики, плавность которого могла бы, согласно представлениям значительной части белорусов, гарантировать более справедливое распределение без резкого ухудшения благосостояния людей.

Привлекательность парадигмы стабильности как ключевой ориентации белорусского транзита определялась необходимостью, во-первых, нащупать баланс между развитием ориентированных на экспорт отраслей экономики, созданием для них определенных институциональных преимуществ и обязанностью государства предотвратить резкий упадок неконкурентного на внешних рынках отечественного производства; во-вторых, не допустить обвальное банкротство национальных производителей, которое могло привести к структурным деформациям национальной экономики и усилению ее финансовой и технико-технологической зависимости от глобальных транснациональных компаний, Международного валютного фонда и других внешних игроков, но вместе с тем сформировать благоприятный инвестиционный климат, создать современную правовую и коммуникационную инфраструктуры, обеспечивающие условия для развития бизнеса и роста среднего класса; в-третьих, сохранить суверенитет при наличии мощного давления со стороны противостоящих друг другу геополитических блоков и обеспечить условия для интеграции национальной экономики в продуктивные социально-экономические региональные союзы. В результате стабильность стала своеобразным брендом белорусской модели социальной трансформации.

Следует отметить, что в понимании разработчиков данной стратегии принцип стабильности не означал консервацию отсталости, но подразумевал поэтапность проведения реформ, их последовательный характер с максимально возможным сохранением социальных гарантий населения и координационно-управляющих функций государства [24, с. 159]. Цели модернизации, требующей перехода к инновационному обществу постиндустриального типа, предполагали достижение открытого характера белорусской экономики, преодоление

стагнации, характерной для изжившей себя советской командно-административной хозяйственной системы. Решение такой задачи позволило бы максимально эффективно использовать географическое положение Беларуси, обеспечить будущую интеграцию страны в мировую систему экономических взаимодействий.

Однако разработка стратегии социальной трансформации потребовала, наряду с определением парадигмы стабильности, конкретизации *параметров перехода*. Необходимость формирования открытого общества в условиях глобализации рисков поставила политические элиты Беларуси перед весьма сложной задачей, связанной с наличием, на первый взгляд, взаимоисключающих условий. С одной стороны, в эпоху глобализации ни одна из национальных экономик не может долго оставаться закрытой, а с другой – она не может быть абсолютно открытой в силу приоритетности национальных интересов. Соображения социальной, экономической и политической безопасности, направленные на защиту интересов государства в условиях активных форм глобального империализма, предполагали отказ от таких путей трансформации, которые могли привести к автоматическому снятию всех ограничений на транснациональные потоки капитала, товаров, услуг и ресурсов, проходящие сквозь социальное пространство страны.

Для понимания глубины противоречий, требующих разрешения в ходе модернизации, необходимо обратить внимание на следующие аспекты проблемы. Во-первых, открытое общество может сохранять устойчивость в нестабильном мире только при условии наличия уже развитой консолидированной демократии, а также сложившейся системы массовых партий, представляющих интересы основных групп населения и обеспечивающих, как обоснованно показал С. Хантингтон, не только эффективную канализацию социальных конфликтов, но и вовлечение широких масс населения в легальную, конструктивную политическую деятельность [29]. В посткоммунистической Беларуси такие институты пребывали в зачаточном состоянии, в связи с чем геополитические турбулентности могли легко дестабилизировать общественную жизнь и сорвать модернизационные реформы.

Во-вторых, перед открытой экономикой всегда стоят угрозы лавинообразного нарастания зависимости от импорта технологий, утечки «мозгов» и капитала, попадания в зависимость от экспорта ресурсов (например, от «нефтяной иглы»), угрозы информационной безопасности и др. Иными словами, социальная трансформация белорусского общества предполагала одновременное решение разнонаправленных задач, успешность которого зависела от возможностей элит сохранять подвижное и управляемое динамическое равновесие в политике преобразований.

Основной опасностью такого маневрирования была возможность долгосрочного переключения политики с последовательного углубления реформ и модернизации социальных институтов на простой и знакомый с советских времен переход в фазу консервации транзитивных структур за счет укрепления механизмов политического контроля и централизации управления. Амбивалентность парадигмы стабильности требовала от властвующих элит особых политических компетенций, стратегического видения и высокого уровня социальной ответственности за будущее страны. Приняв в первом десятилетии XXI в. курс на поэтапный переход к социально ориентированной рыночной экономике, политические элиты подтвердили социокультурный запрос большинства белорусских граждан на сбалансированность и плавность осуществляемых преобразований, их обоснованность и социальную контролируемость. Стратегия трансформации была ориентирована на укрепление белорусской государственности и создание централизованных политико-правовых институтов, позволяющих осуществлять управляемый переход к рынку.

Следует отметить, что 20 лет трансформации имели ряд впечатляющих успехов. Как справедливо отмечает академик В. Г. Гусаков, «страна проделала путь от “сборочного цеха” в составе СССР до современной экономики, нацеленной на экспорт. <...> Занимая только 86-е место в мире по площади территории и 90-е место по общей численности населения, что по удельному весу в мировом сообществе составляет 0,15 и 0,1 % соответственно, Беларусь формирует определенную “нишу” в мировой экономике, по ряду параметров демонстрируя гораздо более высокие рейтинговые позиции. Так, удельный вес республики в мировом ВВП (по паритету покупательной способности – ППС) составляет 0,18 %, а вклад в мировой экспорт еще более весом – 0,24 % по итогам 2011 г., что в два с лишним раза превышает результат 2000 г. (0,11 %). Согласно данным Всемирного банка за 2012 г., по показателю доли экспорта товаров и услуг в ВВП Беларусь занимает 13-е место в мире» [3, с. 4].

Вместе с тем за эти годы тактические ошибки в реализации принятой стратегии развития привели к ряду структурных деформаций в социальном организме страны. Торможение процессов модернизации, определенная пробуксовка в реализации белорусской модели социально-экономического развития во втором десятилетии XXI в. обусловлены комплексом причин.

Как неоднократно отмечали специалисты, наша экономика уже с 1998 г. находится под прессом негативных факторов глобального порядка, таких как мировые финансовые кризисы (азиатский 1998 г., американский 2008 г. и др.), порождаемые спекулятивным характером глобальных финансовых транзакций, и падение цен на энергоносители.

Кроме того, начинает сказываться ряд структурных проблем национального развития, включая дефицит бюджета, платежного баланса, низкий процент зарубежных инвестиций, отсутствие реальных источников финансирования социальных программ, низкую рентабельность продаж в организациях промышленности, неконкурентоспособность многих отраслей производства на мировых рынках и др. [27, с. 21–22]. Если говорить о социально-экономических диспропорциях и проблемах, то можно согласиться с выводом о том, что «на сегодняшний день основной проблемой на пути устойчивого развития Беларуси является недостаточная интегрированность белорусской экономики в глобальные процессы» [3, с. 6]. Речь идет о таком качестве интеграции, которое формируется не количественными показателями экспорта-импорта, а конкурентоспособностью страны на мировых рынках.

Анализ механизмов реализации выбранной стратегии показал, что несмотря на привлекательность немецкого и скандинавского вариантов, политические элиты страны, спасавшиеся перед трудностями демократического строительства, в большей степени воспользовались восточноазиатской моделью модернизации. Последнюю отличает не просто ведущая роль государства в планировании и осуществлении реформ, но и сосредоточение в его руках всей полноты экономической власти, независимость аппарата управления от основной массы населения и происходящих в обществе социальных процессов, тесная связь государства и бизнеса.

Значимость данного образца для белорусского социума определялась соображениями о том, что приводные ремни государственной власти могут быть использованы для проведения структурных преобразований и технологической модернизации страны, достижения самоподдерживающегося экономического роста, институциональной модернизации. Механизмами трансформации должны были стать следующие факторы: создание устойчивого монетарного равновесия, предотвращение массовой безработицы и роста неравенства в доходах, стимулирование импорта технологий и экспорта готовой продукции, гибкая таможенная политика, направленная на защиту внутреннего рынка, установление дифференцированных процентных ставок и монополии определенных производителей. Важнейшим достоинством этой модели, частично апробированной в Беларуси, можно считать отсутствие «шоковой терапии», сохранение рабочих мест и постепенность осуществляемых реформ как гарантии социальной стабильности.

Вместе с тем эффективность конфуцианской модели предполагает следующие обязательные условия:

1) интеграцию в глобальную экономическую систему;

2) неограниченный объем дешевой рабочей силы, ставший одним из факторов успеха модернизации в странах Восточной Азии;

3) «семейно-корпоративную», этнически дифференцированную форму ведения бизнеса, устанавливающего тесные родственные связи с политической элитой;

4) нивелировку индивидуально-личностного начала;

5) опору на ценности конфуцианской трудовой этики.

Белорусское общество не могло успешно реализовать данную модель в силу ряда структурных и ценностно-мировоззренческих несоответствий. Прежде всего, белорусские политические элиты не сумели успешно воспользоваться опытом восточноазиатских экономических преобразований отчасти потому, что долгое время с подозрением относились к идее глобализации. Характеризуя слабость экономических стратегий государств, ориентированных на самообеспечивающий тип экономического производства, присущий ранним формам индустриализма, известный японский экономист К. Омаэ писал: «Когда благополучие обществ зависит от их безопасной и уверенной способности использовать собственные ограниченные природные ресурсы, их национальный интерес понятен: защитить эти ресурсы, при необходимости посредством военной силы, а также контролировать их потребление. Но, <...> в современной экономике, основанной на знаниях, страны, которые продолжают определять свои интересы преимущественно в этих терминах, <...> страдают от того, что я называю “ресурсной иллюзией”. Во имя защиты своих национальных интересов, они отгораживаются стеной от самых мощных двигателей роста» [23, с. 60].

Кроме того, в отличие от конфуцианских локомотивов модернизации, Беларусь не имела развитой системы землячества в эмигрантской среде, численность которой ничтожно мала по сравнению с китайскими хуацяо на Западе. К тому же белорусские эмигранты в большинстве не являются представителями крупного и даже среднего бизнеса, поэтому Беларусь не могла рассчитывать на значимый поток иностранных инвестиций в развитие национальной экономики за счет активизации финансовых и культурных ресурсов национальной эмиграции, как это сделали Китай, Япония и Южная Корея.

Негативный эффект данного обстоятельства был усилен доминантой партикулярных бюрократических интересов над ценностью «общего блага» в политике реформ. Сравнивая преимущества и недостатки восточноазиатской модели для Беларуси, нельзя не согласиться со следующим утверждением К. Омаэ: «Рост зависит от интеграции в мировую экономику, а не от умения держаться от нее подальше. Он определяется установлением и мобилизацией

ей трансграничных экономических связей, создающих добавочную стоимость, а не стремлением во имя “национального интереса” заклеить эти связи как оскорбляющие прерогативы национального суверенитета. <...> Решение в пользу автономного национального государства в условиях ограниченности ресурсов предполагает игру с “нулевой суммой”. Модель автономии регионов, открытых для мировой экономики, – это игра с прибылью (*plus-sum*), поскольку в этом случае богатства привносятся извне. Все больше и больше, однако, принцип “национального интереса” начинает использоваться как прикрытие для защиты особых интересов, а вовсе не интересов народа» [23, с. 62].

Далее, исходя из аксиологических оснований национальной традиции и гуманистических ценностей христианской культурно-цивилизационной парадигмы, белорусское общество негативно воспринимает отождествление ценностей экономического успеха с самоцелью общественного развития, достигаемой любой человеческой ценой (ведь именно этот момент был ключевым в вопросе отрицания белорусским населением «шоковой терапии»). В то время как конфуцианская стратегия принимала различные формы социальной дискриминации (дешевый женский и детский труд, запрет на профсоюзные объединения и любые формы борьбы в защиту прав рабочих), используя в качестве важнейшего конкурентного преимущества практически бесконечный ресурс дешевой рабочей силы, постоянно прибывающей в города из сельской местности.

Немаловажным обстоятельством является отсутствие в этнокультурной традиции белорусов ценностных ориентаций, аналогичных по своей мотивирующей силе установкам и принципам конфуцианской трудовой этики. Аксиологическому строю белорусской ментальности не присущи ценности корпоративного коллективизма. В нем наблюдается доминирование сельского традиционализма, социально-психологическая предрасположенность к локальному индивидуализму и солидарно-общинному патернализму. Эти особенности определили отсутствие экстраординарной мотивации к труду в условиях низкой заработной платы и падение уровня социальной мобилизации.

Несмотря на то, что белорусы достаточно трудолюбивы и характеризуются относительно высокой степенью дисциплинированности, они не обладают необходимым потенциалом социального и предпринимательского активизма, который в сочетании с высокой степенью трудолюбия, индивидуализма, предприимчивости, протестантским аскетизмом, честностью и пунктуальностью, мог бы стать основанием расцвета предпринимательской культуры в период посткоммунистической трансформации. Однако белорусам с их склонностью к аграрному, общинно-патерналистскому типу социальности все же не присущ азиатский корпоративизм, замешанный на традиционно кон-

фуцианской, вертикально-иерархической культуре семейно-клановых отношений с ярко выраженными гендерными доминантами и низкой ценностью личностного начала.

Как подчеркивает Д. Перкинс, в политических системах Восточной Азии отсутствуют эффективно функционирующие институты правового государства и независимого суда, а традиционным заменителем права, создающего условия безопасного ведения бизнеса, становятся «доверительные межличностные отношения, основанные на семейных узах, а также на связях, выходящих за пределы семьи» [20, с. 208]. Анализ конфуцианских форм модернизации, проведенный К. Г. Мюрдалем, показал, что проблемой успешной модернизации ряда восточноазиатских стран является укорененный в национальной ментальности статус бюрократа – чиновника, наделенного правом действовать по своему усмотрению в пределах руководимой им отрасли [22, с. 951–952]. В условиях отсутствия развитого гражданского общества и политико-правовой инфраструктуры такое положение чиновника легко порождает лавинообразно нарастающую бюрократизацию управления, способствует появлению коррупции, сращиванию бизнеса и административных структур, препятствуя эффективному развитию экономики. Предприниматель скорее ориентируется на установление личных контактов с представителями власти, чем на объективные требования рынка и рост производительности труда. В восточноазиатском контексте отношения между предпринимателями и государственными чиновниками всегда были основаны на личных связях, в которые вмешивался родственный контекст. Д. Перкинс отмечает: «Конфуцианская система устанавливает строгую иерархию как внутри семьи, так и в ее взаимоотношениях с внешними властями вплоть до императора. Данная система по сей день остается центральным компонентом китайской, корейской и японской культур» [20, с. 208].

Экономическая эффективность такой социальной организации бизнеса амбивалентна. С одной стороны, конфуцианская модель деловой жизни позволила Китаю, Японии и восточноазиатским «тиграм» быстро преодолеть сложные этапы модернизации, обеспечив в течение более 30 лет широкомасштабные инвестиции в развитие новых производств [20, с. 215]. Однако сильная сторона конфуцианской деловой культуры имеет свои теневые стороны, среди которых Д. Перкинс называет два обстоятельства:

- зависимость финансовой стабильности азиатских банков от правительственной помощи, на которую по умолчанию рассчитывают банкиры, совершая рискованные операции;
- относительная непрозрачность хозяйственной системы этих стран для глобальной экономики в силу отсутствия единого правового пространства для ведения бизнеса [20, с. 218–219].

Белорусским элитам не удалось полностью избежать основной ловушки восточноазиатской стратегии модернизации – неспособности построить эффективную с точки зрения решения задач экономического развития систему функционирования государственного аппарата, которая могла бы препятствовать развитию двух негативных тенденций, связанных с иерархической централизацией функций управления: коррупции и бюрократизации. Если частичная реализация восточноазиатской модели в белорусском опыте социальной трансформации не могла реализовать ее преимуществ в силу отсутствия необходимых социальных ресурсов и культурно-цивилизационных оснований, то теневые стороны данной стратегии проявились в форме развития «серых» сфер экономики, коррупции, возникновения тесной связи бюрократии и бизнеса, жесткой регламентации экономической деятельности, препятствующей становлению предпринимательского активизма и снижающей степень благоприятности инвестиционного климата.

Чрезмерное усиление роли государства, сопрягающегося с крупным бизнесом, входит в прямое столкновение с теми ментальными особенностями белорусского народа, которые определили принятие идеи социально ориентированной экономики, принципов социального партнерства, предполагающих «равноправные и равноответственные отношения между нанимателями, работниками и государством» [24, с. 160]. Переход на контрактную систему найма, сворачивание профсоюзной деятельности и многие другие изменения в трудовом и социальном законодательстве страны привели к забвению основных принципов социально ориентированной экономической модели, а именно:

1) «всеобщего уважения общепринятых законов, партнерские взаимодействия государства и рыночных структур»;

2) «свободы экономической деятельности»;

3) «устойчивости экономического роста как материальной базы всеобщего и справедливого благосостояния»;

4) «оптимальной занятости»;

5) «установления социальных гарантий... равных для всех социальных слоев возможностей»;

6) «социальной справедливости и социальной защиты для всех слоев населения»;

7) «сохранения социального мира... на основе своевременного переговорного разрешения противоречий между социальными группами» [24, с. 160].

В данном контексте необходимо подчеркнуть, что принимаемая за основу трансформации модель открытой социально ориентированной экономики формировалась отечественными учеными с учетом ценностных ориентаций белорусского населения, с пониманием необходимости сохранения исторических и социально-культурных основ нашего общества. В качестве таких аксиологических параметров в начале процесса трансформации вы-

ступали следующие характеристики национальной ментальности: «общинные, коллективные начала; развитое чувство социальной справедливости; толерантность и “памяркоўнасць”; трудовые ценности ориентиры; многонациональность и своеобразие культур разных народов; ориентация на сочетание материального и духовного начал и благ; развитое чувство ответственности за судьбу Отечества» [26, с. 374]. И, как справедливо подчеркивает Э. А. Лутохина, «неучет, игнорирование такого рода особенностей чреваты тяжкими последствиями не только для реализации реформ, но и кризисными явлениями вплоть до разрушения этноса. Учет же названных выше черт белорусского народа ставит заслон таким негативам рыночного типа системы, как беззастенчивая эксплуатация, эгоцентризм, массовая безработица» [26, с. 374].

Ориентация на социальную справедливость и безопасность, столь близкая белорусскому сознанию, в корне не свойственна азиатской модели развития, как и азиатской культуре в целом. Характерно, что японские экономисты, разработавшие концепцию «гусиного клина» как модели «семейного» капитализма современного японского общества, подчеркивают принципиальную разницу западного и азиатского капитализмов, основанную, по их мнению, на различии религиозных традиций [21, с. 26–28, 62–76]. Качественные отличия белорусского и азиатского менталитетов явились одним из решающих факторов невозможности эффективной реализации конфуцианской модели модернизации в нашей стране. Поскольку менталитет формируется в процессе длительной исторической эволюции народа, его содержание вбирает в себя множество различных влияний – природно-географических и социальных, исходящих из коллективного бессознательного и его архетипов, а также из символических оснований традиции. Наряду с комплексом объективных материально-экономических причин, ряд особенностей национальной культуры и психологии народа можно считать источниками замедления темпов перехода к новым формам социально-экономического развития. Во многом в силу действия этих социокультурных факторов белорусская социально-экономическая модель развития, опирающаяся на восточноазиатский образец, не смогла продемонстрировать столь же впечатляющих результатов.

Завершая сравнительный анализ соответствия приоритетов стратегии социальной трансформации белорусского общества культурным традициям, следует отметить, что модернизация Беларуси не может миновать ключевых параметров успеха: структурные изменения в основных отраслях экономики, нацеленные на диверсификацию энергетики и производства, использование новых технологий, экологическую модернизацию на основе принципов *sustainable development*, углубление разделения труда и рост его производительности,

создание динамичных рынков денег, товаров, услуг и рабочей силы, формирование инновационной технологической, коммуникационной и научно-образовательной инфраструктуры. Трудности, с которыми сегодня сталкивается страна, спровоцированы не только давлением внешних факторов, включая вызовы глобализации, но и в значительной мере ценностно-нормативными противоречиями институциональной организации белорусского общества. В связи с этим переход к инновационной экономике, способной вывести Беларусь на качественно новый уровень развития, немалозначим без глубинных изменений данного измерения общественной жизни.

Выход из кризисной ситуации предполагает направленную динамику нормативных экспектаций, поскольку социальные институты опосредуют связи между ценностными ориентациями субъектов, их мотивами и возможностями, являются факторами, контролирующими поведение людей. Деинституционализация неизбежно будет связана с изменением механизмов социальной интеграции, она потребует перехода от инструментально-прагматических форм рациональности, присущих практикам управления в индустриальном обществе, к коммуникативным формам социального действия, активизирующим символический и нравственно-регулятивный потенциал национальной культуры. Фаза «рефлексивной» модернизации не может

осуществляться по аналогии с «контрмодернизацией» советского образца, основанной на репрессивных механизмах контроля. Темпоральная множественность современных социокультурных пространств предполагает смену механизмов координации социальных действий, возникновение новых форм гражданских объединений и социальных практик.

Коммуникативная рациональность создаст условия для снижения аффективной вовлеченности индивидов в традиционную мотивацию социального действия, позволит критически переосмыслить те паттерны мировосприятия, которые сохранили специфику аграрной культуры. Легитимация «рефлексивного» модерна в Беларуси должна осуществляться в открытой межкультурной коммуникации, предполагающей включение в диалог важнейших цивилизационных центров глобального мира. Сегодня необходим совместный поиск перспективных направлений развития, фундирующих потенциально возможное совпадение интересов различных стран. Вероятно, такие основания будут сформированы общностью рисков, экологических вызовов и технологических угроз, безразличных к культурной специфике населяющих Землю народов. Однако поиск ответов на эти вызовы предполагает актуализацию их уникального культурного опыта, требующего творческого развития в контексте встающих перед нами задач.

Библиографические ссылки

1. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М. : Прогресс-Традиция, 2000.
2. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знания / пер. с нем. А. Ю. Антоновского, Г. В. Гороховой, Д. В. Ефременко и др. М. : Логос, 2010.
3. Гусаков В. Г. Формирование инновационной экономической политики Республики Беларусь // Проблемы упр. 2014. № 1 (50). С. 4–13.
4. Лутохина Э. А., Козловский В. В., Бусько В. Н. Макроэкономика: Социально ориентированный подход / под ред. Э. А. Лутохиной. Минск : Тесей, 2003.
5. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 01.12.2016).
6. Альбер М. Капитализм против капитализма : монография / пер. с фр. Л. С. Горшковой. СПб. : Экономическая школа, 1998.
7. Ойкен В. Основы национальной экономики / пер. с нем. М. : Экономика, 1996.
8. Рыночная демократия в действии: современное политико-экономическое устройство развитых стран / под ред. В. Мау, А. Мордашова, Е. Турунцева. М. : Институт экономики переходного периода, 2005.
9. Социальное рыночное хозяйство. Теория и этика экономического порядка в России и Германии : пер. с нем. / под ред. В. С. Автономова. СПб. : Экономическая школа : Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов : Высшая школа экономики, 1999.
10. Цинн К. Г. Социальное рыночное хозяйство: идея и развитие экономического строя ФРГ : пер. с нем. / под ред. И. М. Лемешевского. Минск, 1994.
11. Эрхард Л. Благосостояние для всех / пер. с нем. М. : Дело, 2001.
12. Alestalo M., Flora P. Scandinavia: Welfare States in the Periphery – Peripheral Welfare States // The Transformation of Europe: Social Conditions and Consequences / ed. by M. Alestalo, E. Allardt, A. Rychard et al. Warsaw : IFiS Publishers, 1994. P. 53–73.
13. Alestalo M., Hort S. E. O., Kuhn S. The Nordic Model: Conditions, Origins, Outcomes, Lessons // Hertie care gov. Work. Pap. 2009. № 41. P. 1–58.

14. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge : Polity Press, 1990.
15. Fritzell J., Lundberg O. Fighting Inequalities in Health and Income: One Important Road to Welfare and Social Development // Social Policy and Economic Development in the Nordic Countries / ed. by O. Kangas, J. Palme. London : Palgrave Macmillan, 2005. P. 164–185.
16. Kildal N., Kuhnle S. Normative Foundations of the Welfare State: The Nordic Experience. 1st ed. London : Routledge, 2005. P. 13–33.
17. Korpi W. The Working Class in Welfare Capitalism: Work, Unions and Politics in Sweden. London ; Henley ; Boston : Routledge and Kegan Paul, 1978.
18. Kuhnle S., Hort S. E. O. The Developmental Welfare State in Scandinavia. Lessons for the Developing World [Electronic resource] // Soc. Policy Dev. 2004. № 17. URL : [http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/\(httpAuxPages\)/9C6E3A3338E09652C1256D8100457272/\\$file/kuhnle.pdf](http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/(httpAuxPages)/9C6E3A3338E09652C1256D8100457272/$file/kuhnle.pdf). (date of access: 01.07.2016).
19. Ringen S., Uusitalo H. Income Distribution and Redistribution in the Nordic Welfare States // Int. J. Sociol. 1990. Vol. 20. № 3. 1992. P. 69–91.
20. Перкинс Д. Законность, семейственность и азиатский способ ведения бизнеса // Культура имеет значение : антология / пер. с англ. А. Захарова, под ред. Н. Гаямовой. М. : Московская школа политических исследований, 2002. С. 206–220.
21. Hatch W., Yamamura K. Asia in Japan's Embrace. Building a Regional Production Alliance. Cambridge : Cambridge University Press, 1996.
22. Myrdal G. Asian Drama: An Inquiry in to the Poverty of Nations // Austrian Q. Vol. 40, № 4. P. 118–121. DOI: 10.2307/120634250. 1968.
23. Ohmae K. The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies. New York : The Free Press, 1995.
24. Лутохина Э. А. Экономическая система общества: структура, социальная ориентация, белорусская модель. Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2003.
25. Невский С. И. Альфред Мюллер-Армак. Вступительная статья и отобранный текст: Предложения по осуществлению социальной рыночной экономики (1948) // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков : коллект. моногр. : в 5 т. / редкол.: Г. Г. Фетисов, А. А. Худокормов. М. : Мысль, 2004. Т. 4 : Век глобальных трансформаций / отв. ред. Ю. Я. Ольсевич. С. 304–314.
26. Макроэкономика: социально ориентированный подход / 2-е изд., перераб. и доп.; под ред. Э. А. Лутохиной. Минск : ИВЦ Минфина, 2010.
27. Коваленко С. А., Мальгина Т. А. Какую модель развития страны выберут белорусы? // Труд. профсоюзы. О-во. 2013. № 4 (42). С. 19–24.
28. Зеленков А. Глобализация как социокультурный вызов современной эпохи // Беларусь – XXI стагоддзе: нацыянальна-культурнае і духоўнае развіццё / рэдкал.: А. Грыцкевіч, Э. Дубянецкі, С. Запрудскі і інш. Мінск : Нацыянальны навукова-асветніцкі цэнтр імя Ф. Скарыны, 2004. С. 45–64.
29. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2003.

References

1. Beck U. [Risk Society: Towards a New Modernity]. Moscow : Progress-Tradition, 2000 (in Russ.).
2. Bechmann G. [Contemporary Society: Risk Society, Information Society, Knowledge Society]. Moscow : Logos, 2010 (in Russ.).
3. Gusakov V. G. [Formation of the Innovative Economic Policy of the Republic of Belarus]. *Probl. upr.* 2014. No. 1 (50). P. 4–13 (in Russ.).
4. Lutokhina E. A., Kozlovskii V. V., Bus'ko V. N. [Macroeconomics: Socially Oriented Approach]. Minsk : Theseus, 2003 (in Russ.).
5. [The Constitution of the Republic of Belarus (as Amended and Supplemented by Republican Referendums on November 24th, 1996 and October 17th, 2004). URL: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (date of access: 01.12.2016) (in Russ.).
6. Albert M. [Capitalisme contre capitalisme]. Saint Petersburg : Ekonomicheskaya shkola, 1998 (in Russ.).
7. Oyken V. [Fundamentals of the National Economy]. Moscow : Ekonomika, 1996 (in Russ.).
8. Mau V., Mordashova A., Turuntseva E. (eds) [Market Democracy in Action: the Modern Political and Economic Structure of the Developed Countries]. Moscow : Institut ekonomiki perekhodnogo perioda, 2005 (in Russ.).
9. Avtonomov V. S. (ed.) [Social Market Economy. The Theory and Ethics of the Economic Order in Russia and Germany]. Saint Petersburg : Ekonomicheskaya shkola: Saint Petersburg State University of Economics and Finance : Higher School of Economics, 1999 (in Russ.).
10. Zinn K. G. [Social Market Economy: The Idea and Development of the Germany Economic System]. Minsk, 1994 (in Russ.).
11. Erhard L. [Well-being for All]. Moscow : Delo, 2001 (in Russ.).
12. Alestalo M., Flora P. Scandinavia: Welfare States in the Periphery – Peripheral Welfare States. In: Alestalo M., Al-lardt E., Rychard A., et al. (eds) *The Transfomation of Europe: Social Conditions and Consequences*. Warsaw : IFiS Publishers, 1994. P. 53–73.
13. Alestalo M., Hort S. E. O., Kuhnle S. The Nordic Model: Conditions, Origins, Outcomes, Lessons. *Hertie care gov. Work. Pap.* 2009. No. 41. P. 1–58.
14. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge : Polity Press, 1990.
15. Fritzell J., Lundberg O. Fighting Inequalities in Health and Income: One Important Road to Welfare and Social Development. In: Kangas O., Palme J. (eds) *Social Policy and Economic Development in the Nordic Countries*. London : Palgrave Macmillan, 2005. P. 164–185.

16. Kildal N., Kuhnle S. Normative Foundations of the Welfare State: The Nordic Experience. 1st ed. London : Routledge, 2005. P. 13–33.
17. Korpi W. The Working Class in Welfare Capitalism: Work, Unions and Politics in Sweden. London ; Henley ; Boston : Routledge and Kegan Paul, 1978.
18. Kuhnle S., Hort S. E. O. The Developmental Welfare State in Scandinavia. Lessons for the Developing World. In: *Social Policy and Development* 2004. No. 17. URL : [http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/\(httpAuxPages\)/9C6E3A3338E-09652C1256D8100457272/\\$file/kuhnle.pdf](http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/(httpAuxPages)/9C6E3A3338E-09652C1256D8100457272/$file/kuhnle.pdf). (date of access: 01.07.2016).
19. Ringen S., Uusitalo H. Income Distribution and Redistribution in the Nordic Welfare States. *Int. J. Sociol.* 1990. Vol. 20. No. 3. 1992. P. 69–91.
20. Perkins D. [Legality, Family and the Asian Way of Business]. In: [Culture Matters: How Values Shape Human Progress]. Moscow : Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2002. P. 206–220 (in Russ.).
21. Hatch W., Yamamura K. Asia in Japan's Embrace. Building a Regional Production Alliance. Cambridge : Cambridge University Press, 1996.
22. Myrdal G. Asian Drama: An Inquiry in to the Poverty of Nations. *Austrian Q.* Vol. 40, № 4. P. 118–121. DOI: 10.2307/120634250.
23. Ohmae K. The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies. New York : The Free Press, 1995.
24. Lutokhina E. A. [The Economic System of Society: Structure, Social Orientation, Belarusian Model]. Minsk : Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, 2003 (in Russ.).
25. Nevskii S. I. [Alfred Muller-Armak. Introductory Article and Selected Text: Proposals for the Implementation of the Social Market Economy (1948)]. In: [World Economic Thought. Through the Prism of the Centuries] : collect. monograph : in 5 vols. Moscow : Mysl', 2004. Vol. 4 : [The Age of Global Transformations]. P. 304–314 (in Russ.).
26. Lutokhina E. A. [Macroeconomics: Socially Oriented Approach]. 2nd ed. Minsk : IVTs Minfina, 2010 (in Russ.).
27. Kovalenko S. A., Mal'gina T. A. [What Kind of the Country's Development Model will Belarusians Choose?]. *Trud. Profsoyuzy. Obshchestvo*. 2013. No 4 (42). P. 19–24 (in Russ.).
28. Zelenkov A. [Globalization as a Socio-cultural Challenge of the Modern Era]. In: [Belarus – XXI century: national, cultural and spiritual development]. Minsk : Francisk Skaryna National Scientific Educational Center, 2004. P. 45–64 (in Russ.).
29. Huntington S. [The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century]. Moscow : ROSSPEN, 2003 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 28.10.2017.
Received by editorial board 28.10.2017.

УДК 322+281.93

ДИАЛОГ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Н. С. ЩЁКИН¹⁾

¹⁾Институт социологии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Исследуется вопрос сотрудничества церкви и государства на современном социально-историческом этапе развития общества. Диалог церкви и государства рассматривается в качестве атрибута современного общества. Акцентируется внимание на инновационной деятельности в практике отношений между государством и церковью, где формирование инновационного мышления является безусловным фактором, без которого любые нововведения будут неэффективны.

Ключевые слова: диалог церкви и государства; инновация; православие; Белорусская православная церковь (БПЦ); Русская православная церковь (РПЦ); основы социальной концепции РПЦ; церковь; государство; доктрина.

THE DIALOGUE OF CHURCH AND STATE IN THE CONTEXT OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF MODERN BELARUSIAN SOCIETY

N. S. SHCHEKIN^a

^aInstitute of Sociology of the National Academy of Science of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

The author explores the issue of church and state cooperation at the modern stage of society development. Dialogue between church and state is viewed as an attribute of modern society. Attention is focused on the innovative activities of the practice of relations between state and church, the formation of innovative thinking is a factor without which any innovations will be ineffective.

Key words: dialogue of church and state; innovation; Orthodoxy; Belarusian Orthodox Church; Russian Orthodox Church (ROC); Fundamentals of the social concept of the ROC; church; state; doctrine.

Участие церкви в общественной жизни страны может порождать в массовом сознании иллюзию того, что в деятельности церковь опирается на простое заимствование из православного учения окончательно устоявшейся и подкрепленной многовековым опытом системы ценностей, имеющей традиционный характер модели взаимодействия с другими социальными субъектами. Однако современная православная церковь формируется под влиянием стремительных и противоречивых процессов модернизации и трансформации всех сто-

рон жизни белорусского общества. Священнослужители как члены государства придерживаются различных политических взглядов и предлагают многообразные решения социальных и культурных проблем. Труды отдельных православных богословов и христианских философов строятся не только на соблюдении положений догматического характера, но и на выражении персональных мнений и интерпретации неоднозначных, а порой и диаметрально противоположных процессов, происходящих в обществе. При этом ортодоксальные

Образец цитирования:

Щёкин Н. С. Диалог церкви и государства в контексте инновационного развития современного белорусского общества // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 1. С. 53–58.

For citation:

Shchekin N. S. The dialogue of church and state in the context of innovative development of modern Belarusian society. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 1. P. 53–58 (in Russ.).

Автор:

Николай Сергеевич Щёкин – кандидат философских наук, доцент; руководитель центра политической и экономической социологии.

Author:

Nicholas S. Shchekin, PhD (philosophy), docent; head of the center of political and economic sociology.
biant14@icloud.com

церковные идеологи, исходя из того факта, что православие сыграло в белорусской истории важную культуuroобразующую и ментально цементирующую роль, настаивают на том, что и сегодня оно остается единственным гарантом самостоятельного социокультурного развития Беларуси. Стремясь к воцерковлению народа и установлению тесного союза с властью, идеологи, на наш взгляд, не учитывают значительную дифференциацию современного белорусского общества в социально-политическом, национально-религиозном и мировоззренческом отношениях.

Говоря о современной церковной доктрине, надо иметь в виду, что как католическая, так и православная церкви не отождествляют свои взгляды и идеи с учениями богословов и философов. Архиерейский собор Русской православной церкви (РПЦ) в 2000 г. признал необходимость выработать всеобъемлющую концепцию, которая будет отражать общецерковный взгляд на вопросы церковно-государственных отношений и проблемы современного общества в целом. В частности отмечалось, что «труды отдельных православных богословов, пастырей, философов, ученых выражают частные мнения, порой диаметрально противоположные, а не официальную позицию Церкви. Причем эти частные мнения, будь-то мнения “левых” или “правых”, в ряде случаев выдаются за позицию всей Церкви, а иногда даже обвиняются в ереси. <...> Поэтому необходимо сформулировать общецерковную социальную концепцию – не партийную, “правую” или “левую”, а укорененную в Священном Писании и Священном Предании, следующую в русле и духе нашей богословской традиции» [1, с. 2, 4]. Центральное место в этой концепции занимает отношение РПЦ к общественно-политическим процессам, понимание места церкви в жизни светского общества, готовность к сотрудничеству с государством в определенных сферах общественной жизни. Отдельно необходимо подчеркнуть особенность данной доктрины. Она заключается в том, что, с одной стороны, последовательно отстаивается приоритет государства в диалоге как с личностью, так и с обществом, а с другой – обосновывается наличие дистанции РПЦ и политической власти. Об этом ясно высказался патриарх Кирилл в докладе на Архиерейском совещании РПЦ 2 февраля 2015 г.: «В своих сношениях с государством и обществом Церковь стремится к конструктивному взаимодействию и плодотворному *сотраотничеству*»¹ [2, с. 8].

Церковь, государство и «мир сей» во многом различны, что обусловлено отличием как приоритетов, так и целей и задач. Предметом забот госу-

дарства и большинства общественных объединений являются, прежде всего, земные ценности, а предметом заботы церкви – духовные, т. е. спасение людей для жизни вечной. Поскольку церковь можно назвать богочеловеческим организмом, она не должна становиться в подчиненное, зависимое от власти или какой-либо общественной группы положение. Модель равноправного и равносубъектного сотрудничества доказала свою дееспособность и эффективность в отношениях церкви с общественными объединениями и светской властью.

Не правы оказываются и те люди, которые пытаются непременно противопоставить церковь, общество и государство путем трактовки принципа светскости как обоснования для непримиримого конфликта или радикального разделения. Разумеется, не следует объединять управленческие структуры церкви и государства. Общественные ассоциации также призваны сохранять некую автономию и от государства, и от церковных институтов, но при этом люди в церкви, государстве и обществе в значительной мере одни и те же.

Очевидно, что задача государства состоит в сохранении помимо общественного порядка и физического здоровья граждан моральных устоев, а также в заботе о сохранении семьи, возрождении культуры, взаимопонимании между людьми и народами. Церковь, по заявлению патриарха на Архиерейском совещании, со своей стороны также поддерживает в обществе приоритет непреходящих нравственных ценностей, хранит вековые традиции, помогает и народу, и власти духовно сориентироваться – в этом состоит миссия церкви в современном мире. [3, с. 30–31]. На наш взгляд, это заявление не лишено противоречия. Совершенно верно указано, что сотрудничество между церковью и государством должно быть равноправным, что, тем не менее, не означает их равный статус в обществе. Дело в том, что церковь и государство, как отмечалось, не равны в плане ролей, которые они играют в жизни общества, и функций, которые им свойственны как субъектам этого общества. Государство является по сути «всеобщим» институтом в том смысле, что оно выражает интересы всех граждан и обладает официальными полномочиями и ресурсами для этого. Церковь же – институт, не обладающий статусом подобной всеобщности, что доктринально закреплено в социальном учении о церкви. В этом заключается история и логика развития государства и церкви.

В связи с этим необходимо отметить, что под социальным учением церкви подразумевается система концептуальных положений, в которых отражено характерное для конфессии понимание су-

¹ На основании Соглашения о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской православной церковью (БПЦ) были подписаны программы сотрудничества и иные совместные документы о взаимодействии церкви с рядом министерств и государственных учреждений, а также соответствующие документы местного уровня между областными исполнительными комитетами и епархиями Белорусского Экзархата, а в ряде регионов – на уровне районных исполнительных комитетов и церковных благочиний с целью координации совместной деятельности.

ществующего устройства и тенденций развития общества. Это понимание опирается на вероисповедные принципы церкви и ее собственный социальный опыт. По содержанию такое учение обращено не только к клиру и мирянам, но и ко всему обществу, а потому способно оказать воздействие на общественное сознание, а через него – на принятие государством социально значимых решений.

Со стороны формы учение церкви всегда доктринально, т. е. в нем неустранимы моменты догматизма и даже схоластики, обусловленные основами ортодоксии. Разумеется, действенность социального учения церкви определяется не только мерой ее реального влияния в обществе, но и концептуальной состоятельностью и привлекательностью заложенных в ней идей, а также доступностью для широкой аудитории формы их подачи.

Отношение православной церкви к обществу и государству в программном документе «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», опубликованном в 2000 г. [1], представлено в четырех тематических блоках:

- 1) общество, понимание его природы, основ социального устройства;
- 2) церковь, понимание ее природы и институционального назначения, ее социального статуса и отношения к государству;
- 3) личность, понимание ее природы, ее связь с обществом, а также проблемы индивидуального существования, свобод, прав и ответственности личности перед обществом;
- 4) духовные константы современного общества (мораль, культура, наука).

В целом концепция представляет собой не всеобъемлющее учение о социуме в интерпретации православной церкви, а, скорее, учение о месте церкви в современном мире, а также о социальной и нравственной позиции воцерковленного человека. Немаловажным является и то, что в этом документе можно уловить стремление православия к возрождению церкви как социального института, а также к повышению ее статуса в жизни общества. В связи с этим актуальным является мнение Э. В. Ананьева, который отметил, что «основы социальной концепции РПЦ <...> в отличие от католического компендиума, указывающего лишь принцип церковно-государственных отношений, дают исчерпывающий список направлений взаимодействия Православной церкви и государства» [4, с. 59].

Современный человек в данной концепции по-прежнему рассматривается как «поврежденная грехом личность», поскольку он не в состоянии самостоятельно распорядиться своей свободой без опеки со стороны Бога и церкви. Вместе с тем следует отметить гуманистическую направленность концепции, которая находит выражение в содержащемся заявлении о поддержке нуждающихся в помощи и призыве к усилению «благотворительного»

и «милосердного служения» и в то же время об осуждении проявления аморализма и необходимости борьбы с пьянством, наркоманией и проституцией. Красной нитью в концепции проходит мысль о том, что церковь готова высказываться в защиту высших человеческих ценностей, которые в ее понимании неразрывно связаны с Богом. В целом можно отметить, что реализация концепции РПЦ в условиях Республики Беларусь призвана способствовать эффективной адаптации Белорусской православной церкви (БПЦ) к особенностям социодинамики современного белорусского общества, сохранив, однако, неприкосновенность ее мистической природы и традиций.

Если рассматривать ключевые разделы доктрины, то становится очевидным, что социальная концепция церкви исходит из того, что православная религия призвана быть для верующего человека социально-нравственным ориентиром в жизни, способствуя лучшему пониманию происходящих в современном мире перемен. В шестнадцати разделах концепции, имеющей доктринальный характер, отражено отношение церкви к различным аспектам жизни современного общества. В частности, рассмотрены проблемы межэтнических и международных отношений, взаимоотношения православной церкви и государства, внимание уделяется соотношению норм нравственности и закона. Также в концепции анализируются проблемы, связанные с вопросами демографического и экологического кризисов, поднимаются темы глобализации и секуляризации мира. Особое место отводится разъяснению позиции церкви по вопросу сотрудничества с государством в области здравоохранения, воспитания и социализации человека.

Так, в докладе на Епархиальном собрании города 28 декабря 2012 г. патриарх Кирилл говорил: «Православная Церковь, заботясь о своей папстве, всегда являла готовность соработничать с государственной властью в деле духовно-нравственного и патриотического воспитания народа, стремилась вносить свой вклад в сохранение национального и культурно-исторического наследия». Митрополит Филарет, рассуждая об основах и перспективах сотрудничества государства и церкви, обозначил более глубокий смысл их ролей: «Задачи и деятельность Церкви и государства могут совпадать не только в достижении земной пользы, но и в осуществлении спасительной миссии Церкви» [5, с. 8].

Проблема взаимодействия государства особенно актуальна для таких стран, как Беларусь и Россия, в которых православная религия является доминирующей и которые находятся в транзитивном положении. Во многом именно последнее обстоятельство обуславливает особое отношение в государствах к традициям, новациям и введению инновационных форм социодинамики. Это вызывает споры и дискуссии, о чем, в частности, свидетель-

ствуется обсуждение передачи Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге в собственность РПЦ.

Для того, чтобы выполнять свою духовную миссию, церковь, безусловно, должна активно участвовать в общественной жизни, но это не означает установку на клерикализацию как стремление получить политическую власть путем подчинения светского государственного аппарата. Как справедливо отмечает председатель Синодального информационного отдела Русской православной церкви В. Легойда, «церковь хочет и может влиять на общество и делает это. А как иначе? В свое время маленькая община христиан в Римской империи изменила ход истории человечества. И сделала это не огнем и мечом, а примером и убеждением. Идеи всегда конкурируют. Или в современном мире, с его пластиковой моралью, супермаркетовскими развлечениями и девиациями, возведенными в норму, не может звучать Евангелие? Не надо ошибочно принимать за клерикализацию выполнение церковью своей обычной миссии – проповеди» [6].

Тем не менее, существуют упреки и даже обвинения (в частности, исходящие от российской прессы) в адрес РПЦ в том, что церковь фактически слилась с государством. Это побудило руководство РПЦ ответить на данные претензии. Так, говоря о милосердных деяниях, патриарх отметил, что «эти усилия Церкви не всеми и не всегда воспринимаются адекватным образом. В последнее время все чаще и чаще из определенных агрессивно настроенных кругов – тех, кто категорически не заинтересован в христианизации и духовном просвещении нашего народа, раздаются лживые обвинения в адрес Церкви о якобы происходящем ее сращивании с государственной властью. Говоря на эту тему, я уже неоднократно имел возможность показать нашим недоброжелателям, что эти утверждения лишь пустой миф, не имеющий ничего общего с современными условиями бытия Русской Православной Церкви. <...> Возможно понимать, что Церковь и государство – совершенно разные установления. Церковь не собирается присваивать себе государственных функций, поскольку ее задача не поддерживать законность и внешний порядок, чем, собственно говоря, и занимаются институты светской власти, а насыщать души людей, заботиться об их духовно-нравственном состоянии, утверждать евангельские ценности в жизни общества» [7, с. 34–35]. Не менее определенно по этому поводу высказался митрополит Филарет, подчеркнувший, что «уже неприемлемо понятие соотношения властей – светской и церковной, поскольку каждое суверенное государство обладает единой политической властью на всей своей территории» [2, с. 7].

Очевидно, что нельзя абсолютизировать указанное разграничение функций церкви и государства,

поскольку государство, как и церковь, не обязано наряду со многими другими вопросами заниматься и духовно-нравственным укреплением общества. Однако очевидно, что политика государства в сфере духовно-нравственного воспитания не может базироваться на религиозной идеологии, в связи с чем проблема диалога церкви и государства в данной сфере духовной культуры предстает как проблема гармонизации деятельности государства и церкви. Это означает, что диалогу между равноправными субъектами должна быть свойственна сложная диалектика, нарушение которой ведет к двум крайним сценариям, нашедшим реальное воплощение в отечественной истории.

Один из сценариев заключается в том, что отмечается путь возвышения статуса церкви в обществе и ее активное влияние на гражданскую историю, при этом в отношениях с государством церковь доминирует как социальный субъект. В частности, эту позицию обосновывал патриарх Никон царю Алексею Михайловичу Романову, считая, что институт церкви выше института государства, поскольку церковь неотделима от Бога, от которого вся власть на земле. В наше время этот сценарий, как уже отмечалось, предстает в форме клерикализации общественной жизни. В современной истории такая форма диалога возникла в результате народно-демократической революции в Иране в 1979 г. Во многом эта революция явилась реакцией широких народных масс, исповедующих ислам, и духовенства на политику шахиншаха Мохаммеда Реза Пехлеви, проводившего курс, направленный на модернизацию страны по образцу США. В результате революционных событий произошли глубинные изменения в государственном и политическом устройстве: вместо конституционной монархии по результатам общенационального референдума Иран был провозглашен исламской республикой. По словам известного российского публициста Ю. Каграманова, политическая модель, выстроенная Аятоллой Хомейни и предполагающая своеобразное сочетание демократических институтов с теократией, оказалась жизнеспособной. Согласно конституции Ирана, верховную власть в стране осуществляет рахбар – духовное лицо, которое выбирается не народом, а выдвигается из среды высшего духовенства. Автор отмечает, что когда на Западе указывают на недемократический характер этой процедуры, в Иране отвечают, что идея «велаёте факих» (власть теологов) была признана народом и даже практически подсказана им [8].

Второй сценарий, развивающийся в результате нарушения сложной диалектики, свойственной диалогу государства и церкви как субъектам социальной коммуникации, может воплощаться в огосударствлении самой церкви и превращении ее в один из институтов государства, хотя и облада-

ющий индивидуальной спецификой. В этом, как отмечалось ранее, заключается суть эрастианства, исходящего из верховенства светской власти над духовной. Такая система нашла воплощение в реализации в Византии фактического руководства в восточном христианском мире принципа цезарепапизма, превращающего церковь в проводника политической стратегии светских правителей.

В цивилизационной динамике Российской империи, которая вместе с РПЦ стала наследницей многих традиций ортодоксально ориентированного Константинополя, этот сценарий реализовался в церковной реформе Петра I. Применительно к проблеме взаимоотношений церкви и государства, на наш взгляд, правомерно говорить о реставрации принципа цезарепапизма, поскольку можно согласиться с Константином Леонтьевым в том, что «усилия царей рода Романовых и самые резкие преобразования Петра изменили лишь частности, сущность не могла быть изменена» [9, с. 42].

Так, в результате проведенной в 1721 г. церковной реформы управления патриаршество было упразднено и заменено «соборным» управлением. При этом из лиц, принадлежащих к духовенству, была создана духовная коллегия, названная «Синод», причем количественно ее состав был таким же, как состав других коллегий: президент, два вице-президента, советники, ассессоры и секретари, также при Синоде состоял обер-прокурор. Известный русский историк С. Ф. Платонов отмечает показательность того факта, что «в делах веры синод имел силу и власть патриаршескую, но вместе с тем он стоял в ряду прочих коллегий, подчиняясь надзору генерал-прокурора и сената. Так разрешил Петр вопрос о церковном правлении, коренным образом уничтожив возможность столкновения представителей царской и церковной власти» [10, с. 244].

По поводу реализации данного сценария отношений государства и церкви можно сделать два замечания. Во-первых, формально эти взаимоотношения отвечают правилам диалога, так как синод выполнял функции патриарха, репрезентируя себя как главу церкви. Но в то же время очевидно, что социальный статус этих институтов не одинаков, поскольку Синод, представляя церковь, в то же время по факту является государственным учреждением. Во-вторых, бесспорно, что церковная реформа Петра I может рассматриваться в качестве инструмента модернизации общества и одновременно формы модернизации самой РПЦ как социального института. При этом подобная модернизация может быть оценена как инновационный продукт, возникший благодаря единству традиций и новаций в стремлении гармонизировать отношения этих социальных институтов для предотвращения конфликтов между ними. В итоге это привело к ограничению социальных функций церкви и ее

редукции к статусу помощника государства в делах веры. Фактически это означает превращение диалога этих социальных институтов в монолог одного из них, закамуфлированный при этом под диалог.

Следовательно, существует тонкая грань в понимании роли и возможностей государства и церкви и в осуществлении их совместной деятельности на благо общества. Об этом свидетельствует не только история отношений, но и современность. Показательно, что президент Франции формально назначает епископов в Эльзасе и Лотарингии, а изучение Закона Божьего жителями этого региона финансируется государством, при этом правительство Франции выделяет значительные финансовые средства на содержание большинства культовых учреждений. Не менее симптоматичной является и практика стран Северной Европы, в которых священники получают зарплату из государственного бюджета, а труд священника Русской православной церкви, служащего в Бельгии, оплачивается местными властями [6]. Данные факты говорят о влиянии на диалектику традиций и новаций и, соответственно, на потребность нововведений в отношениях государства и церкви, а значит, о необходимости следования в деятельности государства и церкви такому важному принципу диалектического мышления, как принцип конкретно-исторического подхода в познании и общественной практике.

Однако общим для инновационной деятельности в практике отношений между государством и церковью является формирование инновационного мышления, без которого любые нововведения будут неэффективны. При этом очевидно, что инновации можно успешно проводить и развивать только в рамках расширения и укрепления традиций в обществе и государстве. Сегодня, когда инновационное развитие страны стало государственной программой, многие полагают, что начинать необходимо с технологического перевооружения экономики. Безусловно, это имеет определенный смысл, но вопрос заключается в том, какую экономику следует считать инновационной в современных условиях. В инновационной экономике локомотивом развития, как отмечают ученые-экономисты, «является отнюдь не конкуренция, а экономика инновационных компетенций (знаний, умений и навыков), ядро которой составляют образование и наука» [11, с. 80].

Однако очевидно, что способствующие становлению инновационной экономики образование и наука являются важнейшими составляющими не только эффективного развития экономической сферы, но и самого государства. И в этом смысле диалог церкви и государства становится атрибутом современного общества. Представляется, что создание инновационной экономики имеет не только утилитарно-прагматическое значение, но и,

затрагивая основы социального бытия, более фундаментальные последствия для модернизации как государственно-управленческой системы, так и духовной культуры общества. Когда речь идет об инновационном пути развития Беларуси, необходимо видеть системный характер этой проблемы и понимать особенности социально-исторической

и религиозной ситуации в стране. Целенаправленное культивирование сугубо рационального и прагматического подхода, связанного исключительно с решением технологических и экономических задач, и игнорирование социально-нравственных проблем приведет не к инновационному прорыву, а скорее к системной деградации общества в целом.

Библиографические ссылки

1. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Информацион. бюл. отд. внеш. церков. связей Москов. Патриархата. 2000. № 8 (спец. вып.).
2. Церковь, государство, общество : Информац.-аналит. сб. Минск : Братство в честь св. Архистратига Михаила, 2013.
3. Миссия Церкви в современном мире: из доклада патриарха Московского и Всея Руси на Архиерейском совещании // Журн. Москов. Патриархии. 2015. № 3. С. 18–38.
4. Ананьев Э. В. Социальная концепция Русской православной церкви: ответ на вызовы времени // Гос-во, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 4. С. 53–74.
5. Высокопреосвященный Филарет митрополит Минский и Слуцкий Патриарший Экзарх всея Беларуси. Государство и Церковь: основы и перспективы сотрудничества // Проблемы упр. 2006. № 3 (20). С. 7–12.
6. Легойда В. Мир утопий, или Еще раз о церкви и государстве // Эксперт. 2012. № 40 (822).
7. Актуальные вопросы церковной жизни. Из доклада Святейшего Патриарха Кирилла на Епархиальном собрании города Москвы 28 декабря 2012 года // Журн. Москов. Патриархии. 2013. № 2. С. 34–55.
8. Каграманов Ю. Вокруг «иранской идиомы» [Электронный ресурс] // Дружба народов. 2009. № 12. С. 141–152. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2009/12/ka10.html> (дата обращения: 17.06.2013).
9. Леонтьев К. Н. Записки отшельника. М. : Русская книга, 1992.
10. Платонов С. Ф. Учебник русской истории. М. : Прогресс-Политика : Вопросы истории, 1992.
11. Янчук В. Экономический либерализм и границы его применения // Беларус. думка. 2015. № 12. С. 76–81.

References

1. [Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church]. *Informatsionnyi byullyuten' ottd. vneshnikh tserkovnykh svyazei*. 2000. No. 8 (spec. issue) (in Russ.).
2. [Church, state, society] : Information-analytical coll. Minsk : Brotherhood in honor of St. Archistratus Michael, 2013 (in Russ.).
3. [Mission of the church in the modern world: From the report of the Patriarch of Moscow and All Russia at the Bishops' Meeting]. *Zhurn. Mosk. Patriarkhii*. 2015. No. 3. P. 18–38 (in Russ.).
4. Anan'ev E. V. [The Social Concept of the Russian Orthodox Church: An Answer to the Challenges of Time]. *Gosud. relig. therk. v Rossii i za rubezom*. 2010. No. 4. P. 53–74 (in Russ.).
5. [His Eminence Filaret Metropolitan of Minsk and Slutsk Patriarchal Exarch of All Belarus. State and Church: the foundations and prospects for cooperation]. *Probl. upravleniya*. 2006. No. 3 (20). P. 7–12 (in Russ.).
6. Legoida V. [The world of Utopica or Once again about the church and state]. *Ekspert*. 2012. No. 40 (822) (in Russ.).
7. [Actual questions of church life. From the report of His Holiness Patriarch Kirill at the Diocesan Assembly of Moscow on December 28, 2012]. *Zhurn. Mosk. Patriarkhii*. 2013. No. 2. P. 34–55 (in Russ.).
8. Kagramanov Y. [Around the «Iranian idiom»]. *Druzhba narodov*. 2009. No. 12. P. 141–152. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2009/12/ka10.html> (date of access: 17.06.2013) (in Russ.).
9. Leont'ev K. N. [Memoris of a hermit]. Moscow : Russkaya kniga, 1992 (in Russ.).
10. Platonov S. F. [A Textbook of Russian History]. Moscow : Progress-Politika : Voprosy istorii, 1992 (in Russ.).
11. Yanchuk V. Economic liberalism and the limits of its application. *Belarus. dumka*. 2015. No. 12. P. 76–81 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегия 22.05.2017.
Received by editorial board 22.05.2017.

УДК 316.722

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

О. В. КУРБАЧЁВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Осуществлен социально-философский анализ особенностей и стадий протекания этнокультурного конфликта. Выявлены отличия этноконфликта как особого вида социального типа конфликтов от других видов. Рассмотрена специфика проявления этностереотипов, а также характерные черты осознанного противостояния этнокультурных групп. Акцентировано анализируется стадия развертывания этнического противоборства как период «конфликта стереотипов» и «конфликта идей». Обозначены основные векторы действий и потенциальная возможность нейтрализации этнокультурной напряженности.

Ключевые слова: конфликт; этноконфликт; культура; диалог культур; этнос; этнокультурная идентичность; этностереотипы; этнофобия; конфликт идей.

SOCIO-PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF ETHNO-CULTURAL TENSION IN THE PERIOD OF GLOBAL CHALLENGES

O. V. KURBACHEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article analyzes the peculiarities and stages of ethno-cultural conflict. The differences of ethnoconflict as a special type of social conflict from other types of conflicts are explicated. The article analyzes specific of ethnic stereotype and main features of conscious confrontation of ethno-cultural groups. The initial stage of the ethnic confrontation is considered as a period of «conflict of stereotypes» and «conflict of ideas». Author defines the potential and basic actions for neutralization of ethno-cultural tension.

Kew words: conflict; ethno-conflict; culture; dialogue of cultures; ethnos; ethno-cultural identity; ethnostereotypes; ethnophobia; conflict of ideas.

Современная социокультурная ситуация характеризуется интенсификацией миграционного процесса, актуализацией вопросов этнокультурного самоопределения и нарастанием тенденций к сепаратизму. Взаимодействие различных культур, вступивших в непосредственный и продолжительный

контакт, становится непосредственным основанием для более детального и предметного исследования проблем и особенностей этнокультурного диалога. В условиях становления транскультурной модели социокультурной и цивилизационной динамики, нарастающей глобальной нестабильности

Образец цитирования:

Курбачёва О. В. Социально-философское осмысление этнокультурной напряженности в период глобальных вызовов // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 1. С. 59–63.

For citation:

Kurbacheva O. V. Socio-philosophical understanding of ethno-cultural tension in the period of global challenges. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 1. P. 59–63 (in Russ.).

Автор:

Ольга Владиславовна Курбачёва – кандидат философских наук; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Olga V. Kurbacheva, PhD (philosophy); associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
kurbach.ova@gmail.com

наиболее остро понимается вопрос о перспективах этнокультурного взаимодействия и преодоления возможных этнокультурных конфликтов.

На данный момент наблюдается реальный процесс эскалации этнокультурной напряженности. Этнические противоречия в период нарастания миграционного процесса и интенсивного процесса аккультурации становятся катализатором конфликтотогенной ситуации. При этом следует отметить, что этнокультурная напряженность может проявляться не только в открытой форме (столкновение), но и в скрытой (на уровне социокультурной конкуренции, негативного оценочного сравнения и т. д.). Латентные и не всегда осознанные причины (например, пережитая «историческая несправедливость», низкая статусность этнической группы и др.) могут послужить основанием для осознания этнического конфликта или его иррациональной интенцией. В силу актуальности исследований, сложности и многогранности проблемы этнокультурного конфликта в настоящей статье ставится целью осуществление социально-философского исследования этнокультурного конфликта как феномена путем раскрытия основных причин, типов и уровней проявления противоречий между этнокультурными общностями.

Безусловно, этноконфликт как один из типов социального противостояния обладает инвариантными характерными признаками (биполярность, активная форма проявления, наличие субъектов и причины противодействия). Вместе с тем этнокультурный конфликт представляет собой особую форму противоборства и имеет специфические черты проявления. Сфера межэтнических отношений чрезвычайно сложна и может включать в себя более двух субъектов (этнических групп) взаимодействия, каждый из которых отличается по различным признакам, находящимся в плане конфессиональной, культурной и национальной идентичности. Акцентируя внимание на особенностях проявления и разрешения именно этнокультурного конфликта, важно учитывать тот факт, что невозможно абстрагироваться и провести четкую линию демаркации от конфессиональных и национальных факторов воздействия к эскалации этнокультурной напряженности. В данном ключе корректнее говорить о различных (этнотерриториальной, этноэкономической, этнополитической, этносоциальной, этнорелигиозной, этнодемографической и этномиграционной) сферах проявления этнического конфликта [1, с. 109], каждая из которых актуализирована рядом особых причин. Так, например, изменением соотношения численности коренного населения и мигрантов обозначена этномиграционная сфера; ограниченностью ресурсной базы или монополизацией какого-либо вида экономической деятельности одним этносом – экономиче-

ская; угрозой сформированной или принудительной ассимиляции – этнокультурная и т. д. Тем не менее важно отметить, что в конфликте всегда обнаруживается несколько контекстов и пересечение различных факторов вне зависимости от сферы применения. Более того, этнокультурный конфликт всегда исторически обусловлен и оказывает существенное влияние на этнопсихологию общности: укореняются представления об исторической несправедливости, уязвленности, осознание статуса собственной группы. Важно выявить и проанализировать особенности протекания межэтнических конфликтов, поскольку сегодня такое противостояние способно стать источником глобального конфликта, постепенно вовлекая в зону риска интересы других субъектов и расширяя свои символические и реальные границы.

В первую очередь следует отметить, что проблематика этнокультурных конфликтов не является до конца проработанной. Несмотря на весьма репрезентативную теоретическую базу исследований конфликта как такового, обнаруживается нехватка концептуально-теоретических работ и исследований, опирающихся на современную эмпирическую базу этноконфликтных действий. Среди русскоязычных авторов, изучающих проблему социального этнокультурного конфликта, можно выделить А. Г. Здравомыслова, Ю. Г. Запрудского, Е. И. Степанова, Н. В. Гришину и др. Среди англоязычных исследователей отметим Р. Дарендорфа, Дж. Бернарда, Р. Бейли, Дж. Льюка, Л. Козера, Р. Макка и др. Детально и предметно проанализирован феномен социального конфликта, его типология и классификация. Вместе с тем исследования непосредственно этнокультурного конфликта часто носят обзорно-аналитический характер, в связи с чем обнаруживается недостаточность именно философско-методологических работ, посвященных природе и особенностям непосредственно этнокультурных конфликтов, выявляющих глубинные причины разногласий, специфику их проявления и возможности преодоления.

Для исследований особенностей этноконфликта в первую очередь следует очертить терминологические границы самого понятия. Апеллируя к дефиниции А. Г. Здравомыслова, одного из главных теоретиков социологии конфликта, можно привести понимание конфликта как важнейшей стороны взаимодействия людей в обществе, своего рода клеточки социального бытия. Конфликт является формой отношений между потенциальными или актуальными субъектами социального действия, мотивация которых обусловлена противостоящими ценностями и нормами, интересами и потребностями [2, с. 96]. При этом важно отметить, что конфликт между культурами и типами этнокультур предполагает не столкновение определенных субъ-

ектов взаимодействия, а скорее символическое поле противостояния и отсутствие конкретного носителя. Несмотря на то, что при апелляции к данной дефиниции автором не уточняется природа противостояния (причина конфликта объективная – извне, или же субъективная – изнутри, основанная на личностном понимании и неприятии), тем не менее акцентируется сам факт взаимодействия субъектов, их биполярность, являющаяся ядром конфликтных отношений, инвариантной характеристикой любого социального конфликта. Вместе с тем социальная противоположность не является абсолютной непосредственной отсылкой к конфликту. Для этого необходимо не просто биполярное противопоставление, а именно «активное взаимодействие сторон, направленное на преодоление разделяющего их противоречия» [3, с. 22]. Активное и осознанное противостояние является основанием для классификации межэтнических отношений как конфликтных. Однако при анализе формальной теоретической схемы этноконфликта важно всегда учитывать социокультурный контекст межэтнического взаимодействия.

Так, сегодня, в период возрастания этнокультурных взаимодействий, одновременно актуализируется стремление к этноренессансу и возрастанию уровня этноцентризма. Диалектичный характер данного явления объясняется тем, что, с одной стороны, этнические группы преимущественно являются не закрытыми, а перманентно вступающими в диалог с иными этносами, а с другой – в группах активизируется защитная реакция – стремление сформировать «мы-образ», свою этническую идентичность. Границы группового членства в этнической группе всегда подвижны, однако когнитивное, психоэмоциональное и поведенческое ядро идентичности достаточно устойчиво для того, чтобы провести линию «мы – они». Если представить, что сегодня насчитывается более двух тысяч этносов, которые отличаются друг от друга культурными, мировоззренческими и психоэмоциональными особенностями (при этом 90 % населения Земли – это представители 267 этносов, численность которых более миллиона человек), а большие и малые по численности этносы находятся в открытом взаимодействии, можно предположить, что возможно несовпадение интересов и притязаний разных этнических общностей [4, с. 207].

Следующим важным шагом в исследовании этнокультурного конфликта является анализ стадий развертывания этноконфликта как такового. Апеллируя к теориям современных конфликтологов, можно говорить о таких важнейших этапах (стадиях), как латентная, осознанного соперничества, эскалации, конфликтных действий, кризисная. Стадию конфликтных действий, а соответственно, и кризисную стадию, проявляющуюся в реальной

этнокультурной конфронтации, можно предотвратить или ослабить. Адекватное и результативное достижение этой цели зависит от протекания, управления и разрешения конфликта еще на уровне латентной фазы или даже на этапе осознанного соперничества. В связи с этим важно более предметно обратиться именно к начальным фазам возникновения этнокультурной напряженности.

На первичном этапе конфликта, когда еще нет явного противостояния и осознанной негативации образа Другого (этноса, нации, культуры), формируется так называемый *конфликт стереотипов* [3, с. 189]. Эта фаза межэтнической напряженности является очень важной, так как осознание наличия конфликтной ситуации на данном этапе может позволить разрешить или преодолеть возможное столкновение, а также перенаправить конфликтную ситуацию в конструктивное или нейтральное русло. Так, этнокультурный стереотип отражает обыденный усредненный уровень концептуализации культурной специфики той или иной этнической общности. Содержательно этностереотипы представляют собой коллективное устойчивое и эмоционально окрашенное представление одной этнической группы о другой и о самой себе, в котором фиксируется оценочное суждение о моральных, умственных, психоэмоциональных, физических и других качествах [5, с. 15]. В рамках стереотипизации происходит генерализация культурных ценностей и ассоциаций, а также аккумуляция последних в некий схематичный и упрощенный образ другой культуры. Стереотипное мышление на индивидуальном уровне взаимодействия между представителями различных этносов чаще всего оказывает сильное влияние на ожидания и формирование ассоциативного контекста (определенной модели поведения, ожидаемого образа). Наиболее часто это проявляется на уровне аскриптивной (приписываемой) этнокультурной идентичности, которая ведет к несовпадению видов самоотождествления: как себя идентифицирует непосредственно сам представитель этнической группы и как опознают его другие, исходя из внешних антропогенетических маркеров [7, с. 49]. Следует отличать такие типы этнических стереотипов, как авто- и гетеростереотипы. Автостереотипы – это комплекс представлений этнической группы о собственной культуре. Важно отметить, что автостереотипы несут в себе вполне объяснимую психологическую нагрузку – защитно-адаптивную функцию. Защита групповых интересов, формирование собственного облика на психоэмоциональном и социокультурном уровне позволяют этнической группе адаптироваться при встрече с другой культурой. При этом важно учитывать, что этническая группа может придерживаться как положительной, так и отрицательной формы оценивания собственной культуры. При положитель-

ной или высокой самокатегоризации у этнофора (носителя определенной этнической культуры) обнаруживается чувство удовлетворенности своим членством в этнической общности, желание принадлежать к ней, гордость быть ее частью. В противоположность ситуации наблюдается наличие негативных социальных установок, чувств стыда или униженности, связанных со своей культурой. Это, в свою очередь, также может послужить основанием для возникновения этнокультурной напряженности, целью в таком случае будет выступать восстановление «исторической несправедливости», компенсация обиды за счет других, более слабых, групп. Внешняя же этнокультурная стереотипизация (гетеростереотипы) зачастую носит именно негативно-ограничительную функцию: оценочное сравнение своей и чужой группы с явным превалированием в оценках в пользу первой или неосознанным навязыванием негативного образа Другого, что может проявиться на уровне этнофобии.

Завершающим и своего рода переходным этапом от латентной стадии к фазе осознанного соперничества является этап *конфликта идей*. В рамках этого этапа оформляются и осознаются притязания на значимость, инаковость и одновременно несовместимость ценностей, интересов и целей этнических групп. Это своего рода фрустрационная фаза межэтнической напряженности. Рост этнокультурной напряженности безусловно связан с вопросом осознанности отношений и действий. Данный этап отличается не тем, что отношение к другому этносу рационализировано, а тем, что сам факт неприятия, соперничества и напряженности в отношениях уже не скрыт, а принимается как данность. При этом наиболее распространенным показателем эскалации этноконфликта выступает дальнейшее сужение когнитивных элементов в отношении к другой группе и переход к примитивным способам отражения образа другого этноса, т. е. усиление стереотипизации, что может быть выражено в акцентированности негативных сторон, отождествлении Другого с потенциальным и актуальным злом, негативным ожиданием или недоверием к иному этносу. Все, что исходит от другого этноса, будет восприниматься как потенциальная угроза. Постепенно вытесняется адекватный образ Другого и происходит его «деиндивидуализация»: всякий, кто принадлежит к иной группе, автоматически расценивается как потенциальный враг.

Среди признаков эскалации напряженности можно отметить также и переход от рациональных аргументов к личным претензиям, что приводит лишь к углублению, противоречию и росту психоэмоциональной напряженности. По мере разрастания эскалации возможно как увеличение количественного состава противоборствующих сторон, так и переход к более глубинным, духовно-миро-

воззренческим основаниям неприятия Другого. Это одна из сложнейших стадий конфликта, для которой характерен минимальный уровень управляемости. Для данной фазы свойственна потеря изначального предмета разногласий и вместе с тем расширение границ самого конфликта. Это своего рода особый тип эскалации – «генерализация», в рамках которой увеличивается противопоставление, расширяется символическое поле конфликта. Эскалация может проходить и по следующему сценарию: «укрупнение» заключается в увеличении численности противоборствующих сторон за счет привлечения на одну из них этнически или конфессионально близких народов [6, с. 210]. Такой сценарий «горизонтальной эскалации» имеет достаточно серьезные последствия, так как потенциально может разрастись от локального до межрегионального или глобального уровня. Этнокультурные притязания при этом переходят в форму межнациональных угроз и столкновений. Стадия осознанного соперничества и обостренной эмоциональной напряженности при наличии определенных мобилизующих внешних факторов достаточно быстро может перейти в стадию реальной эскалации и проявления конфликтных действий. Этап, на котором конфликтующие стороны уже прибегают к реальному насилию, является критическим, на нем уже достаточно сложно достичь управления конфликтом и его разрешения.

Обострение, сложности разрешения конфликтных ситуаций и наличие реальных жертв этнических конфликтов становятся абсолютно явной и важнейшей причиной, выявляющей необходимость преодоления и урегулирования этнокультурных конфликтов до стадии их эскалации. Один из важнейших способов нейтрализации конфронтации – это осознанность и легитимация конфликта. Когда конфликт признается как реальная угроза для социокультурной стабильности и нарушения прав и свобод человека, можно применить различные меры по предотвращению эскалации. Признание конфликтогенной ситуации позволяет обнаружить «скрытые» причины ее обострения, уйти от примитивизации в восприятии Другого и найти основания для компромисса или ослабления этноконфликта. Нейтрализация конфликтной напряженности между этносами является залогом адекватных, мирных и уважительных взаимоотношений. Среди наиболее важных и своевременных шагов по предотвращению потенциальных или реальных силовых конфликтных действий можно выделить такие, как *легитимация конфликта* (официальное признание властными структурами ситуации этнокультурной напряженности) и *институционализация конфликта* (выработка четких правил и норм, регламентирующих поведение конфликтующих сторон) [3, с. 357]. Для обеспечения равенства сторон и гласности

сложившейся ситуации современные конфликтологи указывают на необходимость введения института посредничества и информационного освещения сложившегося конфликта. Посредник (незаинтересованный этнос, страна, правительство) принимает на себя роль медиатора при организации переговоров и контроле соблюдения принятого регламента поведения. Гласность и открытость, в свою очередь, не позволяют скрывать от общества потенциальную угрозу конфликта и дадут возможность рационализировать, осознать и увидеть ее со стороны.

Важно отметить, что современные конфликтологи утверждают, что сам конфликт представляет собой естественный элемент социального взаимодействия и важно уходить от однозначной интерпретации его деструктивного характера. Акцентируется внимание на допустимости протекания конфликта в конструктивном формате, с потенциальной и принципиальной возможностью управления конфликтными действиями. Однако для осуществления потенциальных управленческих действий в рамках конфликтогенной ситуации важно четко дифференцировать ее типы, причины и этапы. Этнический конфликт, являясь его разновидностью, обладает инвариантными характерис-

тиками социального конфликта (наличие субъектов, биполярность, активная форма противостояния и т. д.). При этом этнический конфликт отличается рядом характерных черт: исторической обусловленностью, выходом на уровень национальных отношений, длительным влиянием на коллективную память и психологию этноса. Однако правомерно отметить, что кроме деструктивной роли этноконflikта, можно говорить и о возможном конструктивном его значении. Безусловно, степень обострения этнических взаимоотношений достаточно варьировуемая: от общего недоверия и конструирования этнопсихологического портрета врага до реального применения насилия. Однако до выхода конфликта на уровень эскалации, когда возможны его нейтрализация и управление им, внешняя угроза со стороны одной этнокультурной группы может способствовать повышению уровня адаптационных способностей для внутригрупповой идентичности и сплоченности другой. Однако в силу масштабности, длительности и серьезности последствий межэтнических конфликтов, их разрешение и управление ими сегодня является одной из центральных задач как на правительственном, так и на межличностном уровне взаимодействия.

Библиографические ссылки

1. Гуськов А. Я., Алексеев С. В., Говядкин И. Е. и др. Конфликтология. М. : Проспект, 2013.
2. Здравомыслов А. Г. Социология конфликта. М. : Аспект-Пресс, 1996.
3. Гришина Н. В. Психология конфликта. 3-е изд. СПб. : Питер, 2015.
4. Лучишева Л. В. Современные концепты причин этнических конфликтов // Вестн. экономики, права и социологии. 2015. № 1. С. 206–209.
5. Аймаганбетов А. Б. Кросскультурное исследование этнических стереотипов (на примере республики Казахстан) : автореф. дис. ... канд-та психол. наук : 19.00.05. Алматы, 2010.
6. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. 4-е изд., испр. и доп. М. : Аспект-Пресс, 2009.
7. Курбачёва О. В. Социально-философский анализ формирования социокультурной идентичности у мигрантов // Философия и социал. науки. 2016. № 4. С. 48–53.

References

1. Gus'kov A. Y., Alekseev S. V., Govyadkin I. E. et al. [Conflictology]. Moscow : Prospekt, 2013 (in Russ.).
2. Zdravomyslov A. G. [Sociology of conflict]. Moscow : Aspekt-Press, 1996 (in Russ.).
3. Grishina N. V. [Psychology of conflict]. 3rd ed. Saint Petersburg : Piter, 2015 (in Russ.).
4. Luchsheva L. V. Contemporary Concepts of Reasons for Ethnic Conflicts. *Vestnik econ., prava i sotsiologii*. 2015. No. 1. P. 206–209 (in Russ.).
5. Aimaganbetov A. B. [Cross-cultural research of ethnic stereotypes (on the example of the Republic of Kazakhstan)] : dis. abstr. ... PhD (psychology) : 19.00.05. Almaty, 2010 (in Russ.).
6. Stefanenko T. G. [Ethnopsychology]. 4th ed. Moscow : Aspekt-Press, 2009 (in Russ.).
7. Kurbacheva O. V. Socio-philosophical analysis of the formation of social and cultural identity of migrants. *Filosofia i sotsialnye nauki* [J. Philos. Soc. Sci.]. 2016. No. 4. P. 48–53 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 30.10.2017.
Received by editorial board 30.10.2017.

УДК 316.334.23

ФЕНОМЕН ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

О. В. КОБЯК¹⁾, И. А. АНДРОС¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируются классические и современные подходы к изучению феномена предпринимательства. Представлены основные идеи зарубежных исследователей XX–XXI вв., которые определяют мейнстрим изучения сути и специфики предпринимательства. Подчеркивается, что исследование предпринимательства как явления началось с анализа личности предпринимателя, его роли в качестве инноватора. Построена модель движения и возрастания количества предпринимателей в тех областях хозяйственной деятельности, в которых «гений» первоначально осуществил «новую комбинацию». Изложено авторское видение соотношения понятий «предпринимательское поведение» и «предпринимательская деятельность». Сформулированы современные направления исследований феномена предпринимательства, а именно жизненные циклы малых и средних предприятий, роль социальных сетей в развитии предпринимательских отношений, специфика этнического предпринимательства и т. д. Изучен опыт развития предпринимательских отношений в СССР, а затем – в независимой Беларуси. Сделан вывод о том, что на постсоветском пространстве предпринимательство, разрешающее социальные проблемы, принимается с большей симпатией по причине высокой актуальности вопроса об ответственности предпринимателя перед обществом.

Ключевые слова: предпринимательство; предприниматель; инноватор; инновационная функция; социальная функция; предпринимательское поведение; социальная ответственность.

Образец цитирования:

Кобяк О. В., Андрос И. А. Феномен предпринимательства как объект социологических исследований // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 1. С. 64–72.

For citation:

Kabiak A. V., Andras I. A. The phenomenon of entrepreneurship as an object of sociological research. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 1. P. 64–72 (in Russ.).

Авторы:

Олег Витальевич Кобяк – доктор социологических наук, доцент; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Ирина Александровна Андрос – кандидат социологических наук, доцент; ведущий научный сотрудник кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Aleh V. Kabiak, doctor of science (sociology), docent; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

aleh.kabiak@mail.ru

Iryna A. Andras, PhD (sociology), docent; leading researcher at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

androsita@tut.by

THE PHENOMENON OF ENTREPRENEURSHIP AS AN OBJECT OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

A. V. KABIAK^a, I. A. ANDRAS^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: I. A. Andras (androsita@tut.by)

The article is devoted to analysis of classical and modern approaches to the study of the phenomenon of entrepreneurship. The main ideas of foreign researchers of the XX–XXI centuries, which define the mainstream in the study of the essence and specificity of entrepreneurship, are presented. It all started with a study of the personality of the entrepreneur, his role as an innovator. A model of the movement and increase in the number of entrepreneurs in those areas of economic activity, where «genius» originally implemented a «new combination», was built. The author's vision of the correlation between the concepts of «entrepreneurial behavior» and «entrepreneurial activity» is described. Modern trends of research on the phenomenon of entrepreneurship are formulated, namely: life cycles of small and medium enterprises; the role of social networks in the development of business relations; the specificity of ethnic entrepreneurship, etc. The experience of developing entrepreneurial relations in the USSR and then in independent Belarus has been studied. It is concluded that in the post-Soviet space entrepreneurship, that solves social problems, is accepted with greater sympathy, because the most important issue here is the responsibility of the entrepreneur to society.

Key words: entrepreneurship; entrepreneur; innovator; innovative function; social function; entrepreneurial behavior; social responsibility.

Развитие исследований феномена предпринимательства давно вышло за пределы экономики. В настоящее время специалисты из разных областей гуманитарных наук, например, психологии, политологии, философии, социологии, истории и даже экологии (или инвайронментализма) занимаются различными вопросами предпринимательства, способствуя формированию междисциплинарного направления в исследованиях данной области. Во многих университетах мирового и национального уровня созданы кафедры предпринимательства и коммерческой деятельности, на базе которых совместно с профессиональными сообществами организуются и проводятся на постоянной основе конференции по проблемам малого и крупного бизнеса. Результаты научных изысканий публикуются в сборниках и международных журналах с достаточно высоким импакт-фактором (например, *International Journal of Entrepreneurship Education*, *International Journal of Entrepreneurship and Innovation Management*, *International Journal of Entrepreneurship and Small Business*, *Journal of International Entrepreneurship*). В 1996 г. Шведский центр по изучению малого бизнеса (*Swedish Foundation for Small Business Research*) совместно со Шведским агентством экономического и регионального развития (*Swedish Agency for Economic and Regional Growth*) учредил премию за исследования в области предпринимательства и малого бизнеса. В 2009 г. эта премия была переименована и стала носить название «Всемирная премия за исследования в области предпринимательства». Со временем она приобрела в предпринимательской сфере репутацию неофициальной Нобелевской премии. Таким образом, можно утверждать, что предпринимательство

до сих пор остается одной из самых обсуждаемых научных тем. Целями настоящей статьи являются, во-первых, анализ феномена предпринимательства как объекта социологических исследований в русле классических и современных подходов, во-вторых, представление истории развития предпринимательских отношений в Беларуси.

Предпринимательство выступает формой проявления общественных отношений, возникающих в результате инициативной деятельности индивидуальных или коллективных хозяйствующих субъектов в сферах производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ. Она нацелена, как правило, на получение прибыли (дохода) и осуществляется от имени предпринимателя, на его риск и под его имущественную ответственность. Признанные исследователи феномена предпринимательства (Дж. С. Милль, А. Маршалл, Й. Шумпетер, Ж. Б. Сэй и др.) полагали, что специфика этого явления, в отличие от хозяйственной деятельности как таковой, состоит в осуществлении новых комбинаций факторов производства и обращения [1, с. 105–160]. При этом, по утверждению Й. Шумпетера, «новые комбинации, как правило, не возникают из старых и непосредственно не занимают их места, а появляются рядом и конкурируют с ними» [1, с. 402].

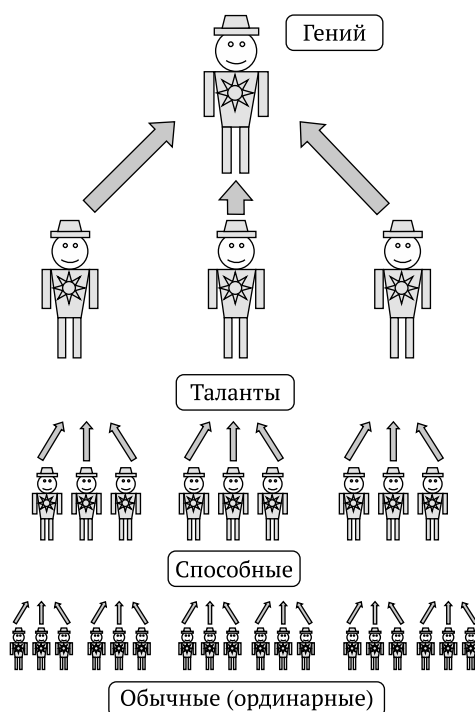
Основным субъектом в сфере предпринимательства выступает бизнесмен, стремящийся к максимизации прибыли за счет сознательного повышения экономического риска, связанного с вложением в дело собственных или заемных средств и принятием имущественной ответственности за результаты работы. В настоящее время в научном сообществе признано, что успешное осуществление

предпринимательской деятельности, наряду с объективными условиями, которые, с одной стороны, определяются структурами государственного управления, а с другой – общественным отношением к предпринимателям, связано с наличием у последнего целого комплекса важных субъективных характеристик, таких как инновационный образ мышления, уверенность в себе и своих силах, целеустремленность, работоспособность, оптимизм, умение быстро обучаться и переобучаться и др. Й. Шумпетер отмечал: «Осуществление новых комбинаций – дело сложное и доступно лишь людям, обладающим определенными качествами» [1, с. 404]. Вероятность индивидуального обладания достаточно полным набором описанных черт невысока. Потенциальной способностью к успешной предпринимательской деятельности наделены лишь 5–8 % трудоспособного населения. Фактическая ограниченность социального слоя предпринимателей на фоне высокой значимости выполняемой ими общественной роли обуславливает необходимость выработки на государственном уровне экономико-правовых условий, способствующих легальному раскрытию производственного, организационно-управленческого и инновационного потенциала этой группы хозяйствующих субъектов в целях наиболее полного удовлетворения общественных потребностей.

Особую роль в инновационном развитии экономики играют так называемые первые предпри-

ниматели (по терминологии Й. Шумпетера) или «гении». Именно они неизменно обеспечивают начало очередного экономического подъема за счет осуществления «новых комбинаций» в сфере их хозяйственной деятельности (см. рисунок). Эти единицы – «ледоколы», практически доказывающие возможность движения в определенном, еще вчера казавшемся невозможном, направлении. Вдогонку устремляются талантливые последователи первых предпринимателей, которые тонко чувствуют конъюнктуру рынка и обладают гибким мышлением. Стоит отметить, что современный предприниматель из числа «гениев» особо не оглядывается на последователей, которые, в свою очередь, способны двигаться лишь в концепции следования за лидером («бенчмаркинга»), но никогда не смогут его догнать и превзойти. После возникает уже немалое количество субъектов, способных воспринять по сути уже апробированную стратегию производства и адаптировать ее к собственным тактикам работы («способные»). На завершающей волне в процесс включаются «подражатели» («обычные», «ординарные»), которые довольствуются минимальной прибылью, поскольку львиную долю дохода уже получили «первые».

Наиболее полное раскрытие феномена предпринимательства как объекта социологического исследования возможно посредством использования категорий «поведение» и «деятельность». Предпринимательское поведение является упорядочен-

Модель движения и возрастания количества предпринимателей в тех областях хозяйственной деятельности, где «гений» первоначально осуществил «новую комбинацию»

The model of movement and increase in the number of entrepreneurs in those areas of economic activity, where the «genius» originally implemented a «new combination»

ной совокупностью осознанных, социально и личностно значимых действий предпринимателя, отражающих используемые им принципы отбора экономических альтернатив. Отдельные действия предпринимателя могут быть самыми разнообразными, но их объединяет особенная специфика, которую замечает внешнее социальное окружение, она выделяется и становится характеристикой как предпринимательского поведения, так и самого хозяйствующего субъекта.

Предпринимательское поведение соотносится с предпринимательской деятельностью как особенное с общим. Как общее на поведение распространяется все то, что характеризует деятельность. Поведение же, в свою очередь, будучи особенным, вносит в деятельность собственное разнообразие, так или иначе влияя на ее результат. Понятие «предпринимательское поведение» отличается от понятия «действие предпринимателя» повторяющейся особенностью и целостностью, которые предполагают единство духовного, социального и биологического в каждом хозяйствующем субъекте. Нарушение этого единства порождает внутренний конфликт, проявляющийся в несоответствии личностного общественному (проблема возможностей) или личностного индивидуальному (проблема средств). Пути выхода из сложившейся конфликтной ситуации в первом случае связаны со сменой макрохозяйственной системы, в которой предприниматель осуществляет свою деятельность, во втором – с целенаправленным повышением собственного потенциала (финансового, образовательного, физического). Предпринимательское поведение является активным типом экономического поведения с выраженными инновационными компонентами. Эффективность предпринимательского поведения определяется результативностью совершенных бизнесменом действий, направленных на реализацию идей в процессе хозяйственной деятельности.

В XX в. западноевропейские и североамериканские исследователи значительно продвинулись в осмыслении феномена предпринимательства. Начало было положено изучением личности предпринимателя. Сегодня это изучение осуществляется в русле набирающей популярность концепции человеческого развития. Она объединяет философские, социальные, экономические, технократические и институциональные теории развития. Данный гуманистически ориентированный критерий развития воплощают уровень роста экономики, достижения науки, принципы управления, социально-политическое состояние общества, состояние окружающей среды и образ жизни, вплоть до нравственного со-

знания и мировоззрения. Если говорить о развитии общества с точки зрения развития человека, а не только экономики, то это, наверное, самый сложный, порой противоречивый, непредсказуемый, трудноизмеряемый процесс. Постепенно зарубежные исследователи расширили рамки анализа феномена предпринимательства. Так, профессор Пол Дэвидсон Рейнольдс выделил четыре основных направления, в рамках которых проводится исследование предпринимательства в социальных науках. Во-первых, это изучение специфических проблем, связанных со стадией жизненного пути (в особенности переход от повседневной стадии к стартапу, а также связанные с этим проблемы, ограничения и возможности). Во-вторых, это анализ роли социальных сетей в формировании репутации, доверия и в обеспечении доступа предпринимателей к ресурсам, экспертизе, циркуляции скрытого знания. В-третьих, это изучение этнической принадлежности как фактора успеха предпринимательства в «закрытых» сообществах, возникающих на базе этнических меньшинств в крупных городах. В-четвертых, это исследования в рамках популяционной экологии, т. е. анализ осуществления так называемого «естественного отбора» в кластерах предпринимательских фирм на предмет ответа на вопрос: почему одни выживают и развиваются, а другие приходят в упадок? [2].

Большое количество публикаций посвящено феномену предпринимательского старта. Признанными лидерами в этой области являются Б. Гартнер, П. Рейнольдс, С. Веннекерс, Р. Турик¹ и др. В последние годы в данной области все больше доминируют работы, выполненные на базе количественных данных международного долгосрочного сравнительного исследования «Глобальный мониторинг предпринимательства» (*Global Entrepreneurship Monitor*). Эти данные позволяют сопоставлять влияние национальных условий на интенсивность предпринимательских стартов в разных странах (в настоящее время в проекте участвует более 60 стран). Также исследуется влияние мотивационных особенностей на стратегии создания и развития новых деловых предприятий, причины выхода из активной предпринимательской деятельности и т. д. [3]. Несколько в стороне находятся исследования, в которых анализируется роль стратегий новых предпринимательских структур в долгосрочном процессе [4; 5]. Дополнительный стимул получила тематика предпринимательского «открытия». Этот аспект берет свое начало из работ Й. Шумпетера [6]. Роли предпринимательской возможности, начиная с ее «открытия» и заканчивая последующей «эксплуа-

¹Gartner W. B. «Who is an entrepreneur?» Is the wrong question // Am. Small Bus. J. 1988. № 12 (4). P. 11–32. DOI: 10.1177/104225878801200401; Reynolds P. D. Who starts new firms? – Preliminary explorations of firms-in-gestation // Small Bus. Econ. 1997. № 9 (5). P. 449–462. DOI: 10.1023/A:100793572; Wennekers S., van Wennekers A., Thurik R., et al. Nascent entrepreneurship and the level of economic development // Small Bus. Econ. 2005. № 24 (3). P. 293–309. DOI: 10.1007/s11187-005-1994-8.

тацией», посвящена коллективная статья С. Шейна и С. Венкатарамана [7].

Сложность применения западных теорий в отечественной практике занятия предпринимательством обусловлена социокультурным контекстом. Официальная история предпринимательства на постсоветском пространстве началась в 1985 г. Идеологией СССР предпринимательство рассматривалось как враждебное для социалистического общества и подлежащее ликвидации явление. Сегодня принято считать, что в советском государстве существовало официальное и неофициальное предпринимательство. При этом термин «предпринимательство» не использовался, так как идеологически не соответствовал социалистической доктрине. Официальное предпринимательство именовалось как «экономическая инициатива советских граждан» и являлось коллективной деятельностью, которая приносила пользу обществу. Так, высокоприбыльные народные промыслы и ремесла (например, рыболовство, сбор кедровых орехов, роспись по дереву, соломоплетение) и строительная активность имели большой экономический эффект для государства и общества. Неофициальным предпринимательством занимались те граждане, деятельность которых не решала крупных социально-экономических проблем и в связи с этим не получала государственной поддержки и общественного одобрения. Считалось, что труд кустаря-ремесленника и шабашника приносил исключительно личную прибыль. Нелегальные предприниматели преследовались и привлекались к уголовной ответственности. В БССР развитие получило неофициальное предпринимательство в сферах бытового обслуживания, торговли и общепита: 70 % населения пользовались услугами нелегалов [8, с. 79–81]. В дальнейшем работа на теневую экономику сыграла отрицательную роль в формировании положительного имиджа предпринимательства на большей части постсоветского пространства, в том числе и в независимой Беларуси. Своеобразная бизнес-подготовка в форме законного и незаконного предпринимательства в советской административной системе хозяйствования определила специфику деятельности «первых» предпринимателей в Советском Союзе.

В СССР исследования в сфере предпринимательства не проводились. По идеологическим причинам данная хозяйственная деятельность считалась негативным явлением экономической среды. В перестроечные годы (вторая половина 1980-х – начало 90-х гг.) в стране начали активно издаваться переводные издания предпринимательской тематики. Для советского читателя заново открывались классики социально-экономической мысли, такие как Р. Кантильон, Ф. Кенэ, А. Смит, Т. Веблен, Ф. Хайек, Й. Шумпетер и др. Однако многие понятия из сферы предпринимательской деятель-

ности оставались неясными. Западное предпринимательство воспринималось советскими гражданами главным образом как экономический феномен, свободный от социальных обязательств и культурных влияний. С 1990 г. в Советском Союзе основной идеей становится уже не «совершенствование социализма», а построение демократии и развитие рыночной экономики. Легализация частной собственности привела к заимствованию кооперацией черт западного предпринимательства. Одновременно начинают закрываться государственные предприятия, фабрики и заводы, появляются такие социальные явления, как безработица и нищета. В результате возникновения внутреннего экономического кризиса СССР фактически перестает быть сверхдержавой. В социально-экономическом развитии советских республик проявилась ярко выраженная национальная специфика. Конфликт, связанный с объявлением приоритета республиканских законов над союзными, стал одним из ключевых факторов, которые привели к распаду СССР.

В ходе перестроечных реформ были опубликованы результаты теоретических и эмпирических исследований советских ученых, таких как Л. И. Абалкин, А. И. Агеев, Г. С. Батыгин, Р. А. Белоусов, Л. С. Бляхман, Т. И. Заславская, А. Г. Здравомыслов, Л. Я. Косалс, И. Х. Райг, В. Б. Самсонов, К. А. Улыбин. В работах анализировались проблемы самозанятости, вторичной занятости, реальной и скрытой безработицы, различных неправовых трудовых практик [9–24]. Отсутствие четкого подхода к анализу частнопредпринимательской деятельности привело к противоречивой оценке ее социальной и экономической роли в народном хозяйстве. Вскоре стало ясно, что предпринимательство оказывает как положительное, так и отрицательное влияние не только на экономику страны, но и на общество. Появление в советской экономике нового вида труда – частнопредпринимательского – привело к обострению в обществе темы социальной справедливости [25–28]. Советская «перестроечная» идеология пыталась формально уравнивать бедных и богатых на рынке. Однако такая мера лишь усилила у населения чувство несправедливости. Предпринимательство как новый элемент экономики отождествлялось и с положительными характеристиками («инициатива», «свое дело»), и с отрицательными («стяжательство», «спекуляция», «мошенничество»). Дальнейшие исследования предпринимательской темы в республиках бывшего Советского Союза проводились главным образом в русле экономической социологии. В работах исследователей была отражена свойственная постсоветскому обществу тенденция усиления рационализации человеческих отношений [29–36]. Современное предпринимательство в Республике Беларусь, как и в России, изучается с позиций его государственного регули-

рования [37; 38], социальной ответственности бизнеса [39–41], а также развития и поддержки в приграничных районах [42].

Рассмотрим социально-экономическое развитие Беларуси. В начале XXI в. переход к новой экономической системе в республике осуществлялся на основе умеренно-радикального подхода, ориентированного на создание стабильных социально-экономических условий развития. В стране были выбраны эволюционные методы реформирования с поддержкой правительством важных отраслей народного хозяйства посредством прямого субсидирования и налогового стимулирования и активным участием государства в формировании рыночной инфраструктуры. В 2000-е гг. темпы рыночных преобразований в Беларуси во многом определялись сложностью создания рыночных институтов, практическим отсутствием на начало переходного периода предпринимательского сектора, наличием большого количества крупных предприятий, рыночная адаптация которых требовала времени, а также отсутствием богатых природных ресурсов. Активно обсуждался вопрос о важной роли национальных особенностей населения страны в ходе экономических реформ. Действительно, специфику развития многих ведущих держав мира, таких как Англия, США, Япония, уже длительный период находящихся на высоком уровне экономического развития, определяют факторы, берущие начало из «духовной жизни народа», т. е. из менталитета. Несмотря на то, что эти страны характеризуются диаметрально противоположными моделями мотивации труда, они сумели органично вписаться в экономическое устройство мирового сообщества.

Степень готовности Республики Беларусь к сложному поливекторному социально-экономическому развитию постепенно повышается, однако так называемый крупный бизнес, средние и малые предприятия пока не в полной мере реализуют свой социально-экономический потенциал в экономике. Не последнюю роль играют социокультурные предпосылки занятия предпринимательской деятельностью, которые, как показывает мировая история, имеют очень сильное влияние. Уровень своих ментальных характеристик белорусы оценили более близким к идеальному, чем у восточных и западных соседей. Одним из самых значимых качеств было названо трудолюбие, которое белорусы оценили в 2,9 раза выше, чем у поляков и русских, и на 16 % выше, чем у немцев. Стремление к личной свободе и независимости, по мнению белорусов, у соотечественников выражено на 26 % от идеального уровня, соревновательность и конкуренция – на 20 %, предприимчивость и расчетливость – на 22,8 % [43, с. 253–257]. Стремление к быстрым, радикальным общественным изменениям была оценена очень низко, а явно отрицательной чертой названо стремление к медленным, постепенным

общественным изменениям. Можно сделать вывод о том, что белорусы, будучи уверенными в силе своего трудолюбия, испытывают неудовлетворенность собственным уровнем других рационально-деятельных ментальных характеристик, таких, как соревновательность, конкуренция, предприимчивость и расчетливость, стремление к личной свободе и независимости.

Опыт развития предпринимательских отношений в СССР, а затем и в независимой Беларуси подтверждает тот факт, что успешно заниматься предпринимательством могут немногие. Какие бы благоприятные условия ни были созданы для проявления частной экономической инициативы, использовать эти возможности и одновременно взять на себя всю полноту ответственности за свои действия оказываются способны не многие. В связи с этим не угасает интерес исследователей к личностным качествам предпринимателя. Возникает вопрос: кто тот человек, который хочет, может и достигает? До сих пор существуют определенные сложности в изучении образа предпринимателя. Это связано с некоторой загадочностью его деятельности, скрытой от глаз общественности; с определенными стереотипами восприятия предпринимателя и как эксплуататора (отрицательно), и как благодетеля-миссионера (положительно); с некоторой категоричностью поведения и общения предпринимателей в интересах дела; с завистью по поводу его прибыли и доходов [44]. В обобщенном видении, заключающемся в создании западной традиции восприятия фигуры предпринимателя от Адама Смита до Йозефа Шумпетера и далее – до Йонаса Риддерстрале и Кьелла А. Нордстрема, бизнесмен – это тот человек, который хочет подарить миру новые возможности, может на этом заработать и достигает этого несмотря ни на какие трудности. Это идеальный тип предпринимателя. Отличие «смитовского» видения предпринимателя от современного его восприятия, скорее всего, состоит в том, что постепенное «вызревание» бизнесмена как социального типа в среднем повышает меру его ответственности перед обществом. Исходя из этого можно говорить, что объективные предпосылки, вызванные изменением условий жизнедеятельности отдельных государств и конкретных сообществ людей на рубеже столетий, привели к развитию социальных функций в самом бизнесе. Возникла новая волна кооперативного движения в Европе, были заключены соглашения о добросовестной торговле, образовался так называемый аффирмативный бизнес, начали налаживаться государственно-частное партнерство и трехстороннее сотрудничество государства, бизнеса и некоммерческих организаций в развитии местных сообществ, расширилась популярность микрофинансирования, была институционализирована корпоративная социальная ответственность.

Таким образом, в теоретико-методологических построениях, определяющих сущностную природу предпринимательской деятельности, укоренилась точка зрения, согласно которой целью предпринимательства является извлечение прибыли (дохода) путем удовлетворения индивидуальных и коллективных потребностей в товарах, работах и услугах. В условиях перехода к инновационному типу развития еще более актуальным становится положение Й. Шумпетера о том, что предприниматели являются основными двигателями механизмов производства, обмена и распределения в условиях рынка, а новаторство в деятельности предпринимателя – это источник общего движения [1, с. 192–194]. Это *экономический* взгляд на роль предпринимательства в развитии общества. *Социальная* функция предпринимательства заключается в возможности каждого дееспособного индивидуума быть собственником дела, лучше проявлять свои индивидуальные таланты и возможности. Эта функция все более выражается в формировании новой прослойки общества – предприимчивых людей, склонных к самостоятельной хозяйственно-экономической деятельности,

способных преодолевать сопротивление среды и добиваться поставленной цели. Развитие предпринимательства обеспечивает рост рабочих мест, сокращение уровня безработицы, укрепление социального положения наемных работников. Отметим, что на постсоветском пространстве большей симпатии удостоивается предпринимательство, разрешающее социальные проблемы, поскольку в этом случае наиболее актуален вопрос об ответственности предпринимателя перед обществом. Вместе с этим уместно говорить и о справедливости. За социальную справедливость общество требует ответственности, точно так же как социально ответственный человек жаждет соблюдения справедливости. Поскольку социальная справедливость включает в себя равенство возможностей, то социальная ответственность характеризуется способностью этим равенством воспользоваться. В случае с предпринимательством данное положение можно рассматривать как верификацию различных видов социально ориентированного предпринимательства через социологические индикаторы, характеризующие, например, уровень взаимного доверия.

Библиографические ссылки

1. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития / пер. В. С. Автономова. М. : Директ медиа Паблишинг, 2008.
2. Чепуренко А. Ю., Яковлев А. А. Теория предпринимательства: важность контекста // Рос. журнал менеджмента. 2013. Т. 11, № 2. С. 51–60.
3. Levie J., Autio E. A theoretical grounding and test of the GEM model // Small Bus. Econ. 2008. № 31 (3). P. 235–263. DOI: 10.1007/s11187-008-9136-8.
4. Gartner W. B. What are we talking about when we talk about entrepreneurship? // J. Bus. Ventur. 1990. № 5 (1). P. 15–28. DOI: 10.1016/0883-9026(90)90023-M.
5. Shane S. A General Theory of Entrepreneurship: The Individual–Opportunity Nexus. Cheltenham ; Northampton : Edward Elgar Publishing, 2004.
6. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / пер. с нем. М. : Эксмо, 2007.
7. Shane S., Venkataraman S. The promise of entrepreneurship as a field of research // Acad. Manag. Rev. 2002. № 25 (1). P. 217–226. DOI: 10.2307/259271.
8. Данилов А. Н. Диалог с молодежью: вопросы и ответы. Минск : БГУ, 1988.
9. Абалкин Л. И. Новый тип экономического мышления. М. : Экономика, 1987.
10. Абалкин Л. И. Перестройка: пути и проблемы. Интервью директора Института экономики АН СССР академика Л. И. Абалкина с советскими и иностранными журналистами (сентябрь 1986 г. – май 1988 г.). М. : Экономика, 1988.
11. Абалкин Л. И. Курсом ускорения. М. : Политиздат, 1986.
12. Агеев А. И. Предпринимательство: проблемы собственности и культуры. М. : Наука, 1991.
13. Батыгин Г. С. «Добродетель» против интереса (заметки об отражении распределительных отношений в массовом сознании) // Соц. исслед. 1987. № 3. С. 24–36.
14. Белоусов Р. А. Коренная перестройка управления экономикой СССР. М. : Мысль, 1989.
15. Бляхман Л. С. Перестройка экономического мышления. М. : Политиздат, 1990.
16. Заславская Т. И. Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость // Коммунист. 1986. № 13. С. 61–73.
17. Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. М. : Политиздат, 1986.
18. Косалс Л. Я. Социальный механизм инновационных процессов. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1989.
19. Райз И. Х. Типология личных подсобных хозяйств // Социолог. исслед. 1981. № 4. С. 143–146.
20. Райз И. Х. Что может индивидуальное хозяйство? // Социолог. исслед. 1986. № 1. С. 33–40.
21. Самсонов В. Б. Владельцы личного подсобного хозяйства: типология, образ жизни // Социолог. исслед. 1988. № 4. С. 7–14.
22. Улыбин К. А. Экономическое мышление и перестройка. М. : Знание, 1987.
23. Улыбин К. А. Социально-экономический потенциал индивидуального труда // Социолог. исслед. 1988. № 4. С. 14–19.

24. Улыбин К. А. Социалистическая собственность без иллюзий и догм. М. : Высшая школа, 1990.
25. Заславская Т. И. Социальная справедливость: шесть лет спустя // Свобод. мысль. 1992. № 1. С. 25–36.
26. Руткевич М. Н. Социалистическая справедливость // Социолог. исслед. 1986. № 3. С. 13–23.
27. Кунельский Л. Э. Перестройка и социальная справедливость (экономический аспект). М. : Наука, 1990.
28. Перестройка и народный контроль / сост. В. И. Мелешенко. Л. : Лениздат, 1990.
29. Радаев В. В. Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М. : Центр политических технологий, 1998.
30. Чирикова А. Е. Лидеры российского предпринимательства: менталитет, смыслы, ценности. М. : Институт социологии РАН, 1997.
31. Бабаева Л. В., Лапина Г. П. Малый бизнес в России в эпоху экономических реформ. М. : Институт социологии РАН, 1997.
32. Возмитель А. А. Способы бизнеса и способы жизни российских предпринимателей. М. : Институт социологии РАН, 1997.
33. Чепуренко А. Ю. Малое предпринимательство в социальном контексте. М. : Наука, 2004.
34. Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М. : Дело, 2002.
35. Заславская Т. И., Шабанова М. А. Социальные механизмы трансформации неправовых практик // Обществ. науки и современность. 2001. № 5. С. 5–24.
36. Рывкина Р. В. Между социализмом и рынком: судьба экономической культуры в России. М. : Наука, 1994.
37. Лученок А. И. Государственное регулирование предпринимательской деятельности. Минск : Право и экономика, 1999.
38. Тур А. Н. Особенности формирования государственно-частного партнерства в Республике Беларусь // Проблемы упр. 2011. № 2 (39). С. 31–36.
39. Simkhovich V. A. Charity of Belarusian business under a current economic crisis: state and perspectives // Samorządność w warunkach kryzysu : monograph / red. S. Partycki. Lublin : Wydawnictwo KUL, 2013. С. 99–105.
40. Козырева П. М. Малое предпринимательство в России: повседневные проблемы и трудности развития // Эконом. и соц. перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 1 (37). С. 43–58. DOI: 10.15838/esc/2015.137.3.
41. Храпцов А. Ф. У истоков социального государства: предпринимательство и социальный вопрос в аграрном обществе раннего нового времени : монография. М. : Институт социологии РАН, 2013.
42. Кавецкий С. Т., Скаун Е. В. Социологический барометр предпринимательства в приграничных районах Брестской области // Социология. 2016. № 2. С. 124–131.
43. Кириенко В. В. Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы. Гомель : ГГТУ, 2009.
44. Экономическая психология / под ред. И. В. Андреевой. СПб. : Питер, 2000.

References

1. Schumpeter J. A. [The Theory of Economic Development]. Moscow : Direct media Publishing, 2008 (in Russ.).
2. Chepurenko A. Y., Yakovlev A. A. [Theory of entrepreneurship: the importance of context]. *Rossiiskii zhurn. menedzhmenta*. 2013. Vol. 11. No. 2. P. 51–60 (in Russ.).
3. Levie J., Autio E. A theoretical grounding and test of the GEM model. *Small Bus. Econ.* 2008. No. 31 (3). P. 235–263. DOI: 10.1007/s11187-008-9136-8.
4. Gartner W. B. What are we talking about when we talk about entrepreneur-ship? *J. Bus. Ventur.* 1990. No. 5 (1). P. 15–28. DOI: 10.1016/0883-9026(90)90023-M.
5. Shane S. A General Theory of Entrepreneurship. The Individual–Opportunity Nexus. Cheltenham ; Northampton : Edward Elgar Publishing, 2004.
6. Schumpeter J. A. Capitalism, socialism and democracy. Moscow : Eksmo, 2007 (in Russ.).
7. Shane S., Venkataraman S. The promise of entrepreneurship as a field of research. *Acad. Manag. Rev.* 2002. No. 25 (1). P. 217–226. DOI: 10.2307/259271.
8. Danilov A. N. [Dialogue with young people: questions and answers]. Minsk : BSU, 1988 (in Russ.).
9. Abalkin L. I. [A new type of economic thinking]. Moscow : Ekonomika, 1987 (in Russ.).
10. Abalkin L. I. [Perestroika: ways and problems. Interview with director of the Institute of economics of Academy of Science of the USSR academician L. I. Abalkin]. Moscow : Ekonomika, 1988 (in Russ.).
11. Abalkin L. I. [The strategy of acceleration]. Moscow : Politizdat, 1986 (in Russ.).
12. Ageev A. I. Entrepreneurship: The problem of property and culture. Moscow : Nauka, 1991 (in Russ.).
13. Batygin G. S. «Virtue» against interest (note the reflection of distributive relations in the mass consciousness). *Sotsiologicheskie issled.* 1987. No. 3. P. 24–36 (in Russ.).
14. Belousov R. A. [Cardinal reconstruction of economic management of the USSR]. Moscow : Mysl', 1989 (in Russ.).
15. Blyakhman L. S. [Economic thinking restructuring]. Moscow : Politizdat, 1990 (in Russ.).
16. Zaslavskaya T. I. [The Human Factor in the Development of the Economy and Social Justice]. *Communist.* 1986. No. 13. P. 61–73 (in Russ.).
17. Zdravomyslov A. G. [Needs, interests, and values]. Moscow : Politizdat, 1986 (in Russ.).
18. Kosals L. Y. [The Social Mechanism of Innovative Processes]. Novosibirsk : Nauka, Sibirskoe otdelenie, 1989 (in Russ.).
19. Raig I. K. [Typology of personal subsidiary plots]. *Sotsiologicheskie issled.* 1981. No. 4. P. 143–146 (in Russ.).
20. Raig I. K. [What can individual household do?]. *Sotsiologicheskie issled.* 1986. No. 1. P. 33–40 (in Russ.).
21. Samsonov V. B. [Owners of personal subsidiary plot: typology, lifestyle]. *Sotsiologicheskie issled.* 1988. No. 4. P. 7–14 (in Russ.).
22. Ulybin K. A. [Economic thinking and restructuring]. Moscow : Znanie, 1987 (in Russ.).
23. Ulybin K. A. [Socio-economic potential of individual labor]. *Sotsiologicheskie issled.* 1988. No. 4. P. 14–19 (in Russ.).

24. Ulybin K. A. [Socialist property without illusions and dogmas]. Moscow : Vysshaya shkola, 1990 (in Russ.).
25. Zaslavskaya T. I. [Social Justice: Six Years Later]. *Svobodnaya mysl'*. 1992. No. 1. P. 25–36 (in Russ.).
26. Rutkevich M. N. [Socialist Justice]. *Sotsiologicheskie issled.* 1986. No. 3. P. 13–23 (in Russ.).
27. Kunelsky L. E. [Perestroika and social justice (economic aspect)]. Moscow : Nauka, 1990 (in Russ.).
28. Meleshchenko V. I. [Perestroika and people's control]. Leningrad : Lenizdat, 1990 (in Russ.).
29. Radaev V. V. [Formation of new Russian markets: transaction costs, forms of control and business ethics]. Moscow : Tsentri politicheskikh tekhnologii, 1988 (in Russ.).
30. Chirikova A. E. [The leaders of Russian business: mentality, sense, values]. Moscow : Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 1997 (in Russ.).
31. Babaeva L. V., Lapina G. P. [Small business in Russia in the era of economic reforms]. Moscow : Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 1997 (in Russ.).
32. Vozmitel' A. A. [Business methods and ways of life of Russian entrepreneurs]. Moscow : Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 1997 (in Russ.).
33. Chepurenko A. Y. [Small business in a social context]. Moscow : Nauka, 2004 (in Russ.).
34. Zaslavskaya T. I. [Societal Transformation of Russian Society. Activity-Structural Conception]. Moscow : Delo, 2002 (in Russ.).
35. Zaslavskaya T. I., Shabanova M. A. [Social mechanisms of transformation of unlawful practices]. *Obshchestvennye nauki i sovrem.* 2001. No. 5. P. 5–24 (in Russ.).
36. Ryvkina R. V. [Between socialism and the market: the fate of Russia's economic culture]. Moscow : Nauka, 1994 (in Russ.).
37. Luchenok A. I. [State Regulation of Business Activity]. Minsk : Pravo i ekonomika, 1999 (in Russ.).
38. Tur A. N. [Characteristic Features of Public-Private Partnership Formation in the Republic of Belarus]. *Problemy upr.* 2011. No. 39 (2). P. 31–36 (in Russ.).
39. Simkhovich V. A. Charity of Belarusian business under a current economic crisis: state and perspectives. In: *Samorządność w warunkach kryzysu* : monograph. Lublin : Wydawnictwo KUL, 2013. P. 99–105.
40. Kozyreva P. M. [Small business in Russia: Everyday Issues and Development Constraints]. *Econ. i sotsial'nye perem.: facty, tendentsii, prognoz.* 2015. No. 1 (37). P. 43–58. DOI: 10.1588/esc/2015.137.3 (in Russ.).
41. Khrantsov A. F. At the Waterhead of Social Welfare State. Entrepreneurship and social issue in the agrarian society of early modern times. Moscow : Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2013 (in Russ.).
42. Kavetskii S. T., Skakyn E. V. Sociological barometer of entrepreneurship in Near-Border Areas of Brest Region. *Sociologiya.* 2016. No. 2. P. 124–131 (in Russ.).
43. Kirienko V. V. [Belarusian mentality: origins, modernity, prospects]. Gomel : Gomel State Technical University, 2009 (in Russ.).
44. Andreeva I. V. (ed.) [Economic psychology]. Saint Petersburg : Piter, 2000 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 18.09.2017.
Received by editorial board 18.09.2017.

УДК 80(072)

РОЛЬ ПРАКТИКИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ СОЦИОЛОГОВ (МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Е. А. КЕЧИНА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Отмечается, что в настоящее время практика при подготовке социологов является целостной системой взаимосвязанных и последовательно реализуемых обучающих программ, направленных на развитие практических профессиональных навыков, базирующихся на теоретических знаниях, получаемых студентами в ходе лекционных и семинарских занятий. Делается акцент на том, что основным принципом логики развертывания и содержательного наполнения практики служит соответствие ее структуры теоретической подготовке студентов. Главная цель практики – приобретение студентами опыта самостоятельной профессиональной деятельности. Рассматриваются актуальные вопросы реализации практики как особого вида учебной деятельности при подготовке социологов в Белорусском государственном университете. Представлен опыт организации и специфики практики на отделении социологии. Определены содержание, основные принципы и методические аспекты различных видов практики социологов.

Ключевые слова: социология; социологическое образование; практика студентов; методика преподавания.

THE ROLE OF PRACTICE IN THE PROCESS OF TEACHING SOCIOLOGISTS (METHODOLOGICAL ASPECT)

E. A. KECHINA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Practice in the training of sociologists is a coherent system of interrelated and consistently implemented training programs aimed at developing practical professional skills of a sociologist based on theoretical knowledge received by students during lecture and seminar classes. The main principle of the logic of deployment and content of practice is the correspondence of the structure of practice to the theoretical preparation of students. The main purpose of the practice is the acquisition by students of the experience of independent professional activity. The article discusses topical issues of practice implementation as a special kind of academic activity in the training of sociologists at the Belarusian State University. The experience of organization and specificity of practice at the branch of sociology is presented. The content, basic principles and methodological aspects of various types of sociologists' practices are examined.

Key words: sociology; sociological education; students' practice; teaching methods.

Профессия социолога в настоящее время является одной из наиболее универсальных и востребованных среди специальностей гуманитарного профиля. Подготовку профессиональных социологов

осуществляют крупнейшие университеты мира, не стал исключением и Белорусский государственный университет (БГУ). Уже более четверти века в нем обучаются студенты специальности «Социология».

Образец цитирования:

Кечина Е. А. Роль практики в процессе обучения социологов (методический аспект) // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 1. С. 73–77.

For citation:

Kechina E. A. The role of practice in the process of teaching sociologists (methodological aspect). *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 1. P. 73–77 (in Russ.).

Автор:

Евгения Аркадьевна Кечина – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Evgeniya A. Kechina, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
eakech@tut.by

Выпускники отделения социологии получают две специальности: «Социолог» и «Преподаватель социологии и социально-психологических дисциплин». Это дает им широкие возможности для трудоустройства в области не только научно-педагогической деятельности, но и практической социологии. Программа обучения по специальности «Социология» позволяет выпускникам овладеть всеми необходимыми профессиональными навыками, поскольку неотъемлемой частью подготовки социологов является практика (учебная, производственная, педагогическая), в ходе которой будущие специалисты осваивают различные прикладные аспекты своей профессии. Социологи востребованы во многих отраслях народного хозяйства: образовании, науке, производстве, торговле, культуре, связи, финансово-банковском секторе и др. Белорусский государственный университет обеспечивает профессиональными социологами как крупные научно-исследовательские центры и институты, так и исследовательские, маркетинговые и кадровые службы государственных и частных предприятий и организаций.

На кафедре социологии БГУ в рамках аспирантуры и докторантуры уже много лет успешно ведется подготовка кадров высшей научной квалификации – кандидатов и докторов социологических наук. Эти специалисты чрезвычайно востребованы высшей школой и обеспечивают социологическое образование практически во всех крупнейших учреждениях высшего образования (УВО) Республики Беларусь (БГУ, Белорусский национальный технический университет, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка и др.), а также составляют кадровую основу специализированного отделения экономической социологии Белорусского государственного экономического университета. Особо следует отметить роль отделения социологии в подготовке кадров для регионального высшего образования нашей страны. Так, бывшие аспиранты кафедры социологии, защитившие кандидатские диссертации, преподают социологию в Могилевском государственном университете имени А. А. Кулешова, Гродненском государственном университете имени Я. Купалы, Брестском государственном университете имени А. С. Пушкина.

Таким образом, сложившаяся в БГУ система подготовки профессиональных социологов и ее ориентированный на практику характер обеспечивают как востребованность, так и конкурентоспособность специалистов данного профиля на рынке труда. За достаточно длительный период подготовки произошли значительные изменения, касающиеся не

только ее основных направлений и организации, но и потребностей рынка труда в социологах и, соответственно, квалификационных требований, предъявляемых к ним. Эти изменения проявились прежде всего в том, что работодатели большинства отраслей стали ориентироваться в первую очередь на привлечение социологов-практиков, причем не столько специалистов отдельных направлений социологических работ, сколько универсалов, способных организовать и провести весь цикл социологических работ – от взаимодействия с заказчиком и разработки научного протокола исследования до обработки и анализа данных и презентации результатов исследования. С учетом этих потребностей обучение специалистов-социологов все больше ориентируется на приобретение студентами практических навыков исследовательской работы, которые включают в себя полный цикл: разработку программы исследования, организацию полевой деятельности по сбору данных, обработку и анализ полученной информации. При этом очевидно, что даже самой качественной теоретической базы явно недостаточно для подготовки специалиста той квалификации, которая востребована на рынке труда в настоящее время. Чтобы проводить социологические исследования на высоком уровне, быть конкурентоспособным в современном, динамично развивающемся профессиональном сообществе, специалист-социолог должен достичь максимальной универсальности в части овладения профессиональными навыками во всех видах социологических работ. Именно поэтому на определенном этапе развития социологического образования насущной потребностью учебного процесса стала качественная организация такого вида деятельности, как практика различных видов, которая обеспечивает будущим специалистам столь необходимый им в дальнейшем первый опыт самостоятельной профессиональной работы.

Нынешняя структура и содержание практики студентов, обучающихся в БГУ по специальности «Социология», являются результатом опыта многолетней работы как коллектива преподавателей кафедры социологии, так и самих студентов, проходивших практику в процессе обучения, делившихся своими впечатлениями и высказывавших предложения по ее совершенствованию.

Рассмотрим основные принципы и специфику практики студентов-социологов. Прежде всего отметим, что главным принципом логики развертывания и содержательного наполнения практики студентов является соответствие ее структуры теоретической подготовке студентов. Это обеспечивает, во-первых, закрепление теоретических знаний, получаемых в процессе лекционных и семинарских занятий, во-вторых, последовательное формирование навыков научно-практической деятельности будущих социологов в соответствии с посто-

янно повышаемым уровнем их теоретической подготовки.

В силу этого первым видом практики, с которого начинается вовлечение будущих социологов в их профессиональную деятельность, является учебная практика, реализуемая на втором и третьем годах обучения в бакалавриате в ходе двух содержательно различающихся этапов. Первый этап практики («Разработка программы социологического исследования и ее апробация на примере пилотажного опроса») на втором году обучения осуществляется индивидуально. Его содержание составляют самостоятельная разработка студентом программы социологического исследования, проведение первого пилотажного исследования методом опроса, а также ввод и обработка данных. При этом каждый студент закреплен за персональным научным руководителем из числа преподавателей кафедры социологии. Такой подход очень важен именно на младших курсах, когда будущий социолог делает свои первые шаги в профессии и нуждается именно в индивидуальном руководстве, обеспечивающем максимально внимательное отношение к студенту в части развития его профессиональных компетенций. Теоретическую подготовку практической составляющей обеспечивают следующие курсы: «Методология и методы социологических исследований», «Количественный анализ данных социологического исследования», «Компьютерный анализ данных социологического исследования», «Социальная и экономическая статистика», «Выборочный метод в социологии» и др. Таким образом, в ходе учебной практики на первом ее этапе студенты получают начальные практические навыки по программированию, сбору и обработке данных социологического исследования. Эти навыки вырабатываются индивидуально под руководством опытных преподавателей.

На третьем курсе учебная практика проходит в групповой форме. На этапе, который называется «Проведение социологического исследования с использованием опросных методов», студенты осуществляют самостоятельное исследование (опрос) уже в составе студенческой исследовательской группы от начала до конца – от разработки интересующей их темы и выхода в поле до ввода и обработки данных и получения итоговых выводов исследования. При этом очень важно, что все виды работ выполняются уже не индивидуально, как на втором курсе, а в составе исследовательского коллектива, который формируется из самих студентов. Отметим, что таких исследовательских групп несколько, далее мы вернемся к этому значимому факту.

Студенческие исследовательские группы формируются на основании двух главных критериев: личного предпочтения студентов с учетом их взаимоотношений, а также исходя из их текущей успеваемости. Второй фактор означает, что в ис-

следовательскую группу включаются студенты с различным уровнем успеваемости. Как показал опыт, такой подход, во-первых, позволяет избежать «неравенства» исследовательских групп по уровню теоретической подготовки, во-вторых, обеспечивает научно-профессиональную коммуникацию студентов с разным уровнем успеваемости в процессе реализации общего исследовательского проекта и, как следствие, мотивирует студентов с неудовлетворительной успеваемостью к повышению качества обучения и профессиональных навыков. Такие группы формируются самими студентами. После этого в студенческих исследовательских коллективах (также силами их участников) распределяются обязанности каждого члена команды по реализации конкретного вида работ в ходе социологического исследования, выбирается руководитель группы из числа студентов. Таким образом, студенты впервые приобретают опыт работы и взаимодействия с коллегами-социологами в процессе решения исследовательских задач, получая навыки организации исследования. Конечно, деятельность группы курируется научным руководителем из числа опытных преподавателей кафедры социологии.

За период практики студенты проводят свое первое полноценное исследование методом опроса (анкетный опрос или интервью): разрабатывают программу, дизайн инструментария, участвуют в опросе в качестве анкетеров или интервьюеров, осуществляют ввод, обработку и анализ данных опроса. После завершения работы над исследованием наступает не менее важный этап – презентация результатов практики перед преподавателями кафедры и студентами группы. В ее ходе студенты получают опыт публичного представления итогов своей работы, отвечают на многочисленные вопросы, учатся вести дискуссию и обосновывать выводы и результаты собственного исследования. Одновременно исследовательские группы неформально конкурируют в части качества проведенного исследования и его презентации, что также оказывает весьма благотворное мотивационное влияние на дальнейшую деятельность будущих социологов.

В целом, помимо обучающего компонента, учебная практика на третьем курсе решает ряд таких важных задач, как:

- стимулирование творческой деятельности студентов;
- получение студентами практических навыков работы социолога;
- вовлечение в научно-исследовательскую деятельность;
- обучение самоорганизации и работе в научно-исследовательском коллективе.

Отметим, что и на втором, и на третьем курсе учебная практика студентов проходит без отрыва от обучения. Благодаря этому студенты получают непрерывную консультативную помощь по прове-

дению исследования не только от научного руководителя исследовательской группы, но и от других преподавателей кафедры, специализирующихся на тех курсах, которые составляют теоретическую базу практики.

На четвертом курсе вид практики меняется: осуществляется переход от учебной практики к производственной, что выражается в усложнении задач и повышении уровня самостоятельности членов студенческого исследовательского коллектива, поскольку практика проводится уже с отрывом от учебных занятий. Ее содержание составляет социологическое исследование по актуальным проблемам с использованием не только опросных, но и других методов сбора данных (фокус-группы, глубинные интервью, наблюдение, контент-анализ).

В ходе практики на четвертом курсе студенты приобретают следующий опыт:

- закрепляют навыки и знания, полученные в процессе практической работы на младших курсах;
- применяют широкий спектр методов сбора социологической информации;
- углубленно анализируют полученные данные;
- делают выводы и дают рекомендации по изучаемой проблеме;
- выбирают для исследований темы, имеющие высокую актуальность и практическую значимость.

Важно также, что результаты практики на третьем и четвертом курсах часто используются ее участниками как самостоятельно полученная эмпирическая база для курсовых и дипломных работ, находят свое продолжение в научной деятельности при подготовке студенческих научных работ и выступлений на ежегодной студенческой научной конференции. Таким образом, практика является одним из важнейших факторов, стимулирующих научно-исследовательскую деятельность студентов.

Как и на третьем курсе, результаты исследований на четвертом году обучения проходят процедуру публичной защиты, в процессе которой каждая исследовательская группа представляет свои достижения в виде презентации. В целом презентация результатов практики на третьем и четвертом курсах дает студентам возможность научиться проводить исследования, а также грамотно публично представлять и защищать свои выводы и рекомендации. Таким образом, защита результатов подобных учебных исследований содержит не только чисто информационную, но и научно-дискуссионную часть.

Как уже отмечалось, защита практики имеет соревновательный элемент, поскольку оценки, выставляемые за нее, во многом зависят от сравнительного анализа качества исследований, проведенных разными группами студентов. Такой подход способствует:

- повышению внимания студентов к работе своих коллег;
- формированию желания показать наилучшие результаты;
- развитию креативности и творческого отношения к исследовательской деятельности.

Значимым является и то, что в процессе итоговых конференций по защите практики осуществляется обратная связь студентов с преподавателями кафедры. Студенты высказывают свое мнение по поводу организации практики, возможностей ее совершенствования, потребностей в учебной информации, возникающих в ходе проведения исследований, что обязательно учитывается кафедрой при организации практики в дальнейшем. В результате такого анализа корректируется не только практика студентов, но и учебный план по специальности. Так, например, с 2009/2010 учебного года на втором курсе была введена новая дисциплина – «Компьютерный анализ данных социологического исследования». Она стала логическим развитием сегмента компьютерной практики в рамках учебной практики на этом курсе, когда студенты изъявили желание углубленно изучать методы обработки и анализа данных опросов с использованием пакета SPSS.

На четвертом курсе студенты осваивают еще один, новый для них вид практики, – педагогическую практику, в рамках которой проводят лекции и семинары в УВО по дисциплинам социологического профиля. Студенты посещают лекции и семинары опытных преподавателей, а также выполняют задания по педагогике и психологии. Важно, что в процессе такого «учебного» преподавания студент не только «пересказывает» теорию, но и может со знанием дела раскрыть аудитории суть практической работы социолога, в которой сам принимал участие во время учебной и производственной практики.

Таким образом, со второго по выпускной курс бакалавриата реализуется поэтапная практика студентов, содержание которой соответствует курсам, читаемым на отделении социологии. Подобная структура практики обеспечивает:

- апробацию в процессе исследовательской и педагогической деятельности знаний, которые студенты получают при изучении учебных курсов;
- приобретение студентами навыков работы практикующего социолога и педагога.

Указанные виды практики обеспечивают получение выпускниками квалификаций «Социолог» и «Преподаватель социологии и социально-политических дисциплин» согласно образовательному стандарту Республики Беларусь по специальности «Социология».

В заключение отметим, что различные виды практики при подготовке специалистов социологического профиля являются неотъемлемым усло-

вием ее высокого качества. В ходе практики студенты получают столь необходимый им для дальнейшей работы (в том числе после окончания университета) опыт проведения социологических исследований, а те студенты, которые реализуют себя в педагогической деятельности, – опыт преподавания социологии. Практика дает возможность будущим социологам разобраться в сущности своей профессии, приобрести первые профессиональные навыки, понять специфику различных видов социологических работ, повысить свою социологическую квалификацию в целом. При этом структура и содержание практики должны непре-

рывно подвергаться профессиональной рефлексии в целях обеспечения актуальности этого компонента учебного процесса и соответствия его современным потребностям социологического образования.

В настоящее время практику при подготовке социологов можно рассматривать как систему взаимосвязанных и последовательно реализуемых обучающих программ, направленных на развитие практических профессиональных навыков социолога, базирующихся на теоретических знаниях, получаемых студентами в ходе лекционных и семинарских занятий.

*Статья поступила в редколлегию 09.10.2017.
Received by editorial board 09.10.2017.*

УДК 304.444

МЕТОД МЕДИАФРЕЙМИНГА В ИССЛЕДОВАНИЯХ МАТЕРИАЛОВ СМИ

М. О. ФОМИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются история развития фрейминга в качестве метода исследования материалов СМИ, его отличие от повестки дня и прайминга, взаимодействие и взаимопроникаемость этих понятий, современное применение данного метода, подходы к трактовке материалов СМИ с позиций медиафрейминга. Обосновывается, что использование медиафреймингового подхода к материалам СМИ в целом универсально и позволит осуществить непредвзятый анализ качественных данных. Анализируются процесс формирования фрейма посредством СМИ и восприятие его читателями, а также подходы разных исследователей к трактовке взаимодействия созданного фрейма с читательским восприятием. Приведены примеры различных подходов к выделению фреймов на материалах современных исследований.

Ключевые слова: медиафрейминг; прайминг; повестка дня; СМИ.

FRAMING METHOD IN MEDIA STUDIES

М. О. FAMICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article overviews the historical background of media framing as methodological approach, its difference from agenda-setting and priming (including interaction and interdependence of this concepts), models of modern use of the method in media studies. The author approaches to underline the fact that the usage of media framing concept can be used for different purposes and can guarantee unprejudiced qualitative data analysis. The overview of frame formation process and its reader's perception as long as the process of frame interaction with readers perception can also be found in the article. The author gives examples of different approaches to media framing usage on the materials of modern surveys.

Key words: media framing; priming; agenda setting; media.

Средства массовой информации как важная часть общественной жизни часто становятся объектом рассмотрения исследований массовой коммуникации и социологии. Это направление активно развивается в междисциплинарной области *media studies*. При этом открытым остается вопрос о наиболее приемлемом методе исследования СМИ. В настоящей статье предлагается применение методик, используемых в теории рамочного анализа.

Теория фрейминга возникла в начале 1940-х гг. как ответвление кибернетики. Первоначально она использовалась в психологии, лингвистике и других науках, не затрагивая социологию. Создатель теории фрейминга Г. Бейтсон работал, в частности, и в области психологии. Фрейминг, по Г. Бейтсону, есть понимание социальной реальности в качестве поля конечных смыслов, а также некоторая структура ситуации, в соответствии с которой индиви-

Образец цитирования:

Фомич М. О. Метод медиафрейминга в исследованиях материалов СМИ // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 1. С. 78–82.

For citation:

Famich M. O. Framing method in media studies. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 1. P. 78–82 (in Russ.).

Автор:

Майя Олеговна Фомич – соискатель кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Maiya O. Famich, compete at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
letters-on-the-sand@yandex.ru

ды постигают события «обыденного мира», делают выводы и выбор. Исследователь говорил о существовании замкнутых смысловых пространств, на границе которых нет «обменных пунктов» для транслирования механизмов одного смыслового поля в другое [1].

Последователь Г. Бейтсона М. Мински в 1970-е гг. рассматривал фрейм в широком понимании инженерии знаний и трактовал его как статическую информационную структуру, т. е. совокупность структурированных определенным образом данных, служащую для репрезентации стереотипных контекстов социальной реальности и моделей абстрактных образов [2]. Продолжатель этой теории в социологии И. Гофман в труде «Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта», который был издан в 1974 г., рассматривал фреймы как схему интерпретации, которая позволяет индивиду делать выводы о том, в какой ситуации они находятся и каким образом следует взаимодействовать в такой среде. Исследователь говорит о том, что фреймы каждым индивидом интерпретируются самостоятельно. В отличие от Г. Бейтсона И. Гофман считает, что миры смыслового взаимодействия не только не герметичны, но и взаимопроникаемы, т. е. накладываются друг на друга, позволяя индивиду «скользить» между ними, каждый раз выбирая модель взаимодействия с окружающей социальной реальностью. И. Гофман использовал понятие *транспонирование* для того, чтобы объяснить, как одни и те же механизмы взаимодействия могут трактоваться в различных смысловых полях. Исследователь применял часто используемое и сейчас сравнение фреймов с театральным действием: нечто, происходящее на сцене, является в той же мере реальным, в какой и нереальным, и, таким образом, одно событие «реальной» повседневности может по-разному пониматься в различных фреймах [3].

В современных исследованиях фрейминг часто используется не столько как теория, сколько как образовавшийся на ее базе метод. «Сценическое» восприятие фрейма имело свое продолжение в методе медиафреймов, т. е. значений и картин, используемых СМИ для презентации информационного контента. Медиафрейминг стал общим местом в так называемой *media studies* и имеет много трактовок в современной академической литературе, а также иногда употребляется вместо (или вместе) с другими схожими по природе и функциям методологическими подходами. Д. Шейфеле отмечает, что такие авторы, как Р. Хамиль и М. Лодж в понятиях «фрейм», «сценарный язык» и «схема» видели лишь терминологическую разницу [4; 5]. В исследованиях авторы использовали фреймы наряду с такими приемами, как *повестка дня* (от англ. *agenda-setting*)

и *прайминг* (от англ. *to prime*). При этом нужно заметить, что повестка дня применительно к медиаисследованиям часто понимается как определение круга тем в СМИ и их актуализация в определенный временной период; а прайминг – это сохранение определенных тем в повестке дня в соответствии с какими-либо политическими или социальными установками. Другие авторы, такие как М. МакКомбс, Д. Л. Шоу, Д. Уивер [6] утверждают, что можно говорить не только о сходстве указанных подходов между собой, но и о том, что фрейминг есть не что иное, как разновидность *agenda-setting*. Исследователи предлагают для фрейминга термин *повестка дня второго уровня* (от англ. *second-level agenda-setting*).

При рассмотрении медиафрейминга на современном этапе многие исследователи склоняются к той точке зрения, что фрейм является не подметодом и не разновидностью какого-то методологического приема, а самостоятельным методологическим подходом. Так, например, Т. Гитлин утверждает, что фрейм – это «принципы отбора, акцентирования и представления [материала], которые опираются на негласные теории о том, что существует, что происходит и что имеет значение»¹ [7, р. 125]. В. А. Гэмсон и А. Модильяни, в свою очередь, утверждают, что медиафрейм – это «центральная организующая идея или сюжетная линия, которая составляет смысл всей разворачивающейся цепочки событий» [8, р. 149]. Как утверждает В. А. Гэмсон, фреймы являются своего рода картами или образцами повествований, которые авторы и редакторы создают для своих читателей. Также эти образцы придают структуру официальным дискуссиям и влияют на обработку информации читателями [9]. Исследователи говорят, что фрейминг нужен тогда, когда ту или иную проблему можно представить различным образом и в различных контекстах, что неотъемлемо влияет на интерпретацию проблемы читателями. Наиболее близко и понятно фрейминг описал Р. М. Энтман. Он утверждал, что фрейм есть процесс отбора некоторых аспектов воспринимаемой реальности и выявление их в коммуникативных текстах с той целью, чтобы предложить формулировку определенной проблемы, ее причинную интерпретацию, моральную оценку и/или рекомендацию [10, р. 54]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что, по сути, фреймы представляют собой некоторые образцы, используемые автором для создания определенной картины какого-либо аспекта проблемы/события или же целостного описания ситуации. Фреймы отражают субъективное восприятие автором данной проблемы/события или же используются для создания определенной точки зрения у читателя.

Как мы видим в определениях медиафрейминга, фреймы представляют собой конструкции,

¹Здесь и далее перевод наш. – М. Ф.

определяющие способ представления информации и влияющие на узнавание читателем событий реального мира [10]. Согласно Р. М. Энтман, у фреймов есть несколько местоположений:

- 1) исходный источник (автор, СМИ);
- 2) текст (непосредственно сообщение);
- 3) получатель (аудитория);
- 4) культура (социальное сообщество с его традициями, принципами, нормами, особенностями).

Данные локации представляют собой составляющие одного и того же процесса – медиафрейминга. Этот процесс, в свою очередь, имеет две стадии:

1) создание фрейма и его появление в реальности (*frame-building*);

2) взаимодействие созданных фреймов с индивидами, представителями общества, аудиторией, не участвующей в создании фрейма, но являющейся его адресатом (*frame-setting*).

В процессе перехода от одной стадии к другой фрейм может изменяться и корректироваться в соответствии с особенностями аудитории. Спорным и активно обсуждаемым является вопрос о степени активности участия аудитории в процессе формирования и корректировки фрейма, и, соответственно, о степени оказываемого на фрейм влияния. В практической плоскости этот вопрос касается, например, влияния СМИ на участие индивидов в массовых акциях протеста/поддержки определенных политических взглядов, а также степени этого влияния в современном мире. На этот счет нет единого мнения. Важным является вопрос и о том, как трансформируется фрейм после появления в СМИ, а также скорость его распространения среди читателей/потребителей [6]. Исследования такого рода часто проводятся среди аудитории социальных сетей, например, для выявления протестного потенциала, распространения новостей, слухов. В связи с этим можно говорить о двух уровнях структуры фрейма: общественном и индивидуальном (сначала фреймы появляются в текстах, а потом – в сознании людей) [8].

Медиафреймы часто описываются как повседневная работа журналистов, заключающаяся в поиске и классификации информации для дальнейшего эффективного оформления и представления ее аудитории, которая формирует ежедневную реальность и является ее неотъемлемой частью. Таким образом, речь идет о связи между медиафреймами и индивидуальными фреймами конкретных людей, а именно о том, как медиафреймы влияют на понимание и восприятие тех или иных событий аудиторией. Индивидуальные фреймы Р. М. Энтман определяет как скопление идей на ментальном уровне, которые направляют индивидов в процессе анализа получаемой информации в нужное русло [10, р. 56]. Следовательно, названные типы фреймов могут быть изучены в качестве как зависимых, так и независимых переменных.

С практической и методологической позиции интересно эмпирическое применение метода медиафрейминга на примере конкретной ситуации. На данный момент в академической литературе классифицировано несколько разных методологических подходов к исследованию медиафреймов (при этом следует понимать, что они не являются взаимоисключающими) [3].

Герменевтический подход заключается в выявлении фреймов посредством объяснительного подхода, который позволяет связать фреймы с понятиями более широкого культурного контекста. Этот подход вытекает из парадигмы качественных исследований, а сами исследования основаны на небольших выборках, которые отражают дискурс или событие. Фреймы обычно подвергаются глубинному контент-анализу, а количественные данные при этом не используются. В качестве примера можно привести методологически выверенное и грамотное исследование, посвященное медиапрезентации молодых людей, отправляющихся из Нидерландов и Фландрии на войну в Сирию [11]. Основанием послужило пилотажное наблюдение, которое позволило выделить пять фреймов в соответствии с характеристикой молодых людей: террорист, мученик, жертва, путешественник, Дон Кихот. В работе представлена таблица, в которой указаны причины, последствия и отличительные черты таких мнений. Исследователи различают индуктивный (от имеющейся информации к формированию образа фрейма) и дедуктивный (от общего представления фрейма к его потенциальным последствиям) подходы к исследованию фреймов. В дальнейшем фреймы разнесены по разным, популярным и серьезным, типам СМИ. В материалах исследования видно, что террорист чаще появляется в популярных СМИ, вероятно, с целью создания напряжения в обществе и интереса к материалу. В целом во всех СМИ террорист является наиболее популярным фреймом. Исследователи также распределили фреймы в соответствии не только с типами газет, но и с действующими лицами, которые отдавали предпочтение этой точке зрения. Так, например, родители юношей и девушек чаще всего используют фрейм «жертва», исламские организации – «мученик», государственные органы – «террорист». Каждый фрейм, исходя из его классификации, подразумевает логическое продолжение в действиях по отношению к конкретному индивиду – лишить свободы, пожалеть, полечить, вознести, поучить. Таким образом, материалы СМИ, касающиеся конкретной проблемы, не только классифицируют объекты реальности, но и составляют некоторую программу дальнейших шагов по социальному взаимодействию.

Лингвистический подход (контент-анализ) заключается в определении фреймов посредством анализа специфики выбора, местоположения и струк-

туры лексем и предложений в тексте или параграфе. Как правило, единицей анализа выступает не статья, а абзац. Основной идеей является то, что определенные лексемы формируют блоки фреймов [8]. Для проведения таких исследований текстовых материалов часто используется метод контент-анализа: выясняется стилистическая и смысловая направленность текстов, согласно которой их можно разнести по фреймам. Следует понимать, что информация может поступать к реципиенту также в виде изображений, аудио- и видеоматериалов. В таких случаях можно говорить о контент-анализе аудиовизуальных материалов. В качестве примера можно привести маркетинговое исследование, которое содержало в себе анализ рекламы презервативов на четырех континентах [12]. Фреймы были выделены исследователями заранее: предотвращение нежелательной беременности, защита от ВИЧ/СПИД, усиление удовольствия. Отнесение конкретных единиц анализа к определенному фрейму происходило посредством ручного отбора. В этом случае медиафрейминг служил целям классификации материала для определения культурной направленности контента и, насколько это возможно, анализа целевой группы продукта.

Метод ручного выбора фреймов подразумевает, что фреймы изначально сгенерированы посредством количественного анализа некоторых новостных текстов, а затем закодированы при помощи холистических переменных в процессе контент-анализа [8]. Примером может служить исследование медиапрезентации движения в израильских СМИ за легализацию использования марихуаны в медицинских целях [13]. Данное исследование имеет как теоретический, так и практический аспект. В теоретическом плане исследователи затронули ранее упомянутый вопрос о степени влияния аудитории на публичное информационное пространство. Отмечается, что медиафрейминг чаще всего выступает в качестве инструмента, который используют группы влияния в целях внедрения необходимого мнения. Однако в исследовании авто-

ры использовали понятия «элитные» и «не-элитные» фреймы. Первые относятся к мнениям, которые могут быть кем-то использованы (речь о группах влияния), а вторые представляют собой мнения частных лиц и масс. Исследователи выделили четыре фрейма: три «элитных» (медицинский – польза от употребления, необходимость для определенных групп больных; криминальный – возможное усиление нелегальной торговли; властный – необходимость баланса в обществе, поддержки фармацевтики, лечения, но и необходимость контроля) и один «не-элитный» (мнение пациентов). Исследование проводилось на основе ручного контент-анализа по предзаданным фреймам и заранее сформулированным специально обученными кодировщиками таблицам. Результаты были проверены математическими методами. Наиболее популярным оказался фрейм власти, за ним следовал фрейм пациентов, что говорит о том, что «не-элитный» фрейм не обязательно теряет значимость без поддержки, он может очень активно участвовать в диалоге. Таким образом, мы видим, что взаимодействие общественного и индивидуального уровней информации может быть исследовано методом медиафрейминга и, как показывают результаты приведенного исследования, фреймы могут иметь поддержку как «сверху», так и «снизу».

Можно сделать вывод о том, что метод фрейминга, основанный на преобразованной теории рамочного анализа, глубинно представляет собой просеивание сырого текстового, визуального или аудиовизуального материала (новостных публикаций СМИ в данном случае) через некоторое методологическое сито в целях определения наличия фрейма и степени его интенсивности. Сам метод медиафрейминга активно развивается и получает широкое применение в поле эмпирических исследований социального информационного взаимодействия, а также является хорошим инструментом для рассмотрения степени влияния СМИ на общественную жизнь.

Библиографические ссылки

1. Bateson G. Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology. New York : Ballantine Books, 1972.
2. Bryant J., Oliver M. B. Media Effects: Advances in Theory and Research. 3rd ed. Routledge : Taylor and Francis, 2008.
3. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта / пер. Р. Бумажной, Ю. Даниловой, А. Ковалёвой и др. М. : Институт социологии РАН, 2004.
4. Scheufele D. Framing as a theory of media effects // J. Commun. 1999. Vol. 49, issue 1. P. 103–122. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1999.tb02784.x.
5. Hamill R., Lodge M. Cognitive consequences of political sophistication // Political cognition / eds R. R. Lau, D. O. Hillsdale, 1996. P. 69–95.
6. McCombs M., Shaw D. L., Weaver D. Communication and democracy: Exploring the intellectual frontiers in agenda-setting theory. Mahwah : Erlbaum, 1997.
7. Gitlin T. The whole world is watching: Mass media in the making and unmaking of the new left. Berkeley : University of California Press, 1980.

8. Gamson W. A., Modigliani A. The changing culture of affirmative action // *Res. polit. social.* 1987. № 3. P. 137–177.
9. Popkin S. L. The reasoning voter, communication and persuasion in presidential campaigns. 2nd ed. Chicago : University of Chicago Press, 1994.
10. Entman R. M. Framing: Towards clarification of a fractured paradigm // *J. Commun.* 1993. № 43 (4). P. 51–58. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x.
11. Berbers A., Joris W., Boesman J. et al. The news framing of the «Syria fighters» in Flanders and the Netherlands: Victims or terrorists? // *Ethnicities.* 2015. № 16 (6). P. 798–818.
12. Jo-Yun L., Rodriguez L. Appeals, Sexual Images, Visual Metaphors and Themes: Differences in Condom Print Ads across Four Continents [Electronic resource] // *Online J. Commun. Media Technol.* 2015. Vol. 5, issue 3. P. 1–23. URL: <http://www.ojmt.net/articles/53/533.pdf> (date of access: 10.09.2017).
13. Lewis N., Broitman D., Sznitman S. R. Medical Cannabis: A Framing Analysis of Israeli Newspaper Coverage // *Sci. Commun.* 2015. Vol. 37, issue 6. P. 675–702. DOI: 10.1177/1075547015608507.

References

1. Bateson G. Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology. New York : Ballantine Books, 1972.
2. Bryant J., Oliver M. B. Media Effects: Advances in Theory and Research. 3rd ed. Routledge : Taylor and Francis, 2008.
3. Goffman I. Analysis of frames. Essay on the organization of experience. Moscow : Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences, 2004 (in Russ.).
4. Scheufele D. Framing as a theory of media effects. *J. Commun.* 1999. Vol. 49, issue 1. P. 103–122. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1999.tb02784.x
5. Hamill R., Lodge M. Cognitive consequences of political sophistication. In: R. R. Lau, D. O. Hillsdale (eds). *Political cognition*. Hillsdale, 1996. P. 69–95.
6. McCombs M., Shaw D. L., Weaver D. Communication and democracy: Exploring the intellectual frontiers in agenda-setting theory. Mahwah : Erlbaum, 1997.
7. Gitlin T. The whole world is watching: Mass media in the making and unmaking of the new left. Berkeley : University of California Press, 1980.
8. Gamson W. A., Modigliani A. The changing culture of affirmative action. *Res. polit. sociol.* 1987. No. 3. P. 137–177.
9. Popkin S. L. The reasoning voter, communication and persuasion in presidential campaigns. 2nd ed. Chicago : University of Chicago Press, 1994.
10. Entman R. M. Framing: Towards clarification of a fractured paradigm. *J. Commun.* 1993. No. 43 (4). P. 51–58. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x
11. Berbers A., Joris W., Boesman J. et al. The news framing of the «Syria fighters» in Flanders and the Netherlands: Victims or terrorists? *Ethnicities.* 2015. No. 16 (6). P. 798–818.
12. Jo-Yun L., Rodriguez L. Appeals, Sexual Images, Visual Metaphors and Themes: Differences in Condom Print Ads across Four Continents. *Online J. Commun. Media Technol.* 2015. Vol. 5, issue 3. P. 1–23. URL: <http://www.ojmt.net/articles/53/533.pdf> (date of access: 10.09.2017).
13. Lewis N., Broitman D., Sznitman S. R. Medical Cannabis: A Framing Analysis of Israeli Newspaper Coverage. *Sci. Commun.* 2015. Vol. 37, issue 6. P. 675–702. DOI: 10.1177/1075547015608507.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2017.
Received by editorial board 18.09.2017.

УДК 316.647

АТТИТЮДЫ ИНДИВИДОВ С ХРОНИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ В ОТНОШЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИНГРУППЫ И АУТГРУППЫ ЗДОРОВЫХ ЛЮДЕЙ

Ю. С. СМЕРНОВА¹⁾, Ю. В. ЗАЙЦЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Раскрываются особенности социальной категоризации по признаку состояния здоровья человека, рассматриваются такие ее негативные последствия, как предубеждения, стигматизация и дискриминация. Обосновывается важность изучения отношения стигматизируемого меньшинства к членам ингруппы и аутгруппы. Излагаются результаты эмпирического исследования аттитюдов в отношении здоровых индивидов и людей с хроническими заболеваниями, описаны их структура и содержание, а также различия в зависимости от степени очевидности, тяжести и социальной значимости болезни для человека. Анализируется атрибутивное измерение в структуре аттитюдов в отношении здоровых и хронически больных людей. Результаты исследования обсуждаются с точки зрения эффектов межгрупповой дифференциации.

Ключевые слова: аттитюд; предубеждение; стигма хронического заболевания; социальная категоризация; межгрупповая дифференциация.

Образец цитирования:

Смирнова Ю. С., Зайцева Ю. В. Аттитюды индивидов с хроническими заболеваниями в отношении представителей ингруппы и аутгруппы здоровых людей // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 1. С. 83–91.

For citation:

Smirnova Y. S., Zaitseva Y. V. Attitudes of individuals with chronic diseases towards members of ingroup and outgroup of healthy people. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 1. P. 83–91 (in Russ.).

Авторы:

Юлия Сергеевна Смирнова – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Юлия Владимировна Зайцева – магистрант кафедры психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – Ю. С. Смирнова.

Authors:

Yuliya S. Smirnova, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.

smiry@bsu.by

Yuliya V. Zaitseva, master's degree student at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.

juliannazaitseva@gmail.com

ATTITUDES OF INDIVIDUALS WITH CHRONIC DISEASES TOWARDS MEMBERS OF INGROUP AND OUTGROUP OF HEALTHY PEOPLE

Y. S. SMIRNOVA^a, Y. V. ZAITSEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: Y. S. Smirnova (smiry@bsu.by)

The process of social categorization on the basis of health status and its negative consequences (prejudice, stigmatization, discrimination) are considered in the article. The importance of studying of stigmatized minority's attitudes towards members of ingroup and outgroup is argued. The results of empirical research of attitudes towards healthy people and people with chronic diseases are presented. The attitudes' structure and content as well as the differences depending on the degree of obviousness, heaviness and social significance of the disease for the individual are described. The attributive dimension in the structure of attitudes towards healthy and chronically ill people is considered. The results are discussed in the context of intergroup differentiation.

Key words: attitude; prejudice; stigma of chronic disease; social categorization; intergroup differentiation.

Социально-психологические исследования межгрупповых отношений фиксируют свое внимание на изучении различных форм проявления межгрупповой дифференциации, включая ингрупповой фаворитизм и аутгрупповую дискриминацию. Актуальность таких исследований высока, поскольку межгрупповые отношения, наблюдаемые в самых разных областях социальной жизни, далеко не всегда принимают конструктивные формы сотрудничества. Зачастую они сопряжены с такими негативными проявлениями, как конфликты, враждебность, предубеждения и предрассудки, дискриминация, диффамация, стигматизация, социальная изоляция. Не случайно проблемам этноцентризма, расизма, сексизма, эйджизма посвящено множество исследований. Не стала исключением и сфера взаимодействия людей, различающихся статусом своего здоровья. Нарушения здоровья и болезни могут лежать в основе разнообразных предубеждений по отношению к их обладателям. Как правило, они сопряжены с оценкой человека как неполноценного, ограниченного, опасного, безответственного или даже порочного. Исследований по данной теме также немало. В основном они сфокусированы на отношении здорового большинства к людям, имеющим те или иные заболевания (ВИЧ/СПИД, туберкулез, гепатит, онкологические болезни, психические нарушения и др.). Несколько реже предметом анализа становятся аутопредубеждения заболевших людей и проявления самостигматизации.

Результаты подобных исследований отражают ухудшение отношения окружающих к заболевшему человеку, который оказался в тяжелой ситуации и в этот момент как никогда нуждается в эмоциональной поддержке близких людей. Вместо этого человек сталкивается с отчуждением, чувствует се-

бя изгоем, изолированным от общества [1; 2]. Так, исследование больных с фиброзно-кавернозным туберкулезом легких продемонстрировало, что их контакты с другими людьми, в том числе с родственниками, прекращаются. Окружающие даже не пытаются скрыть страха перед ними, а больные считают свою болезнь не столько инфекцией, сколько «социальным страданием» [1, с. 133]. Ответом на вынужденную социальную изоляцию могут стать агрессия, желание «отомстить» обществу за свои страдания в связи с болезнью, а также несоблюдение правил личной гигиены из-за усталости, возникшей по причине длительного лечения [1, с. 134]. Нередко люди стремятся скрыть свое заболевание, поздно обращаются к врачу, что приводит к развитию осложнений. И это справедливо для очень разных по характеру и происхождению нарушений здоровья. Например, рассматривая социально-психологические проблемы онкологических заболеваний, В. А. Чулкова и Е. В. Пестерева отмечают среди них стигматизацию больных, их социальную изоляцию, в основе которых может лежать боязнь окружающих «заразиться» негативными чувствами больного, а также неосознаваемый страх соприкоснуться с переживанием смерти [2, с. 121]. На уровне обыденного сознания рак может восприниматься как болезнь, в которой человек виноват сам, как некое «наказание за грехи». Следствием этого могут стать переживаемые заболевшим человеком обида, раздражение, агрессия, чувства вины и стыда [2, с. 122].

Другими словами, стигматизация людей с тем или иным заболеванием может сопровождаться изменением отношения не только окружающих к больному, но и больного к самому себе и окружающим. К этому приводит еще и то, что в процессе социа-

лизации люди усваивают распространенные в обществе мифы и предрассудки о разных болезнях и, заболев сами, могут продолжать их разделять. И даже если заболевший человек отказывается от этих взглядов, он понимает, что окружающие будут по-прежнему придерживаться их, считая его неполноценным или опасным. Меняется ли после постановки диагноза отношение человека к самому себе, больным и здоровым людям? В настоящей работе обсуждаются результаты эмпирического исследования аттитудов людей с хроническими заболеваниями в отношении здоровых людей и представителей ингруппы. Выбор хронических заболеваний не случаен. Они могут сопровождать человека всю жизнь, и стигма как «вторая болезнь» [3] становится устойчивым атрибутом и постоянным социальным «симптомом», усугубляющим страдания больного. Заметим, что среди типичных последствий аутгрупповой дискриминации для ее жертв ученые называют ухудшение психологического состояния, самочувствия и физического здоровья, проявления тревоги и депрессии, ожидание отвержения, отказ от общения с представителями аутгруппы и др. [4, с. 301–313]. Кроме того, наивная житейская категоризация заболевания как хронического способна актуализировать представления о существенных и стойких психологических изменениях личности человека вследствие болезни, повысить устойчивость аттитудов в отношении болеющих людей, а также усилить потребность в каузальной атрибуции болезни контролируемыми факторами.

Для сбора данных были задействованы методика шкалирования, авторская анкета и опросник А. И. Сердюка для изучения самооценки социальной значимости болезни. В исследовании мы отказались от применения стандартных наборов шкал семантического дифференциала, которые навязывают образ оцениваемого объекта респондентам и не отражают в полной мере специфического содержания аттитудов в отношении него. В целях установления признаков, которые используются для характеристики людей в зависимости от статуса их здоровья, было проведено предварительное исследование с участием 18 респондентов, 11 из которых имеют хронические заболевания. Им предлагалось описать человека, страдающего хроническим заболеванием, и здорового индивида. Выявленные признаки составили перечень шкал методики, к которой мы обратились на следующем этапе для сбора основного массива данных. В исследовании на этом этапе приняли участие 101 человек в возрасте от 15 до 70 лет, из которых 57 опрошенных имеют хронические заболевания. При этом 75 респондентов – женского пола, 23 – мужского, 3 человека не указали свой пол. Участникам предлагалось оценить типичного человека с хроническим забо-

леванием, а также типичного здорового человека по 5-балльной системе с помощью 42 биполярных шкал. Такая процедура позволяет зафиксировать содержание социального прототипа, на базе которого осуществляется категоризация здоровых и хронически больных людей.

Поскольку хронические заболевания могут быть очень разными по своему происхождению и симптомам, перед нами встал вопрос о выборе оснований для их дифференциации. Мы отказались от идеи использования медицинских типологий и классификаций болезней. Стигматизация людей с теми или иными заболеваниями приобретает различный характер в зависимости от того, насколько стигма является заметной, а ее наличие – очевидным для окружающих. Люди стремятся скрыть, если это возможно, стигматизирующий атрибут, чтобы избежать негативной реакции общества. Поэтому за основу внутрикатегориальной дифференциации хронических заболеваний был взят такой признак, как очевидность для окружающих, условно разделенный на три степени:

- низкую (хроническое заболевание не проявляет себя ни во внешности, ни в поведении человека, не приводит к заметным ограничениям его активности. Другим людям может стать известно о таком заболевании, только если сам болеющий расскажет о нем);
- среднюю (хроническое заболевание является очевидным для людей, с которыми болеющий постоянно взаимодействует, при этом посторонние люди не смогут отличить его от здорового человека. Такое заболевание вызывает изменения в определенной сфере жизни человека, например вынуждает соблюдать диету или ограничивать себя в каких-либо видах активности, что может оказаться заметным для постоянного круга общения, но не для посторонних);
- высокую (о хроническом заболевании может догадаться любой, даже встреченный впервые человек. Такие заболевания часто сопровождаются заметными внешними проявлениями).

Типичных представителей трех указанных социальных категорий, выделенных по степени очевидности для окружающих наличия хронического заболевания, также необходимо было оценить с помощью описанной выше методики шкалирования. В свою очередь, респонденты, имеющие хронические заболевания, были разделены на три группы в зависимости от того, как они субъективно оценивают степень очевидности своего заболевания: к первой отнесли себя 39 опрошенных, ко второй – 13, к третьей – 5 респондентов.

В качестве вспомогательного метода для обработки ответов на открытые вопросы анкеты применялся контент-анализ. Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью частотного, кор-

реляционного и факторного анализа, для установления различий были использованы *U*-критерий Манна – Уитни и *H*-критерий Краскела – Уоллиса.

Для определения структуры аттитудов в отношении здоровых людей собранные с помощью методики шкалирования данные были статистически обработаны путем факторного анализа, выполненного методом главных компонент с варимакс-вращением. Были выделены четыре фактора, суммарно объясняющих 50,308 % дисперсии.

Фактор 1 (объясняет 17,227 % дисперсии) составили шкалы, позволяющие оценить эмоциональное благополучие человека, степень полноты его жизни и социальных контактов: «спокойный – тревожный» (0,744); «напряженный – ненапряженный» (–0,709); «веселый – грустный» (0,690); «ограничивает себя – ни в чем себя не ограничивает» (–0,663); «легко находит свое место в обществе – с трудом находит свое место в обществе» (0,655); «гармоничный – дисгармоничный» (0,640); «общительный – необщительный» (0,626); «одинокий – неодинокий» (–0,547); «недовольный жизнью – довольный жизнью» (–0,542); «ранимый – неранимый» (–0,535); «активный – пассивный» (0,539); «живет полной жизнью – живет неполной жизнью» (0,518).

Фактор 2 (объясняет 13,781 % дисперсии) представлен характеристиками, отражающими «правильность» образа жизни человека и соответствие его поведения нормам морали и нравственности: «ответственный – безответственный» (0,767); «держит все под контролем – теряет контроль» (0,693); «сочувствующий – несочувствующий» (0,673); «ведет здоровый образ жизни – не ведет здоровый образ жизни» (0,638); «осторожный – неосторожный» (0,621); «ленивый – трудолюбивый» (–0,568); «беспокоится о своем здоровье – не беспокоится о своем здоровье» (0,550); «развивается – не развивается» (0,545); «целеустремленный – нецелеустремленный» (0,544); «злой – добрый» (–0,540); «самостоятельный – несамостоятельный» (0,509). Высокие оценки здоровых людей по данному фактору могут отражать представление о том, что хорошее состояние здоровья есть следствие «правильного» образа жизни и ответственного к ней отношения. Аттитуды, содержащие низкие оценки здоровых людей по данному фактору, могут формироваться под влиянием представлений о том, что человеку не свойственно заботиться о здоровье, которого у него и без того достаточно, у него нет необходимости вести какой-то особый, «правильный», образ жизни. Данный фактор содержит атрибутивное измерение, отражающее представление о роли контроля над происходящим для здорового человека.

Фактор 3 (объясняет 12,338 % дисперсии) образован характеристиками, формирующими образ

человека как физически и морально слабого и беспомощного или, наоборот, сильного и независимого: «зависимый – свободный» (0,776); «беспомощный – небеспомощный» (0,652); «обреченный – необреченный» (0,562); «активный – пассивный» (–0,554); «молчаливый – разговорчивый» (0,553); «живет полной жизнью – живет неполной жизнью» (–0,545); «работоспособный – быстро утомляется» (–0,535). Негативный образ морально слабого и беспомощного человека может отражать стереотипные представления о здоровых людях, которые не знали по-настоящему серьезных жизненных испытаний и не прошли «закалку болезнью». Напротив, портрет здорового индивида как сильного, независимого и активного может отражать представления о полноценности человека, чье здоровье не нарушено.

Фактор 4 (объясняет 6,962 % дисперсии) включает в себя следующие шкалы: «сосредоточен на себе – не сосредоточен на себе» (0,719); «заносчивый – скромный» (0,653); «непредсказуемый – предсказуемый» (0,521); «капризный – некапризный» (0,518). Содержание данного фактора позволяет сформировать образ человека, обладающего моральными качествами, которые вызывают осуждение или, напротив, являются социально желательными. Высокие оценки могут отражать предвзятые представления об эгоизме здоровых людей, которые избалованы «здоровой жизнью».

Таким образом, содержание аттитудов в отношении здоровых людей структурировано следующими значимыми измерениями: «эмоциональное благополучие», «ответственность», «беспомощность», «самолюбие и неустойчивость». Разброс оценок, даваемых по указанным факторам здоровым людям, свидетельствует о дифференциации в представлениях о них. Связана ли она со статусом здоровья человека? Чтобы ответить на этот вопрос, были сопоставлены образы здорового человека в восприятии людей, имеющих хроническое заболевание и не имеющих такового. Статистически значимых различий не обнаружено. Сравнение с учетом степени очевидности хронического заболевания респондента позволило выявить статистически значимые различия в оценках здоровых людей по фактору «самолюбие и неустойчивость» ($p = 0,031$). Индивиды с хроническим заболеванием низкой степени очевидности для окружающих ниже оценивают выраженность у здоровых таких характеристик, как сосредоточенность на себе, заносчивость, непредсказуемость и капризность, в сравнении с людьми, хроническое заболевание которых более заметно для других ($p = 0,045$), а также с теми, у кого хроническое заболевание отсутствует ($p = 0,028$). Обнаруженный в образе здоровых людей, разделяемом респондентами с малозаметными хроническими заболеваниями, аутистической

фаворитизм может быть связан с особенностями процессов категоризации и самокатегоризации: нечеткость границы между ингруппой и аутгруппой здоровых людей позволяет примерить позитивный образ последних на себя и ингруппу. Вместе с тем следует признать, что в целом дифференциация аттитюдов в отношении здоровых людей слабо связана со статусом здоровья разделяющих их субъектов.

Аналогичным образом по результатам факторного анализа определена структура аттитюдов в отношении людей с хроническими заболеваниями. Было выделено четыре фактора, суммарно объясняющих 45,216 % дисперсии.

Фактор 1 (объясняет 19,669 % дисперсии) образован шкалами, отражающими степень благополучия (эмоционального, физического, социального) болеющего человека: «легко находит свое место в обществе – с трудом находит свое место в обществе» (0,762); «веселый – грустный» (0,730); «с высокой самооценкой – с низкой самооценкой» (0,695); «гармоничный – дисгармоничный» (0,678); «социально активный – социально неактивный» (0,663); «недовольный жизнью – довольный жизнью» (–0,659); «общительный – необщительный» (0,647); «работоспособный – быстро утомляется» (0,619); «живет полной жизнью – живет неполной жизнью» (0,586); «напряженный – ненапряженный» (–0,585); «спокойный – тревожный» (0,576); «развивается – не развивается» (0,558); «способный адаптироваться – не способный адаптироваться» (0,544); «зависимый – свободный» (–0,537); «одинокий – неодинокий» (–0,534); «целеустремленный – нецелеустремленный» (0,531). Содержание этого фактора схоже с содержанием фактора 1, выделенного по результатам анализа оценок, даваемых здоровым людям, но при этом спектр характеристик, отражающих благополучие или неблагополучие человека, гораздо шире.

Фактор 2 (объясняет 9,395 % дисперсии) представлен следующими признаками: «капризный – некапризный» (0,688); «жалуется – не жалуется» (0,655); «эмоционально неустойчивый – эмоционально устойчивый» (0,556); «ленивый – трудолюбивый» (0,537). Высокие оценки по данному фактору могут отражать стереотипные представления об испорченном характере больных людей, которые становятся капризными, ленивыми и, вместо того чтобы как-то пытаться исправить свое положение, жалуются на жизнь и судьбу, играя на чувствах близких.

Фактор 3 (объясняет 8,858 % дисперсии) содержательно представлен следующими характеристиками: «беспокоится о своем здоровье – не беспокоится о своем здоровье» (0,659); «держит все под контролем – не держит все под контролем» (0,620);

«сочувствующий – несочувствующий» (0,568); «безразличный – небезразличный» (–0,563); «ведет здоровый образ жизни – не ведет здоровый образ жизни» (0,517). Данный фактор совмещает в себе два класса признаков, отражающих понимание респондентами значимости чувства контроля для болеющего человека, а также оценку его способности к сопереживанию. Такое сочетание атрибутивного и эмпатического измерений, структурирующих восприятие людей с хроническими заболеваниями, может говорить об устоявшихся представлениях, согласно которым человек, столкнувшийся с болезнью, вынужден контролировать свой образ жизни, он обеспокоен собственным состоянием, вследствие чего способность понимать проблемы других людей у него повышается. Если по предыдущему фактору высокие оценки отражают предубеждения об испорченном характере больных людей, то по данному фактору они фиксируют, напротив, улучшение характера.

Фактор 4 (объясняет 7,294 % дисперсии) образован следующими шкалами: «осторожный – неосторожный» (0,690); «переживает депрессию – не переживает депрессию» (0,593); «активный – пассивный» (–0,555); «обреченный – необреченный» (0,530). Данный фактор указывает на значимость для формирования представлений о категории людей с хроническими нарушениями здоровья оценки степени их угнетенности заболеванием.

Таким образом, содержание аттитюдов в отношении людей с хроническими заболеваниями структурировано следующими значимыми измерениями: «эмоциональное и физическое благополучие», «испорченный характер», «беспокойство о собственном здоровье и сочувствие окружающим», «угнетенность заболеванием». Разброс оценок, даваемых по указанным факторам людям с хроническими заболеваниями, свидетельствует о дифференциации в представлениях о них. Были сопоставлены образы хронически больного человека в восприятии людей, имеющих подобное заболевание, и тех, у которых оно отсутствует. Статистически значимых различий не обнаружено. Сравнение с учетом степени очевидности хронического заболевания респондента позволило выявить статистически значимые различия в оценках по факторам «эмоциональное и физическое благополучие» и «беспокойство о собственном здоровье и сочувствие окружающим» ($p \leq 0,013$): люди с заболеваниями средней степени очевидности по сравнению со здоровыми индивидами и людьми с малоочевидными заболеваниями выше оценивают представителей ингруппы по соответствующим качествам, что может быть проявлением ингруппового фаворитизма. Образы хронически больного человека в восприятии людей, не имею-

щих хронических заболеваний, и людей с заболеваниями, незаметными для окружающих, схожи, что может быть связано с особенностями социальной категоризации последних, приводящей к «разотождествлению» ими себя с категорией хронически больных людей и стиранию границы с группой здоровых.

Полученные данные позволили также провести дифференциацию представлений о хронически больном человеке в зависимости от степени очевидности его заболевания для окружающих. Выявленные различия ($p \leq 0,023$) указывают на вполне определенную общую тенденцию: чем очевиднее для окружающих хроническое заболевание человека, тем ниже оцениваются его эмоциональное и физическое благополучие, склонность заботиться о своем здоровье и выражать сочувствие окружающим и тем выше оценивается его угнетенность заболеванием. Вероятно, степень очевидности заболевания рассматривается людьми как показатель его тяжести. Таким образом, чем заметнее заболевание, тем в большей степени подчеркиваются различия между категориями здоровых и больных людей в пользу первых, образ которых окрашен гораздо позитивнее. Дифференциация представлений о здоровых индивидах и индивидах с малозаметными заболеваниями выражена слабо.

Результаты анкетирования позволили также сделать вывод о существовании в отношении хронически больных людей предубеждений о том, что они часто «ходят на больничные» (39,60 %), имеют низкую работоспособность (30,69 %), могут быть «заразными» (и поэтому общение с ними опасно для здоровья окружающих) (13,86 %), уделяют много внимания собственному здоровью и постоянно на него жалуются (7,92 %), напоминают другим об их собственных проблемах со здоровьем, о которых не хочется думать (7,92 %). Нередко люди просто не знают, как «правильно» общаться с болеющим человеком, чтобы не обидеть его, боятся не справиться, если ему понадобится помощь, стремятся уйти от ответственности (5,94 %). Как следствие, окружающие могут избегать общения с людьми, имеющими хронические заболевания, исключать их из многих сфер социальной активности, что может привести к проявлениям стигматизации, социальной изоляции и дискриминации.

Соотнесение описанных факторных пространств, структурирующих представления о здоровых и хронически больных людях, обнаруживает как их некоторое сходство, так и существенные различия. Самое заметное сходство заключается в значимости оценки благополучия (в первую очередь эмоционального) субъекта в случае его категоризации по признакам здоровья и наличия или отсутствия хронической болезни. Еще одна общая черта об-

наруживается в значимости атрибутивного измерения, указывающего на роль контроля своего образа жизни для поддержания здоровья. Причем «правильность» образа жизни сопряжена с оценкой способности человека (и здорового, и больного) к сочувствию, а также с отсутствием безразличия и добротой. Однако следует признать, что роль такого контроля в жизни здорового и болеющего человека и его связь с эмпатией определяются по-разному. Это нашло отражение в специфическом содержании соответствующих факторов. В первом случае эти качества наряду с другими формируют общий позитивный образ «правильного» здорового человека, во втором – фиксируют актуальность проблем со здоровьем для больного человека, которые положительно сказываются на эмпатичности его характера. В этом контексте интерес представляет распространенная на уровне обыденного сознания вера в справедливый мир, в котором человек заслуживает то, что имеет (здоровье можно заслужить «правильным» образом жизни; если же его нарушать, то можно заболеть, а если начать исправлять – можно улучшить здоровье). Люди, заболевания которых в высокой степени очевидны для окружающих, оцениваются как не заботящиеся о своем здоровье. Вероятно, на уровне обыденного сознания распространены убеждения о том, что тяжело болеют и не могут выздороветь именно те, кто не заботится о своем здоровье. Выделение атрибутивного измерения по результатам факторного анализа было вполне ожидаемым. Оно является значимым элементом в структуре предубеждений, определяя степень вины и ответственности субъекта за его благополучие или неблагополучие (физическое, психическое, материальное, социальное и т. д.). Это было неоднократно продемонстрировано в многочисленных исследованиях социальных стереотипов, предубеждений, дискриминации и стигматизации [4–6]. Так, желание оказать помощь чаще появляется в том случае, если человек верит в неконтролируемость причины возникновения заболевания (наследственность или вред, по неосторожности причиненный другими людьми), и реже, если в основе заболевания, по мнению воспринимающего субъекта, лежат контролируемые факторы (вредные привычки, неаккуратное поведение, распущенность и т. д.), а ответственность за возникновение и разрешение проблем при этом приписывается самому социальному меньшинству [4, с. 316].

Интересно также, что восприятие здоровых и хронически больных людей сопряжено с оценкой их характера, а также возможных позитивных и негативных изменений в нем по причине болезни или в силу ее отсутствия. Так, болезнь может испортить характер или, напротив, закалить его,

сделать человека более сильным и чутким к чужим проблемам. Аналогичным образом здоровый человек может восприниматься как живущий полной жизнью, активный, целеустремленный, сильный. Однако вероятно и формирование непривлекательного портрета здорового человека как заносчивого, избалованного жизнью, не знавшего серьезных испытаний и, как следствие, беспомощного перед лицом жизненных трудностей. Эти выводы согласуются с ответами респондентов на вопрос о том, какие положительные качества могут сформироваться у человека вследствие хронического заболевания и будут отличать его от здоровых людей. Среди таких качеств респонденты, имеющие хроническое заболевание, отмечали сочувствие, понимание и отзывчивость, заботу о других людях (49,50 %), внимательность к себе, заботу о своем здоровье (19,35 %), упорство и целеустремленность (6,51 %), ответственность и дисциплинированность (5,58 %), любовь к жизни и оптимизм (5,58 %), умение справляться со стрессовыми ситуациями (2,79 %), силу и выносливость (1,86 %), самостоятельность (1,86 %), спокойствие и уравновешенность (1,86 %), скромность и тактичность (1,07 %). Эти же качества представлены в ответах респондентов, не имеющих хронических заболеваний, но с заметно меньшей частотой: сочувствие, понимание и отзывчивость, забота о других людях (20,88 %), внимательность к себе, забота о своем здоровье (6,48 %) и др. Вопрос был сформулирован с целью выявить предубеждения по отношению к здоровым людям, у которых, в отличие от больных, недостаточно выражены или даже отсутствуют отдельные важные позитивные качества: здоровых людей могут считать менее способными к сочувствию, невнимательными к другим людям, не ценящими свое здоровье и жизнь, безответственными, недостаточно дисциплинированными, упорными и целеустремленными и т. д. Причем такие аттитюды более распространены среди людей, столкнувшихся с проблемой хронических заболеваний, нежели среди здоровых людей, что может быть проявлением ингруппового фаворитизма и аутгрупповых предубеждений.

Интерес представляет и анализ ответов на вопрос о причинах непонимания и проблем в отношениях между здоровыми и болеющими индивидами. Люди с хроническими заболеваниями указывают в первую очередь на отсутствие сочувствия со стороны здоровых (32,14 %), что согласуется с описанными ранее результатами. Респонденты, не имеющие хронических заболеваний, также упоминали об этой причине (15,56 %), но гораздо чаще отмечали в качестве таковой разные ценности, отношение к жизни, здоровью и болезни (26,67 %).

Негативные ожидания от взаимодействия с окружающими побуждают жертв аутгрупповой дискриминации использовать стратегии самопрезентации, позволяющие дистанцироваться от непривлекательной ингруппы [4, с. 312]. Одной из таких стратегий является сокрытие по возможности субъектом факта наличия у него серьезного заболевания. Так, 57,43 % респондентов рассказали бы о своем заболевании только родным и близким, а 11,89 % вообще никому не рассказывали бы. Причем предпочтение этой стратегии отдали не только респонденты, имеющие какое-либо хроническое заболевание, но и представители здорового большинства (они отвечали на вопрос о том, как поступили бы, если бы узнали, что заболели). Стремление скрыть заболевание и признание того, что это следует сделать в случае его появления, косвенным образом свидетельствуют об ожиданиях негативного изменения в отношении окружающих к человеку в связи с тем, что он заболел. Люди могут опасаться, что их начнут жалеть, будут считать неполноценными, опасными, «заразными», «испорченными», порочными и т. д. Сокрытие своего заболевания позволяет индивиду избежать подобных предубеждений и дискриминации со стороны окружающих, однако может привести к некоторым неприятным эффектам. В частности, человек, скрывающий свою социально нежелательную групповую принадлежность, вынужден постоянно контролировать собственное поведение, что усиливает осознание им его социальной идентичности и, в свою очередь, приводит к снижению самоофективности, ухудшению самочувствия, переживанию вины и стыда и др. [4, с. 312].

Респондентам, которые отметили наличие у себя хронического заболевания, было предложено оценить степень его тяжести. Так, 30 человек отнесли свое заболевание к группе легких, 21 – к группе заболеваний средней тяжести, 1 участник исследования – к группе тяжелых заболеваний. Оставшиеся 5 человек не указали степень тяжести своего заболевания. Мы сравнили оценки, которые они давали представителям ингруппы и аутгруппы. Респонденты с легкими заболеваниями оценивают эмоциональное благополучие здоровых людей ($p = 0,046$) и испорченность характера ($p = 0,019$) хронически больных людей выше, чем респонденты с хроническими заболеваниями средней тяжести. Это свидетельствует о тенденции к ингрупповому фаворитизму и аутгрупповой дискриминации у индивидов, оценивших степень тяжести своего заболевания как среднюю, и, напротив, тенденции к аутгрупповому фаворитизму и ингрупповой дискриминации у индивидов, оценивших степень тяжести своего заболевания как легкую. Возможно также, что межкатегориальные границы по при-

знаку «здоровье или наличие болезни» для людей с легкими заболеваниями являются размытыми, позволяющими категоризировать себя и здоровых людей в общую ингруппу, подчеркивая различия с аутгруппой людей, страдающих более тяжелыми заболеваниями.

Респонденты оценивали также степень социальной значимости своей болезни, высокие показатели которой свидетельствуют о признании и понимании человеком того, что болезнь существенно влияет на его социальный статус и общественную активность. Результаты корреляционного анализа продемонстрировали умеренную положительную статистически значимую взаимосвязь оценки степени социальной значимости своей болезни и оценок ответственности и способности к сопереживанию ($r = 0,353$; $p = 0,014$), а также самолюбия и заносчивости ($r = 0,357$; $p = 0,013$) здоровых людей. Такие результаты свидетельствуют об амбивалентности образа здорового человека в восприятии хронически больных людей, высоко оценивающих степень социальной значимости своей болезни. Чем существеннее болезнь влияет на социальную жизнь больного, тем выше он оценивает моральные качества здоровых людей, ведущих «правильный» образ жизни, но при этом в большей степени приписывает им такие характеристики, как сосредоточенность на себе и заносчивость. Подобные амбивалентные аттитуды, с одной стороны, подчеркивают важность «правильного» образа жизни для поддержания здоровья, с другой – позволяют отчасти объяснить серьезное негативное влияние болезни на социальный статус заносчивым поведением представителей аутгруппы здорового большинства.

Подводя итог обсуждению полученных результатов, отметим, что состояние здоровья индивида является важным основанием для социальной категоризации и межгрупповой дифференциации.

При этом категоризация человека как имеющего какое-либо заболевание сопряжена с рядом нежелательных социальных последствий для него, таких как социальная изоляция, стигматизация, предубеждения и дискриминация, которые ведут к дальнейшему ухудшению психологического состояния индивида, его самочувствия и физического здоровья. В свою очередь, определение заболевания как хронического повышает устойчивость указанных эффектов. Особый интерес исследования в данной области представляют в силу того, что многие заболевания, будучи приобретенными, меняют при своем появлении категориальную принадлежность субъекта. Это сказывается на процессах его социальной категоризации (включая самокатегоризацию), социальной идентификации, социального сравнения и межгрупповой дифференциации. Причем содержание этих процессов будет разным в зависимости от степени очевидности, тяжести и социальной значимости для человека его заболевания. Выявленные аттитуды хронически больных индивидов в отношении представителей ингруппы и аутгруппы позволили выдвинуть предположение о существовании следующей тенденции: чем более очевидным, тяжелым и социально значимым является хроническое заболевание, тем четче становятся границы между социальными категориями «здоровые» и «хронически больные» и выраженнее оказываются эффекты межгрупповой дифференциации. В случае легкого и/или малоочевидного хронического заболевания граница с категорией «здоровых» размыта, а дифференциация с «хронически больными», имеющими более тяжелые и/или очевидные заболевания, выражена. Возможным направлением дальнейших исследований в данной области может стать изучение межгрупповой дифференциации с учетом характера заболевания.

Библиографические ссылки

1. Сухова Е. В. Поведенческий ответ больных на «клеймо» туберкулеза // Соц. психология и о-во. 2015. Т. 6, № 1. С. 127–138.
2. Чулкова В. А., Пестерева Е. В. Социально-психологические аспекты онкологических заболеваний в современном обществе // Соц. психология и о-во. 2015. Т. 6, № 1. С. 117–126.
3. Финзен А. Психоз и стигма. М. : Алетейа, 2001.
4. Гулевич О. А. Психология межгрупповых отношений. М. : Московский психолого-социальный институт, 2008.
5. Смирнова Ю. С. Атрибуция ответственности в структуре предубеждений // Веснік БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2007. № 2. С. 65–70.
6. Crandall C. S., D'Anello S., Sakalli N., et al. An Attribution-Value Model of Prejudice: Anti-Fat Attitudes in Six Nations // Pers. Soc. Psychol. Bull. 2001. Vol. 27, № 1. P. 30–37.

References

1. Sukhova E. V. Behavioral response of tuberculosis patients to disease-associated stigma. *Soc. psychol. soc.* 2015. Vol. 6, No. 1. P. 127–138 (in Russ.).
2. Chulkova V. A., Pestereva E. V. Social psychological aspects of cancer in modern society. *Soc. psychol. soc.* 2015. Vol. 6, No. 1. P. 117–126 (in Russ.).
3. Finzen A. *Psikhoz i stigma*. Moscow : Aleteiya, 2001 (in Russ.).
4. Gulevich O. A. *Psikhologiya mezhrupkovykh otnoshenii*. Moscow : Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut, 2008 (in Russ.).
5. Smirnova Y. S. Attribution of responsibility in the structure of prejudices. *Vesnik BSU. Ser. 3, Hist. Philos. Psychol. Social. Econ. Law.* 2007. No. 2. P. 65–70 (in Russ.).
6. Crandall C. S., D'Anello S., Sakalli N., et al. An Attribution-Value Model of Prejudice: Anti-Fat Attitudes in Six Nations. *Pers. Soc. Psychol. Bull.* 2001. Vol. 27, No. 1. P. 30–37.

Статья поступила в редколлегию 29.06.2017.
Received by editorial board 29.06.2017.

УДК 316.462+316.647.6

ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ РЕАКЦИИ НА ПРОСЬБУ РУКОВОДИТЕЛЯ СОВЕРШИТЬ НЕЭТИЧНЫЙ ПОСТУПОК

Т. О. КУЛИНКОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Описывается понятие преступного подчинения (*crimes of obedience*), а также ситуативные и личностные особенности его проявления в поведении человека. В целях изучения свойств подобного поведения осуществлено исследование с участием 1078 человек. Использовались методики диагностики личностных качеств и авторский опросник «Стилевые поведенческие реакции личности на властное воздействие в служебных отношениях». Исследование показало, что в ситуации, когда руководитель просит подчиненного совершить неэтичный поступок, люди в основном испытывают выраженные негативные эмоции и чаще выбирают частичное подчинение. Мужчины в таких ситуациях чаще подчиняются, а женщины испытывают значительно более негативные эмоции и чаще выбирают частичное подчинение, уклонение и негативизм. Сделан вывод о том, что для лиц, склонных к подчинению, неэтичная просьба служит поводом для агрессии или уклонения. Индивиды с выраженным властно-лидирующим типом поведения, не склонные к подчинению в обычных обстоятельствах, оказываются более сговорчивыми в ситуации неэтичной просьбы.

Ключевые слова: подчинение авторитету; преступное подчинение; аморальные поступки; моральный выбор; власть; подчинение; служебные отношения.

BEHAVIOR'S REACTIONS TO THE REQUEST OF THE CHIEF TO PERFORM AN UNETHICAL ACTION

T. O. KULINKOVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article gives a general description of crimes of obedience, as well as situational and personal characteristics of its manifestation in human behavior. To find out the features of such behavior, a study was conducted involving 1078 people. Methods of diagnostics of personal qualities and author's questionnaire «Styles of behavior in a situation of the authorities for work relations» were used. The study showed that in a situation where a leader asks a subordinate to commit an unethical act, people, in general, experience pronounced negative emotions and often choose partial subordination. Men in such situations often obey, and women experience more negative emotions and most often choose partial submission, evasion and negativism. For persons prone to submission, an unethical request induce aggression or evasion. Individuals with a pronounced dominant-leading type of behavior, are not prone to subordination in ordinary situations, are more accommodating in a situation of unethical request.

Key words: obedience; crimes of obedience; power; moral choice; unethical actions; work relationships.

Образец цитирования:

Куликович Т. О. Поведенческие реакции на просьбу руководителя совершить неэтичный поступок // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 1. С. 92–97.

For citation:

Kulinkovich T. O. Behavior's reactions to the request of the chief to perform an unethical action. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 1. P. 92–97 (in Russ.).

Автор:

Тамара Олеговна Куликович – преподаватель кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Tamara O. Kulinkovich, lecturer at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.
t.kulinkovich@gmail.com

Введение

Исследования американского психолога С. Милгрэма в области подчинения авторитету легли в основу направления социальной психологии, связанного с изучением проблемы преступного подчинения (*crimes of obedience*) [1]. Под этим понятием подразумевают осознанное совершение преступлений (уголовных, экономических и др.) или аморальных поступков по причине безоговорочного подчинения авторитету.

Начав с изучения преступлений в военной среде [2], исследователи преступного подчинения со временем обратили свое внимание на сферу бизнеса и, в частности, финансовые злодеяния, совершаемые под давлением руководства [3–5], когда сотрудники десятилетиями покрывают незаконные действия своих руководителей и коллег и сами совершают аморальные и противоправные поступки, подчиняясь распоряжению вышестоящих лиц.

Вариации преступного подчинения в служебных отношениях

Западные ученые С. Хаслам и С. Райхер подвергли критике традиционное представление о преступном подчинении как действиях «аморальных автоматов». Их работы показали, что люди, совершая преступления под давлением власти, действуют обдуманно, изобретательно и с осознанием последствий. Согласно исследованиям такие люди не теряют своей индивидуальности, но ведут себя в соответствии с ценностями сообщества, к которому принадлежат [6]. В более поздних работах С. Хаслам с коллегами проанализировали оригинальные записи экспериментов С. Милгрэма и обнаружили, что поведение его участников (тех, кто играл роль «учителей» и наносил удары током «ученикам») напрямую зависело от того, с какой группой они себя идентифицировали: с экспериментатором и сообществом ученых или с «учеником» и обычными людьми. Исследователи сделали вывод о том, что эксперименты С. Милгрэма показывают не конформизм и подчинение авторитету, а силу лидерства, основанного на идентификации, и его способность завоевывать активных и преданных последователей [6; 7].

Хотя в большинстве исследований преступное подчинение изучается в целях предотвращения ситуаций преступного сговора и молчаливого согласия, также высказываются идеи об адаптивной функции преступного подчинения и лояльности

сотрудников, необходимой для успешной деятельности всей организации [8]. В частности, при описании противоправных или неэтичных поступков, совершенных ради успеха организации, используется понятие «неэтичное проорганизационное поведение» (*unethical pro-organizational behaviors, UPBs*). Несмотря на то что такие действия сотрудников не направлены на причинение ущерба организации, они могут опосредованно навредить ее репутации или повлечь за собой судебное преследование в отношении компании [9]. В американской правоохранительной системе подобные действия получили название «коррупции из благодарных причин» [10], примером которой может служить использование полицейским лжесвидетельств с целью осудить предполагаемого преступника [11].

Необходимо принять во внимание, что случаи преступного подчинения в медицинской практике или деятельности пилотов пассажирских самолетов могут привести к нанесению серьезного вреда здоровью и возникновению угрозы жизни других людей. Так, по мнению Е. Тарно [12], 20 % авиакатастроф можно было бы избежать, улучшив мониторинг и проверку приказов капитана его первым помощником, в том числе повышая критичность в отношении распоряжений капитана, находящегося в состоянии алкогольного опьянения.

Предпосылки преступного подчинения

Среди предпосылок преступного подчинения выделяются следующие [13]:

1) определенные представления о лидерстве, особенно о себе как способном к лидерству (лидерская самооэффективность), включая степень, в которой индивид сам желает быть лидером (мотивация лидерства), и степень, в которой индивид приписывает успех организации заслугам ее лидеров. В исследовании К. Т. Хинрикса было установлено, что люди, которые высоко оценивают лидеров и причисляют себя к «лидерскому материалу», более ответственными за принятие моральных решений и действия склонны считать лидеров, нежели рядовых сотрудников. В позиции подчиненных такие лица скорее совершат преступное под-

чинение посредством моральной невовлеченности и переноса ответственности за свое поведение на лидеров;

2) самомониторинг (лица с высоким уровнем самомониторинга постоянно отслеживают реакции окружения на свое поведение и будут более склонны к его изменению в сторону конформизма, нежели индивиды с низким уровнем самомониторинга, которым, в сущности, неважно, что о них скажут другие);

3) культурные различия (люди из коллективистских культур скорее будут подчиняться неэтичным приказам из-за большего давления, оказываемого обществом на неподчиняющегося индивида, нежели граждане индивидуалистических стран).

4) дистанция власти (культурное измерение, степень неравенства между людьми, которое население страны принимает как нормальное, – от относительно равного (малая дистанция власти) до экстремально неравного (большая дистанция власти)).

В социальной психологии обсуждаются профессии и социальные ситуации, в которых преступное

подчинение проявляется наиболее ярко. Между тем индивидуальные особенности поведения индивида в ситуации неэтичного распоряжения руководителя остаются малоизученными. Цель настоящего исследования – определить, в какой степени выбор поведения в ответ на неэтичное распоряжение руководителя зависит от индивидуальных свойств исполнителя.

Выборка и методы исследования

Выборку составили 1078 проживающих в Республике Беларусь человек со средним, среднеспециальным и высшим образованием, а также различным опытом профессиональной и руководящей деятельности. В исследовании приняли участие представители следующих социальных групп: 1) студенты; 2) рабочие и служащие (дифференциация внутри группы не проводилась); 3) военные; 4) руководители учреждений; 5) безработные; 6) пенсионеры. Распределение выборки по полу выглядит следующим образом: женщины – 702 (65,1 %); мужчины – 376 (34,9 %). Средний возраст испытуемых составлял 29,9 года (самому молодому из них – 15 лет, наиболее пожилому – 70 лет).

Для выявления личностных детерминант реактивного сопротивления использованы следующие методики:

- «Мотив власти»;
- «Макиавеллизм»;
- «Авторитарный стереотип»;
- «Диагностика самоотношений личности» (Т. Лири);
- отдельные шкалы 16-факторного личностного опросника Р. Кеттелла (фактор *E*: подчиненность – доминантность, фактор *Q1*: консерватизм – радикализм, фактор *Q2*: зависимость от группы – самостоятельность, фактор *Q3*: низкий самоконтроль – высокий самоконтроль).

В исследовании применялась авторская методика «Стилевые поведенческие реакции личности на властное воздействие в служебных отношениях», позволяющая выявить, какое поведение предпочитает человек, находясь в ситуации воздействия власти в служебных отношениях. Выделяются следующие типы поведения:

- *полное подчинение* – поведение в соответствии с требованием субъекта власти при прекращении совершаемой ранее деятельности;
- *полное неподчинение* – поведение в соответствии с имевшимися до властной ситуации мотивами, поведенческое игнорирование властного воздействия;

- *негативизм* – неподчинение с выражением агрессии или агрессивными действиями в направлении субъекта власти или его ресурсов при прекращении совершаемой ранее деятельности;

- *уклонение* – неподчинение при прекращении совершаемой ранее деятельности путем ухода из властной ситуации. При уклонении индивид использует истинные или вымышленные предлоги с целью избежать необходимости подчинения, что проявляется в фактическом отказе от актуальной деятельности;

- *гиперболизация* – сложение векторов «полное неподчинение» и «негативизм», намеренная, иногда демонстративная интенсификация выполнявшейся ранее деятельности, разновидность поведенческой агрессии;

- *компенсированное подчинение* – сложение векторов «полное подчинение» и «негативизм», сочетание подчинения и агрессии (недовольства) в отношении субъекта власти;

- *мнимое подчинение* – сложение векторов «полное неподчинение» и «уклонение», обманное изменение видимого поведения в соответствии с требованием власти при приостановлении совершаемой ранее деятельности. Индивид использует такой тип поведения для ситуативного снятия властного давления и перестает использовать его после прекращения призыва к совершению неэтичного поступка;

- *частичное подчинение* – сложение векторов «полное подчинение» и «уклонение», компромисс между совершаемой деятельностью и поведением в соответствии с требованиями субъекта власти.

Одна из субшкал методики направлена на оценку склонности к подчинению руководителю, высказавшему неэтичную просьбу. Субшкала методики моделирует ситуации, в которых руководитель просит подчиненного выполнить действие, связанное с ложью, искажением информации или превышением должностных полномочий. Эти действия не нарушают закон, но ущемляют интересы компании или ее отдельных сотрудников.

Результаты исследования

В случае, когда руководитель просит или отдает распоряжение о том, чтобы исполнитель совершил неэтичный поступок, диагностируется потенци-

альная готовность к преступному подчинению. В подобных ситуациях люди в основном склонны испытывать ярко выраженные отрицательные

эмоции. Наиболее частой реакцией на такие просьбы является частичное подчинение, в то время как полное неподчинение, полное подчинение и ком-

пенсированное подчинение используются почти с одинаковой частотой. Реже других наблюдаются мнимое подчинение и негативизм (см. таблицу).

Средние показатели эмоциональной реакции и выбора стиля поведения в ситуациях, провоцирующих неэтичное поведение

Average indicators of emotional reaction and choice of behavior in situations that provoke unethical behavior

Стиль поведения	Мужчины	Женщины	Среднее значение	Значимость различий (p)
Положительные эмоции	2,82	2,29	2,48	0,006
Отрицательные эмоции	10,56	12,91	12,08	0,0001
Полное подчинение	3,61	3,35	3,44	0,002
Частичное подчинение	4,21	4,46	4,37	0,003
Мнимое подчинение	3,01	2,93	2,95	0,154
Уклонение	2,99	3,19	3,12	0,002
Полное неподчинение	3,52	3,50	3,50	0,932
Гиперболизация	3,09	3,19	3,15	0,079
Негативизм	2,83	2,99	2,94	0,009
Компенсированное подчинение	3,39	3,44	3,42	0,434

В ситуациях, когда руководитель просит подчиненного совершить неэтичный поступок, в наибольшей мере проявились гендерные различия: женщины испытывают в них значимо более интенсивные отрицательные ($p = 0,006$) и значимо менее интенсивные положительные ($p = 0,0001$) эмоции. Мужчины значимо чаще женщин полностью подчиняются в таких обстоятельствах ($p = 0,002$), в то время как женщины чаще мужчин используют частичное подчинение ($p = 0,003$), уклонение ($p = 0,002$) и негативизм ($p = 0,009$). Следует отметить, что это единственные ситуации из изученных нами, в которых женщины гораздо чаще мужчин выбирают виды неподчинения.

Если проанализировать подобные ситуации с точки зрения конфликта актуальных потребностей индивида и квазипотребности подчинения, можно предположить, что в силу негативной оценки исполнителем неэтичной просьбы руководителя квазипотребность в подчинении будет обладать отрицательной валентностью, т. е. подталкивать исполнителя к неподчинению. Однако анализ показал, что в общей выборке вероятность предпочтения подчинения или неподчинения почти одинакова. Таким образом, стоит выяснить, при каких

обстоятельствах люди выбирают подчинение, а при каких – неподчинение неэтичной просьбе. Оказалось, что и в этом случае личностные особенности исполнителя определяют выбор поведения. Так, лица с *независимо-доминирующим* стилем больше других склонны к подчинению ($r = 0,135$; $p < 0,001$) и реже используют негативизм ($r = -0,128$; $p < 0,001$). В свою очередь, лица с *ответственно-великодушным* стилем чаще других выбирают не свойственные им уклонение ($r = 0,123$; $p < 0,001$), гиперболизацию ($r = 0,164$; $p < 0,001$) и негативизм ($r = 0,115$; $p < 0,001$); лица с *покорно-застенчивым* стилем прибегают к уклонению ($r = 0,147$; $p < 0,001$) и гиперболизации ($r = 0,121$; $p < 0,001$), наконец, лица с *сотрудничающе-конвенциональным* стилем в подобных ситуациях также с большей вероятностью используют гиперболизацию ($r = 0,104$; $p = 0,001$).

При неэтичности просьбы руководителя кардинально меняется поведение лиц с *недоверчиво-скептическим* стилем отношений, которые чаще выбирают полное подчинение ($r = 0,106$; $p = 0,001$), а также макиавеллистов и лиц с межличностным авторитаризмом, которые значительно реже используют в таких случаях негативизм ($r = -0,279$; $p = 0,003$ и $r = -0,237$; $p = 0,013$ соответственно при $n = 117$).

Обсуждение результатов исследования

Таким образом, неэтичная просьба руководителя нередко меняет свойственное личности поведение в ситуации воздействия власти на противоположное. Для лиц, склонных к подчинению, неэтичная просьба служит поводом к агрессии или

уклонению. В то же время индивиды с выраженным властно-лидирующим типом поведения, не склонные к подчинению в обычных обстоятельствах, оказываются более сговорчивыми в случае неэтичной просьбы. Возможно, подобные ситуа-

ции позволяют им увидеть руководителя в роли сообщника или идентифицировать себя с ним, что снимает необходимость защиты личной автономности и ведет к подчинению.

Эти данные согласуются с результатами исследования преступного подчинения, в котором было показано, что к подчинению неэтичным или противозаконным распоряжениям руководителя более

склонны люди, ощущающие себя лидерами и высоко оценивающие лидерство как таковое [12]. Кроме того, результаты исследования поддерживают данные экспериментов Л. Сон Хинг и ее соавторов, которые установили, что высокие показатели по шкале авторитаризма у подчиненных индивидов значимо коррелировали с поддержкой неэтичных поступков руководителя [14].

Выводы

Исследование поведения в ситуации просьбы совершить неэтичный поступок в служебных отношениях позволило сделать следующие выводы:

- подчинение неэтичным распоряжениям или просьбам руководителя в служебных отношениях рассматривается в современной социальной психологии как преступное подчинение (*crimes of obedience*);
- среди причин преступного подчинения называются условия ситуации подчинения (зависимость исполнителя от руководителя), самомониторинг, культурные различия, дистанция власти, восприятие себя лидером и идентификация с руководителем;
- проведенное эмпирическое исследование выявило, что в ситуации просьбы совершить неэтичный поступок исполнители испытывают негатив-

ные эмоции и склонны выбирать частичное подчинение;

- женщины испытывают при этом значительно более интенсивные отрицательные и существенно менее интенсивные положительные эмоции. Мужчины гораздо чаще женщин полностью подчиняются, в то время как женщины чаще используют частичное подчинение, уклонение и негативизм;

- неэтичная просьба руководителя нередко меняет свойственное личности поведение на противоположное. Для лиц, склонных к подчинению, неэтичная просьба служит поводом к агрессии или уклонению. Между тем индивиды с выраженным властно-лидирующим типом поведения, не склонные к подчинению в обычных обстоятельствах, оказываются более стоворчивыми в ситуации неэтичной просьбы.

Библиографические ссылки

1. Burley P. M., McGuinness J. On crimes of obedience // Psychol. Rep. 1977. Vol. 40, № 3. Part 1. P. 767–770.
2. Minow M. What the Rule of Law Should Mean in Civics Education: From the «Following Orders» Defence to the Classroom // J. Moral Educ. 2006. Vol. 35, № 2. P. 137–162. DOI: 10.1016/j.leaqua.2004.05.007.
3. Beu D. S., Buckley M. R. This is war: How the politically astute achieve crimes of obedience through the use of moral disengagement // Leadersh. Q. 2004. Vol. 15. P. 551–568.
4. Tourish D., Vatcha N. Charismatic Leadership and Corporate Cultism at Enron: The Elimination of Dissent, the Promotion of Conformity and Organizational Collapse // Leadership. 2005. Vol. 1, issue 4. P. 455–480.
5. Smith N. C., Simpson S. S., Chun-Yao H. Why managers fail to do the right thing: an empirical study of unethical and illegal conduct // Bus. Ethics Q. 2007. Vol. 17, issue 4. P. 633–667.
6. Haslam S. A., Reicher S. D. Contesting the «Nature» of Conformity: What Milgram and Zimbardo's Studies Really Show // PLoS Biol. 2012. Vol. 10, № 11. e1001426. DOI: 10.1371/journal.pbio.1001426.
7. Reicher S. D., Haslam S. A., Smith J. R. Working Toward the Experimenter // Persp. Psychol. Sci. Vol. 7, issue 4. 2012. P. 315–324.
8. Caprio L. «How can we help independent directors to escape the «obedience bias?» Comments on: Randall Morck (2008) «Behavioral finance in corporate governance independent Directors, Non-Executive Chairs, and the importance of the Devil's Advocate» // J. Manag. Gov. 2008. Vol. 12. P. 201–204.
9. Umphress E. E., Bingham J. B., Mitchell M. S. Unethical behavior in the name of the company: The moderating effect of organizational identification and positive reciprocity beliefs on unethical pro-organizational behavior // J. Appl. Psychol. 2010. № 95, issue 4. P. 769–780.
10. Johnson T. A., Cox R. W. Police ethics: Organizational implications // Publ. Integr. 2004. № 7. P. 67–79.
11. Cunningham L. Taking on testilying: The prosecutor's response to in-court police deception // Crim. Justice Ethics. 1999. Vol. 18, issue 1. P. 26–37.
12. Tarnow E. Towards the zero accident goal: assisting the first officer monitor and challenge captain errors // J. Aviat./Aerosp. Educ. Res. 2000. Vol. 10, № 1. P. 29–38.
13. Hinrichs K. T. Follower Propensity to Commit Crimes of Obedience: The Role of Leadership Beliefs // J. Leadersh. Org. Stud. 2007. Vol. 14, issue 1. P. 69–76.
14. Son Hing L. S., Bobocel D. R., Zanna M. P., et al. Authoritarian Dynamics and Unethical Decision Making: High Social Dominance Orientation Leaders and High Right-Wing Authoritarianism Followers // J. Pers. Soc. Psychol. 2007. Vol. 92, issue 1. P. 67–81.

References

1. Burley P. M., McGuinness J. On crimes of obedience. *Psychol. Rep.* 1977. Vol. 40, No. 3. Part. 1. P. 767–770.
2. Minow M. What the Rule of Law Should Mean in Civics Education: From the «Following Orders» Defence to the Classroom. *J. Moral Educ.* 2006. Vol. 35, No. 2. P. 137–162. DOI: 10.1016/j.leaqua.2004.05.007.
3. Beu D. S., Buckley M. R. This is war: How the politically astute achieve crimes of obedience through the use of moral disengagement. *Leadersh. Q.* 2004. Vol. 15. P. 551–568.
4. Tourish D., Vatcha N. Charismatic Leadership and Corporate Cultism at Enron: The Elimination of Dissent, the Promotion of Conformity and Organizational Collapse. *Leadership.* 2005. Vol. 1, issue 4. P. 455–480.
5. Smith N. C., Simpson S. S., Chun-Yao H. Why managers fail to do the right thing: an empirical study of unethical and illegal conduct. *Bus. Ethics Q.* 2007. Vol. 17, issue 4. P. 633–667.
6. Haslam S. A., Reicher S. D. Contesting the «Nature» of Conformity: What Milgram and Zimbardo's Studies Really Show. *PLoS Biol.* 2012. Vol. 10, No. 11. e1001426. DOI: 10.1371/journal.pbio.1001426.
7. Reicher S. D., Haslam S. A., Smith J. R. Working Toward the Experimenter. *Persp. Psychol. Sci.* Vol. 7, issue 4. 2012. P. 315–324.
8. Caprio L. «How can we help independent directors to escape the «obedience bias?» Comments on: Randall Morck (2008) «Behavioral finance in corporate governance independent Directors, Non-Executive Chairs, and the importance of the Devil's Advocate». *J. Manag. Gov.* 2008. Vol. 12. P. 201–204.
9. Umphress E. E., Bingham J. B., Mitchell M. S. Unethical behavior in the name of the company: The moderating effect of organizational identification and positive reciprocity beliefs on unethical pro-organizational behavior. *J. Appl. Psychol.* 2010. No. 95, issue 4. P. 769–780.
10. Johnson T. A., Cox R.W. Police ethics: Organizational implications. *Publ. Integr.* 2004. No. 7. P. 67–79.
11. Cunningham L. Taking on testilying: The prosecutor's response to in-court police deception. *Crim. Justice Ethics.* 1999. Vol. 18, issue 1. P. 26–37.
12. Tarnow E. Towards the zero accident goal: assisting the first officer monitor and challenge captain errors. *J. Aviat./Aerosp. Educ. Res.* 2000. Vol. 10, No. 1. P. 29–38.
13. Hinrichs K. T. Follower Propensity to Commit Crimes of Obedience: The Role of Leadership Beliefs. *J. Leadersh. Org. Stud.* 2007. Vol. 14, issue 1. P. 69–76.
14. Son Hing L. S., Bobocel D. R., Zanna M. P., et al. Authoritarian Dynamics and Unethical Decision Making: High Social Dominance Orientation Leaders and High Right-Wing Authoritarianism Followers. *J. Pers. Soc. Psychol.* 2007. Vol. 92, issue 1. P. 67–81.

Статья поступила в редколлегию 12.05.2017.
Received by editorial board 12.05.2017.

УДК 316.752

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА – СИГНАЛ К ФОРМИРОВАНИЮ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

О. А. КАТРЕНКО¹⁾

¹⁾Институт журналистики БГУ, ул. Кальварийская, 9, 220004, г. Минск, Беларусь

Обсуждается проблема трансформации духовных ценностей детей. Приведены результаты теоретического анализа данной области. Изучение белорусских и российских исследований показало, что существует риск духовной ценностной инфантилизации нового поколения. Опасения вызывают усиление значимости материальных благ, доминирование эгоистичных желаний, противоречивость личностных ценностных конструктов детей и молодежи. Излагаются результаты эмпирических исследований духовных ценностей нового поколения на примере младших школьников. Выявлены противоречивость и неразвитость духовных ценностей детей из-за неправильного семейного воспитания. Описаны причины низкого уровня духовности и ошибки родительского воспитания. Даны психологические рекомендации по воспитанию ценностей детей.

Ключевые слова: ценности; духовные ценности; трансформация базовых ценностей; низкий уровень духовности; ошибки родительского воспитания; целенаправленное воспитание духовных ценностей; психологические рекомендации.

AXIOLOGICAL TRANSFORMATION OF SOCIETY – SIGNAL TO THE FORMATION OF SPIRITUAL VALUES OF NEW GENERATION

A. A. KATRENKA^a

^aThe Institute of Journalism of the Belarusian State University, 9 Kal'varyjskaja Street, Minsk 220004, Belarus

The article is devoted to the problem of transformation of children's spiritual values. The results of the theoretical analysis of the problem area are given. The analysis of Belarusian and Russian research has shown that there is a risk of spiritual infantilization of the new generation. The increasing importance of material goods, the dominance of selfish desires and the contradictory of the personal of valuable constructs of children and youth causes anxiety. The results of empirical research of spiritual values of the new generation through the example of primary schoolchildren are represented. The inconsistency and underdevelopment of children's spiritual values, because of the incorrect family upbringing are revealed. Also the causes of low spirituality and the mistakes of parents' upbringing are also described. The psychological recommendations for the upbringing of values of children are provided.

Key words: values; spiritual values; transformation of basic values; low spirituality; mistakes of parent upbringing; targeted education of spiritual values; psychological recommendations.

Особую социально значимую позицию среди проблем, охвативших современное общество, занимает тема духовного ценностного развития детей и молодежи, о чем свидетельствуют эмпирические

исследования белорусских и российских специалистов, проведенные с 1980 по 2016 г. Перестройка и распад СССР спровоцировали серьезнейшую трансформацию ценностей и привели к их индиви-

Образец цитирования:

Катренко О. А. Аксиологическая трансформация общества – сигнал к формированию духовных ценностей нового поколения // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 1. С. 98–106.

For citation:

Katrenka A. A. Axiological transformation of society – signal to the formation of spiritual values of new generation. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 1. P. 98–106 (in Russ.).

Автор:

Оксана Адамовна Катренко – старший преподаватель кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики.

Author:

Aksana A. Katrenka, senior lecturer at the department of television and broadcasting, faculty of journalism.
kat.o.a@mail.ru

дуализации. Очевидной стала опасность духовно-нравственной ценностной инфантилизации нового поколения. Так, на масштабность сложившейся ситуации указывают белорусские (О. Г. Лукашова, М. С. Ковалевич, В. О. Кондрашова) и российские (Б. Н. Бессонов, С. В. Мерзлякова, О. В. Видинеева, Н. В. Светлова, И. А. Крапивка, Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев, М. В. Аникеев, З. З. Мамышева, М. В. Груздева, Л. А. Варнакова, Н. В. Кораблева, Т. В. Гольцова, Д. В. Шатров, М. М. Никеева, О. Г. Холодкова, О. В. Петухова, А. Д. Чиплиева) исследователи. Обеспокоенность вызывают усиление значимости материальных благ, доминирование эгоистичных желаний, противоречивость личностных ценностных конструктов. Кроме того, ученые обращают внимание на необходимость формирования эффективной моральной регуляции (И. А. Фурманов) и антикриминальной устойчивости личности (А. Н. Пастушеня) с учетом принятия моральных ценностей.

Однако если ценностные ориентации (ЦО) молодежи детально исследовались белорусскими (О. А. Павловская, Д. Г. Ротман, А. Н. Данилов, Д. М. Булышко и др.) и российскими (А. И. Большова, Н. М. Байков, В. Е. Семёнов, Г. В. Грачева и др.) специалистами, то трансформация духовных ценностей детей младшего школьного возраста в Беларуси и России ранее комплексно не изучалась. В связи с этим появилась острая необходимость в целенаправленном формировании устойчивой духовно-нравственной ценностной базы юных белорусов, проведении просветительской и коррекционной работы в стране, разработке психологических рекомендаций по развитию базовых ценностей детей, что обуславливает актуальность данной темы.

Поскольку Беларусь и Россия ранее входили в СССР и имели единую идеологию и ценностную направленность общественного развития, рассматривать ценностную трансформацию подрастающих поколений этих стран обособленно было бы некорректно. Ведь наблюдаемые тенденции выстраиваемого детьми и молодежью ценностного базиса во многом схожи, как и социально-экономические условия периодов перестройки (1985–1991), распада СССР (1990–1991), постсоветского времени, побудившие их адаптироваться к новой жизни, выбирать для себя новые ценности. Подтверждением сказанного служат исследования (2000–2008) структуры аксиологических предпочтений белорусской и российской молодежи, демонстрирующие идентичность ценностных выборов [1, с. 172].

Так, в 1980-х гг. молодежь стала отказываться от размышлений о будущем, уходя от дискуссий об экономических трудностях, проблемах техники и науки, образовании и воспитании, и ограничилась опытом автономной жизни. В начале XXI в.

многие не задумывались о будущем, «рано начинали вести себя по-взрослому» [2, с. 34–35].

Эмпирические исследования, проведенные в Беларуси и России после распада СССР, показывают, что ориентация нового поколения на материальные ценности, свободу, независимость, свободные от ответственности сексуальные отношения привела к доминированию социальных потребностей над духовными, ослаблению ценности здоровья и семьи, установке на индивидуалистические ценности, карьере, бездетности или малодетности в будущем, девиантному поведению (раннее материнство), приоритету потребительских устремлений над творческими и созидательными. Постсоветское общество оказалось в ситуации кризиса духовных ценностей, проявившегося в безразличии к окружающим людям и интересам близких, уходе от коллективистских ценностей, доминировании эгоистических, прагматических позиций, отсутствии стремления к постижению знаний, обесцениванию творчества, отказе от традиций, культуры и, самое главное, ценностного воспитания детей, направленного на духовно-нравственное развитие личности и постижение сути своего предназначения.

Полагаем, что свобода, воспринимаемая новым поколением как истинное освобождение от запретов, позволяющее полностью раскрепоститься и проявить себя («оторваться»), является ложной. Ведь легкомысленность, отсутствие крепкой духовно-нравственной ценностной основы, слабая моральная регуляция приводят к девиантному поведению и зависимостям. Находясь в состоянии зависимости, человек не может думать о высоких категориях, контролировать себя, оценивать и анализировать свои поступки, рассуждать о том, что такое «хорошо» и что такое «плохо», неспособен транслировать ценности. Аналитическая способность мышления притупляется из-за увлеченности кажущейся важной (а в действительности абсолютно пустой) или привлекательной рискованной противоправной деятельностью, нестерпимой жажды удовольствий, стремления к материальным благам (как самым приоритетным ценностям), а также вследствие податливости соблазнам. При этом утрачивается индивидуальность (собственное «Я»). Остается непостижимым истинный смысл жизни, теряется время, отведенное для духовного саморазвития, постижения трансцендентности бытия и просоциальности. Пренебрежение здоровьем и безопасностью в сочетании с гедонизмом и стимуляцией в итоге приводят к различным отклонениям.

Все это, на наш взгляд, не может даже на йоту приблизиться к пониманию истинной свободы, подразумевающей возможность легко мыслить и совершать поступки на основе совести, способность адекватно оценивать глубину деформаций деструк-

тивных социальных явлений, желание быть выше антидуховного разрушающего макро- или микро- социального конструкта (макро- или микросреда). Ложная свобода – прямой путь к ценностной деградации и инфантилизации человека. Поэтому важно, чтобы каждый человек ближайшего будущего был личностно зрелым, имел прочный ценностный базис и обладал сформированной эффективной моральной регуляцией и антикриминальной устойчивостью.

Как отмечает В. С. Волченков, «личностная зрелость – это определенный уровень развития человека, когда он становится полноправным субъектом жизнедеятельности, обладает всей совокупностью его свойств, среди которых ведущую роль играет переживание смысла жизни, позволяющее самоопределиваться по отношению к психосоциальным задачам своего возраста, найти в них источник смысла жизни, обозначить его содержание и опосредовать им свое поведение в обществе» [3, с. 36–37].

Моральная регуляция, по мнению И. А. Фурманова, предполагает сочетание устойчивости к искушению с подчинением самоинструкции и способностью испытывать раскаяние. Критериями ее эффективности выступают следующие индикаторы:

- а) принятие моральных ценностей;
- б) усвоение чувства моральной обязанности и верности этим ценностям;
- в) достаточная способность к самокритике для восприятия противоречий между реальным поведением и принятыми ценностями [4, с. 32].

Антикриминальная устойчивость личности – это отрицательная субъективная представленность преступного способа действий, определяющая его неприятие в личном поведении и проявляющаяся на ценностно-смысловом, эмоциональном, установочно-нормативном и установочно-поведенческом уровнях. При этом комплекс ценностных ориентаций играет очень важную роль [5, с. 63].

Поскольку реальная ценностная ситуация, сложившаяся в обществе, отличается от представления об идеальной духовно развитой, морально и антикриминально устойчивой личности, а нынешняя молодежь – это те же дети в прошлом, отметим противоречие, обнаруживаемое у молодежи с начала 2000-х гг. Наряду со сформированным ценностно-мотивационным ядром личности (прежде всего здоровье, счастливая семейная жизнь, любовь, хорошие друзья, а также уверенность в себе, честность, заботливость) отвергаются такие ценности, как познание, ответственность, продуктивная жизнь, доброта, самореализация, самосовершенствование, жизненная мудрость, Родина, при этом полностью обесцениваются красота природы и искусства, счастье других, творчество [6–8].

Например, обнаружены следующие противоречия в области ценностных установок:

1) сочетание традиционных представлений российских студенток о семье с отступлением от допустимых форм семейно-брачных отношений (высокие требования к духовно-нравственному облику матери при одновременных антисемейных формах поведения) [9];

2) расхождение между декларируемой ценностью здоровья, здорового образа жизни и несформированными поведенческими установками (отрицание курения, употребления спиртного и наркотиков опровергалось материалами Министерства здравоохранения РФ) [10];

3) декларируемость девочками-подростками высокой ценности семьи при ее несоответствии их реальному поведению [11];

4) противоречивость осознанных и неосознанных ценностей, норм и установок [12].

Несмотря на то что исследования (2000–2008) ценностных предпочтений молодежи (в возрасте 15–29 лет) Беларуси и России свидетельствуют о значимости таких ценностей, как семья, работа, друзья и знакомые / свободное время, религия [1], Л. Г. Лысюк (2009) отмечает у белорусской молодежи следующие свойства: неразвитые знания об основных моральных категориях и неумение использовать их для оценки поведения людей и своего собственного; дефицит моральных чувств и эмпатии (доминирование тенденции отстаивания своих интересов без учета интересов и особенностей другого человека, контекста ситуации, обращения к урегулированию конфликта с помощью моральных норм и принципов) [13, с. 73].

Подобная тенденция в те же годы наблюдалась у белорусских и российских подростков. У них ценностное ядро образуют здоровье, любовь и друзья, активный досуг, красота и богатство, обеспеченная жизнь, уверенность в себе, счастливая семейная жизнь, образование, интересная профессия при обесценивании доброты, веры в Бога, патриотизма, терпимости, скромности, общения с природой, культуры, счастья других, безопасности, мира во всем мире, красоты природы [11; 14–16]. Так, Н. В. Кораблева отмечает у российских подростков следующие качества: неготовность жить в гармонии с социумом при стремлении к ней; отсутствие осознания, что без развития нравственности и культуры не достигнешь гармонии в отношениях; деформированную картину жизни, которую не удалось сформировать родителям; пассивное отношение к жизни [17]. На наш взгляд, разнообразие и противоречивость ценностных выборов нового поколения объясняются вынужденной тяжелой адаптацией к жизни, насыщенной стрессовыми социально-экономическими событиями, происходящими уже более 30 лет.

Однако динамика ценностной трансформации становится отчетливее, если проследить изменяющиеся приоритеты младших школьников. Так,

в 1983 г. советские дети предпочитали нравственные и волевые ценности, ориентацию на людей и общество; интеллектуальные ценности, при этом материальные ценности были у них на последнем месте (Н. А. Волкова) [18]. В 1995 г. были важны познание, труд, нравственные, материальные ЦО, творчество, незначимой являлась ценность игры (Л. Г. Десфонтейнес) [18]. В 1998 г. российские дети выбирали волевые, культурные ориентации, ориентации на людей, отвергая при этом соматические, материальные, нравственные, интеллектуальные, эмоциональные ценности. За 1983–1995 гг. значимость материальных ценностей усилилась (Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев) [18].

В начале 2000-х гг. наблюдались противоречивые ценностные выборы российских детей. Несмотря на важность таких ценностей, как доброта, честная жизнь, развитие общества, счастье других [15], преобладающими в младшем школьном возрасте становятся материальные ценности, узколичные, эгоистичные желания [19]. В то же время незначимой ценностью стало умение приспосабливаться [15]. При этом отмечается низкий уровень сформированности (67,4 %) духовных ценностей младших школьников, их фрагментарность, несоответствие мотивации поведения, неосознавание (для сравнения: показатель высокого уровня составляет менее 1 %) [19, с. 3–21].

Далее, Т. В. Гольцова обращает внимание на то, что российские дети в возрасте 5–7 лет незнакомы со словом «альтруизм», при этом формально понимают необходимость оказания помощи. Дети в возрасте 8–9 лет демонстрируют альтруизм, подкрепленный прагматическими поступками (с ожиданием благодарности). Только в возрасте 10–11 лет они оказывают помощь на основе сочувствия, когда готовность помогать и принимать помощь становится мотивом их нравственного выбора. Однако эта готовность не всегда проявляется в альтруистичном поведении – деревенские дети реализуют альтруистические суждения в поведении гораздо чаще, чем городские [20, с. 12–19].

Между тем к 2010 г. важными ценностными ориентациями российских детей младшего школьного возраста становятся такие, как любовь к своему народу и Родине; толерантность, сочувствие и сопереживание другому, доброта; уважение к старшим; позитивное, творческое отношение к труду, учению; любовь к родному языку и культуре, культурным ценностям государства [21, с. 22]. Однако М. В. Груздева отмечает у детей высокий уровень сформированности такой ценности, как уважение семьи; средний уровень сформированности дружелюбия и совестливости; наименьший уровень сформированности таких ценностей, как уважение

к отечественным культурным традициям, трудолюбие, всемирная отзывчивость, практичность, деловитость; несформированную ценность «патриотизм» [22, с. 164]. Ученые О. Г. Холодкова и О. В. Петухова фиксируют с 1996 по 2015 г. смену направленности идеалов и ценностей с гуманистических на антигуманистические и смешанные [23].

В целом анализ результатов 23 эмпирических исследований, проведенных в России, демонстрирует явную отрицательную динамику ценностной трансформации у младших школьников за указанный период: происходит очевидное снижение значимости духовно-нравственных / гуманистических ЦО и просоциальности.

Ценностные ориентации белорусских школьников 1–4-х классов удалось проследить лишь начиная с 2006 г. Так, у них отмечается универсальное сочетание следующих типов ценностей: отношений, познания и осознания, деятельности (стремятся к разнообразию содержания и способов деятельности, самостоятельности, свободе) [24, с. 24–26]. К 2013 г. сформировалась некоторая положительная тенденция: приоритеты младших школьников стали отличаться духовно-нравственной ЦО [25–27]. Важнее становятся такие ЦО, как любовь к своему народу и Родине; толерантность, сочувствие и сопереживание другому, доброта; уважение к старшим; позитивное, творческое отношение к труду, учению; любовь к родному языку и культуре, культурным ценностям; при этом менее значимыми стали богатство и власть. Присутствующий ценностный дисбаланс (высокий уровень сформированности такой ценности, как уважение семьи; средний уровень сформированности дружелюбия и совестливости; наименьший уровень сформированности таких ценностей, как уважение отечественных культурных традиций, трудолюбие, всемирная отзывчивость, практичность, деловитость; несформированность патриотизма), на наш взгляд, объясняется возрастными изменениями иерархической структуры ЦО детей.

Так, согласно нашему исследованию [27], проведенному в 2013 г.¹, к семи годам у детей уже сформирована крепкая духовно-нравственная ценностная основа, есть представление о базовых ценностях. В возрасте восьми лет значимы такие важные качества, как «самостоятельный» и «наслаждающийся», «любящий хорошо отдохнуть». В возрасте 9–10 лет ценность самостоятельности усиливается наравне с безопасностью, духовностью, зрелостью, а такие ценности, как гедонизм и стимуляция, ослабляются. Незначимы в возрасте 7–10 лет богатство и власть. Стремление к получению удовольствия, стимулируемое любознательностью и завышенной самооценкой, которое наблюдается у детей

¹Изучались ЦО школьников в возрасте 7–10 лет – учащихся средних школ Минской области; $n = 64$; из них 29 девочек и 35 мальчиков. Применялась методика «Ценностный опросник» С. Шварца.

в возрасте от семи до девяти лет, говорит об активной трансформации смысловой сферы каждой маленькой личности. Прослеживается следующая тенденция: несмотря на то что дети знают, что «хорошо», а что «плохо», они не всегда выбирают ценности, выступающие в качестве принципа жизни. В то же время они осознанно выбирают, с чем комфортнее жить: с чувством внутреннего нравственного авторитета или с чувством безнравственного авторитета. Непрерывная трансформация ценностных ориентаций способствует усвоению личной нравственной ответственности и повышает уровень духовности детей [27, с. 205–206].

Иными словами, приоритетные ценности, о которых говорит подрастающая смена, нередко не находят отражения в реальной деятельности. Отчасти это несоответствие можно объяснить незнанием многими людьми того, что такое ценности, какие они бывают и что означают. Неправильное понимание ценностей из-за несформированной изначально, в детстве, ценностной понятийной базы приводит к поведению, которое рассогласовывается с личными приоритетными ценностными ориентациями. Очевидно, что подрастающее поколение испытывает дефицит в духовно-нравственной направленности своего развития.

В последние годы наблюдается, с одной стороны, актуализация потребности в восстановлении таких ценностей, как спокойная жизнь, душевная гармония, равенство возможностей, интересная работа, с другой – снижение социальной активности молодежи, культурных запросов, кризис идеалов и утрата духовных ориентиров [28]. Полагаем, неразвитость духовности спровоцирована в первую очередь недостаточным ценностным воспитанием, являющимся основополагающей функцией семьи, которая призвана формировать базовые ценности маленького человека. Ведь чем сильнее безразличие родителей к смысловому и культурному ценностям, а также соблюдению традиций, тем тяжелее оказываются последствия.

Особая роль в этом процессе принадлежит бабушкам и дедушкам – их общению с внуками, эмоциональному контакту с ними, взаимопониманию, совместной игре [25, с. 231–232].

На наш взгляд, острота проблемного поля раскрывается посредством нежелания многих семей принимать участие в целенаправленном ценностном воспитании детей, искреннем непонимании этого процесса ввиду отсутствия знаний о ценностях. Завышенные ожидания родителей относительно уровня духовности детей могут приводить к отклоняющемуся поведению чад в результате их самостоятельного постижения ценностных истин.

В связи с этим попытаемся систематизировать причины низкого уровня духовности и неразвитости нравственных представлений школьников 1–4-х классов [19, с. 3–21; 29, с. 15–36; 30, с. 14–16;

31, с. 14–23; 32, с. 22–24; 33, с. 43–49]. Так, согласно логике, были выделены внешние и внутренние причины, которые отражены на рисунке.

Далее, к ошибкам родительского воспитания Н. А. Кучуб относит отсутствие педагогических знаний, времени на воспитание детей, ответственности за их воспитание, сотрудничества между родителями и детьми, нравственного воспитания, чрезмерную опеку, агрессивность по отношению к ребенку [34, с. 15–16].

При этом Д. В. Шатров отмечает, что благоприятное воздействие на нравственную сферу ребенка оказывает зрелость личности родителей (мировоззренческие позиции, нравственная направленность, психологические характеристики коммуникации с ребенком), а также их ориентация на экзистенциальные ценности. У родителей, имеющих цели в жизни, временную перспективу, ощущающих осмысленность жизни, оценивающих ее как интересную и эмоционально насыщенную, контролирующую свою жизнь, дети отличаются позитивными характеристиками нравственной сферы [32, с. 22–24].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1) происходящая трансформация ценностных ориентаций младших школьников незаметно приводит к повышению значимости индивидуалистических ценностей над коллективными, материальных – над духовно-нравственными;

2) выделение причин низкого уровня духовности и неразвитости нравственных представлений школьников 1–4-х классов позволяет усилить внимание общественности к данной проблеме и сориентироваться в вопросах ценностного просвещения родителей и прародителей в целях предотвращения ошибок в воспитании детей;

3) духовно-нравственное становление растущего человека требует целенаправленного воспитания базовых смысловых ценностей (семья, здоровье, дружба, любовь и др.), которое должно начинаться с семьи. В связи с этим сформулируем некоторые психологические рекомендации. Родителям следует стремиться:

- подробно объяснять ребенку, что такое ценности и какими они бывают, пытаться донести до него их суть, а также рассказывая, для чего они нужны людям и какие из них являются самыми важными;

- подкреплять эти знания (понятия) реальными примерами из жизни близких;

- активно вовлекать ребенка в процесс постижения ценностей, чтобы он смог соотнести их значимость и свое поведение (при принятии ценностей или их отвержении), а также оценить собственные эмоциональные переживания, связанные с их осознанием;

- развивать в ребенке толерантность и патристическое отношение к Родине посредством при-

Причины низкого уровня духовности и неразвитости нравственных представлений школьников 1–4-х классов

The reasons for the low level of spirituality and underdevelopment of the morality representations of schoolchildren 1–4 grades

общения к культуре и традициям своего народа, а также к родному языку;

- позволять ему самостоятельно идти эмпирическим путем ценностного познания: например, допускать ошибки (делать неверный выбор), что поможет растущей личности выделить для себя ценности и принять их, быть готовым следовать им в поведении;

- постараться стать для ребенка ценностным духовным примером для подражания;

- находить иные положительные примеры из жизни, иллюстрирующие совокупность наилучших духовных качеств, присущих высокоразвитой личности, которая многого достигла в своей жизни и совершила хорошие поступки ради блага людей;

- объяснять, чем чреват интерес к рискованным и противоправным деяниям, объяснять серьезность последствий легкомысленного поведения;

- помогать ребенку преодолевать эгоцентризм, т. е. показывать, что, кроме его «Я», есть еще другие люди, имеющие свои желания и проблемы. Моральная децентрация поможет объективно увидеть ситуацию с разных сторон, понять чувства других людей, а также повысит понимание духовно-нравственных ценностей;

- знакомить ребенка с понятиями «альтруизм», «альтруист», «эгоист» для усиления мотивации искреннего помогающего поведения, а не из меркантильных побуждений;

- целенаправленно обучать ребенка оказанию помощи через уважительное отношение к любому

человеку, т. е. рассказывать, как и в каких ситуациях следует помогать нуждающемуся в помощи, в том числе показывать это на личном примере;

- обсуждать с ребенком, почему он или кто-либо помог человеку, нуждающемуся в помощи, и как можно было бы поступить еще в данной ситуации;

- побуждать ребенка к размышлениям о том, почему многие люди не стремятся помогать друг другу, почему они безразличны к чужому горю и являются черствыми;

- привлекать ребенка к труду, учебе и творчеству, тем самым развивая сильные стороны его личности и формируя его ответственность;

- оказывать влияние на духовно-нравственные ценности ребенка посредством фольклора, народных сказок, пословиц и поговорок;

- объяснять ребенку значимость ценностной полоролевой идентификации и подкреплять положительное половое поведение, поскольку если мальчикам еще свойственны мужские ЦО, то девочкам женские ЦО – уже в меньшей степени;

- расширять мировоззрение ребенка, знакомя его с искусством и культурой не только своей Родины, но и других стран;

4) психологам необходимо контролировать процесс формирования духовно-нравственных ценностей детей, проводить своевременную коррекционную работу, консультировать родителей и просвещать педагогов.

То, каким будет человек будущего, зависит не только от психологов, но и от каждого из нас, от нашей активной позиции в воспитании духовных жизненно важных ценностей подрастающего поколения – взрослых людей будущего.

Библиографические ссылки

1. Ротман Д. Г., Данилов А. Н., Булышко Д. М. и др. Ценностный мир современного человека: Беларусь и ее соседи в международных проектах по изучению ценностей / под ред. Д. М. Булышко, А. Н. Данилова, Д. Г. Ротмана. Минск : БГУ, 2013.
2. Бессонов Б. Н. Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий. М. : Норма, 2006.
3. Волченков В. С. Переживание смысла жизни как критерий личностного развития в ранней взрослости // Психол. журн. 2012. № 1/2. С. 35–41.
4. Фурманов И. А. Моральная регуляция агрессивного поведения детей // Психол. журн. 2010. № 1. С. 26–32.
5. Пастушеня А. Н. Антикриминальная устойчивость личности: структурно-содержательная характеристика // Психол. журн. 2011. № 3/4. С. 60–66.
6. Мерзлякова С. В. Психологические особенности ценностных ориентаций современных студентов : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13. Астрахань, 2006.
7. Байков Н. М. Динамика ценностных ориентаций молодежи // Социология : Всерос. социол. конгр. 2006. № 3/4. С. 157–160.
8. Лукашова О. Г. Трансформация ценностных ориентаций белорусской молодежи (эмпирико-социологический анализ) // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : материалы VII Междунар. науч. конф. (Гомель, 26–27 мая 2011 г.) : в 2 ч. / под общ. ред. В. В. Кириенко. Гомель, 2011. Ч. 1. С. 40–42.
9. Варнакова Л. А. Духовно-нравственный потенциал современной российской женщины в контексте социокультурной обусловленности ее статуса и ролей : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06. Нижний Новгород, 2006.
10. Кирилюк О. Г. Социальная ценность здорового образа жизни студенческой молодежи в современном российском обществе : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04. Саратов, 2007.
11. Крапивка И. А. Семья как фактор формирования ценностных ориентаций подрастающего поколения : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04. Краснодар, 2011.
12. Семёнов В. Е. Ценностные ориентации современной молодежи // Социол. исследования. 2007. № 4. С. 37–43.
13. Лысюк Л. Г. Моральное самосознание в юношеском возрасте: опасности и возможности развития // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. гуманіт. і грамад. навук. 2009. № 3. С. 69–75.
14. Видинеева О. В. Особенности ценностных ориентаций и условия их формирования в старшем школьном возрасте (на примере уроков обществоведческого цикла) : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07. Курск, 2003.
15. Светлова Н. В. Особенности ценностных ориентаций и нравственного самосознания учащихся средней школы : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07. М., 2003.
16. Ковалевич М. С. Смыслжизненные ценности и профессиональный выбор современных выпускников общеобразовательной школы // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. 2010. № 1. С. 107–118.
17. Кораблева Н. В. Притеснение как социально-психологическое явление в группах девочек старшего подросткового возраста : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05. Казань, 2009.
18. Дробышева Т. В., Журавлев А. Л. Влияние экономического образования на ценностные ориентации личности младших школьников // Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций / отв. ред.: А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М., 2001. С. 95–120.
19. Аникеев М. В. Формирование духовных ценностей у младших школьников через актуализацию веры в нравственный идеал : автореф. дис. ... канд. педагог. наук : 13.00.01. Тула, 2004.
20. Гольцова Т. В. Особенности альтруистических представлений детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07. Орел, 2004.
21. Мамышева З. З. Педагогические условия формирования ценностных ориентаций младших школьников в поликультурной образовательной среде : автореф. дис. ... канд. педагог. наук : 13.00.01. Майкоп, 2011.
22. Груздева М. В. Воспитание у школьников нравственного поведения на основе российской педагогической традиции : дис. ... канд. педагог. наук : 13.00.01. СПб., 2010.

23. Холодкова О. Г., Петухова О. В. Особенности развития гуманистических ценностей младших школьников // Символ науки. 2015. № 8. С. 293–296.
24. Ермолович З. Г., Белянкова О. В. Мир ценностей слепых и слабовидящих младших школьников // Весті БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Психологія. Філологія. 2006. № 4. С. 21–26.
25. Кондрашова В. О. Характеристика семейных ценностей современной многопоколенной семьи // Збірник наукових прац Академії післядипломної адукації / рэдкал.: А. П. Манастырны (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2012. Вып. 10. С. 223–236.
26. Домашевич А. А., Вабищевич С. В. Генеалогические традиции в системе факторов формирования духовных ценностей личности // Информационные технологии и управление : материалы 48-й науч. конф. аспирантов, магистрантов и студентов (Минск, 7–11 мая 2012 г.) / редкол.: Л. Ю. Шилин [и др.]. Минск, 2012. С. 139.
27. Борисевич О. А. Духовно-нравственные ценности современных сельских школьников 7–10 лет – приоритет национального воспитания в современной Беларуси // Виховання, освіта, менеджмент, філософія, право: історичний аспект : матеріали V міжвуз. наук.-практ. конф. з міжнар. участю студентів та молодих учених (Євпаторія, 17–20 вересня 2013 р.) / редкол.: Н. А. Глузман [и др.]. Ялта, 2013. С. 199–207.
28. Большова А. И. Ценностные ориентации современной российской молодежи [Электронный ресурс] // Русский народный сервер против наркотиков. URL: <http://narcom.ru/publ/info/869> (дата обращения: 26.10.2013).
29. Рагимова О. А. Динамика социального здоровья младших школьников в транзитивном обществе : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.04. Саратов, 2006.
30. Никеева М. М. Формирование основ нравственных представлений у младших школьников посредством народных сказок : автореф. дис. ... канд. педагог. наук : 13.00.01. Йошкар-Ола, 2006.
31. Курганова Е. А. Особенности ориентации современной российской молодежи на моральные и конвенциональные нормы в младшем школьном возрасте : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13. М., 2005.
32. Шатров Д. В. Личность родителей и нравственная сфера детей : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13. СПб., 2006.
33. Фурманов И. А. Этиологический анализ психологических причин нарушений поведения детей подросткового и юношеского возраста // Развитие субъективности личности в процессе ее социализации / под ред. Я. Л. Коломинского, С. И. Коптевой, А. П. Лобанова. Минск, 1999. С. 43–49.
34. Кучуб Н. А. Ценностное взаимодействие семьи и школы в преодолении асоциальности поведения подростков : автореф. дис. ... канд. педагог. наук : 13.00.01. Оренбург, 2009.

References

1. Rotman D. G., Danilov A. N., Bulynko D. M., et al. [The value world of modern man: Belarus and its neighbors in international projects on the study of values]. Minsk : BSU, 2013 (in Russ.).
2. Bessonov B. N. [Social and spiritual values at the turn of the II and III millenniums]. Moscow : Norma, 2006 (in Russ.).
3. Volchenkov V. S. Experience of meaning of the life as criteria of personal development in early adulthood. *Psikhol. zhurn.* 2012. No. 1/2. P. 35–41 (in Russ.).
4. Furmanov I. A. [Moral regulation of aggressive behavior of children]. *Psikhol. zhurn.* 2010. No. 1. P. 26–32 (in Russ.).
5. Pastushenya A. N. Anticriminal personal stability: the structural-substantial characteristic. *Psikhol. zhurn.* 2011. No. 3/4. P. 60–66 (in Russ.).
6. Merzlyakova S. V. [Psychological features of value orientations of modern students] : dissertatsiya... kandidata psikh. nauk : 19.00.13. Astrakhan, 2006 (in Russ.).
7. Baikov N. M. [Dynamics of value orientations of youth]. *Sotsiologiya : All-Russian soc. Congr.* 2006. No. 3/4. P. 157–160 (in Russ.).
8. Lukashova O. G. [Transformation of valuable orientations of the Belarusian youth (empirical-sociological analysis)]. *Mentalitet slavyan i integratsionnye protsessy: istoriya, sovremennost', perspektivy* : mater. of VII Int. sci.-pract. conf. (Gomel, 26–27 May, 2011) : in 2 parts. Gomel, 2011. Part 1. P. 40–42 (in Russ.).
9. Varnakova L. A. [Spiritual-moral potential of the modern Russian woman in the context of the socio-cultural conditionality of her status and roles] : dissertatsiya... kandidata sotsiol. nauk : 22.00.06. Nizhny Novgorod, 2006 (in Russ.).
10. Kirilyuk O. G. [Social value of a healthy way of life of student's youth in modern Russian society] : dissertatsiya... kandidata sotsiol. nauk : 22.00.04. Saratov, 2007 (in Russ.).
11. Krapivka I. A. [Family as a factor in the formation of value orientations of the younger generation] : dissertatsiya... kandidata sotsiol. nauk : 22.00.04. Krasnodar, 2011 (in Russ.).
12. Semenov V. E. [Value orientations of modern youth]. *Sotsiologicheskie issled.* 2007. No. 4. P. 37–43 (in Russ.).
13. Lysyuk L. G. [Moral self-consciousness among young: dangers and possibilities]. *Vesnik of Brest Univ. Ser. of the hum. and soc. sci.* 2009. No. 3. P. 69–75 (in Russ.).
14. Vidineeva O. V. [Features of value orientations and conditions of their formation in the senior school age] : dissertatsiya... kandidata psikh. nauk : 19.00.07. Kursk, 2003 (in Russ.).
15. Svetlova N. V. [Features of valuable orientations and moral self-consciousness of secondary school pupils] : dissertatsiya... kandidata psikh. nauk : 19.00.07. Moscow, 2003 (in Russ.).
16. Kovalevich M. S. Life-sense values and professional choice of contemporary school graduates. *Vesnik of Brest Univ. Ser. 3, Philol. Pedagog. Psychol.* 2010. No. 1, P. 107–118 (in Russ.).
17. Korableva N. V. [Harassment as a socio-psychological phenomenon in groups of older teen girls] : dissertatsiya... kandidata psikh. nauk : 19.00.05. Kazan, 2009 (in Russ.).
18. Drobysheva T. V., Zhuravlev A. L. [The influence of economic education on the value orientations of the personality of younger schoolchildren]. *Psikhologiya sovместnoi zhiznedeyatel'nosti mal'kikh grupp i organizatsii.* Moscow, 2001. P. 95–120 (in Russ.).
19. Anikeev M. V. [Formation of spiritual values in younger schoolchildren through the actualization of faith in the moral ideal] : avtoreferat dissertatsii... kandidata pedagog. nauk : 13.00.01. Tula, 2004 (in Russ.).

20. Gol'tsova T. V. [Features of altruistic representations of children of the senior preschool and primary school age] : avtoreferat dissertatsii... kandidata psikhol. nauk : 19.00.07. Oryol, 2004 (in Russ.).
21. Mamysheva Z. Z. [Pedagogical conditions for the formation of value orientations of junior schoolchildren in a multicultural educational environment] : avtoreferat dissertatsii... kandidata pedagog. nauk : 13.00.01. Maikop, 2011 (in Russ.).
22. Gruzdeva M. V. [Education of schoolchildren of moral behavior on the basis of the Russian pedagogical tradition] : dissertatsiya... kandidata pedagog. nauk : 13.00.01. Saint Petersburg, 2010 (in Russ.).
23. Kholodkova O. G., Petukhova O. V. [Features of development of humanistic values of younger schoolchildren]. *Symbol Sci.* 2015. No. 8. P. 293–296 (in Russ.).
24. Ermolovich Z. G., Belyankova O. V. [The world of values of blind and visually impaired younger schoolchildren]. *Vestsi BDPU. Ser. 1, Pedagog. Psikhologiya. Filasofiya.* 2006. No. 4. P. 21–26 (in Russ.).
25. Kondrashova V. O. [Characteristics of family values of a modern multigenerational family]. *Zbornik navukovyh prats Akademii paslyadyplomnai adukatsii.* Minsk, 2012. Issue 10. P. 223–236 (in Russ.).
26. Domashevich A. A., Vabishevich S. V. [Genealogical traditions in the system of factors of formation of spiritual values of the person]. *Informatsionnye tehnologii i upravlenie* : mater. of 48th sci. conf. postgrad. stud., undergrad. and stud. (Minsk, 7–11 May, 2012). Minsk, 2012. P. 139 (in Russ.).
27. Borisevich O. A. [Spiritual-moral values of modern rural schoolchildren of 7–10 years – the priority of national education in modern]. *Vihovannya, osvita, menedzhment, filosofoiya, pravo: istorichnii aspekt* : mater. V intercoll. sci.-pract. conf. with int. particip. of stud. and young sci. (Evpatoria, 17–20 Sept., 2013). Yalta, 2013. P. 199–207 (in Russ.).
28. Bol'shova A. I. [Value orientations of modern Russian youth]. *Russkii narodnyi server protiv narkotikov.* URL: <http://narcom.ru/publ/info/869> (date of access: 26.10.2013) (in Russ.).
29. Ragimova O. A. [Dynamics of social health of junior schoolchildren in a transitive society] : avtoreferat dissertatsii... doktora sotsiol. nauk : 22.00.04. Saratov, 2006 (in Russ.).
30. Nikeeva M. M. [Formation of bases moral representations in primary school children through fairy tales] : avtoreferat dissertatsii... kandidata pedagog. nauk : 13.00.01. Yoshkar-Ola, 2006 (in Russ.).
31. Kurganova E. A. [Peculiarities of orientation to moral and conventional norms in junior school age] : avtoreferat dissertatsii... kandidata psikhol. nauk : 19.00.13. Moscow, 2005 (in Russ.).
32. Shatrov D. V. [Personality of parents and the moral sphere of children] : avtoreferat dissertatsii... kandidata psikhol. nauk : 19.00.13. Saint Petersburg, 2006 (in Russ.).
33. Furmanov I. A. [Etiological analysis of the psychological causes of behavioral disorders of teen and youthful children]. *Razvitie sub'ektivnosti lichnosti v protsesse ee sotsializatsii.* Minsk, 1999. P. 43–49 (in Russ.).
34. Kuchub N. A. [Valuable interaction of family and school in addressing anti-social behavior of adolescents] : avtoreferat dissertatsii... kandidata pedagog. nauk : 13.00.01. Orenburg, 2009 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 24.09.2017.
Received by editorial board 24.09.2017.

Методы психологических исследований

Methods of Psychological Research

УДК 159.9+006.9

СТАНДАРТИЗАЦИЯ ОПРОСНИКОВ НТН И ЛФР НА БЕЛОРУССКОЙ ВЫБОРКЕ

А. А. МОРОЗОВ¹⁾

¹⁾Военная академия Республики Беларусь, пр. Независимости, 220, 220057, г. Минск, Беларусь

Представлены результаты стандартизации опросников «Личностные факторы решений» (ЛФР) и «Новый опросник толерантности к неопределенности» (НТН), предназначенных для изучения личностных черт, влияющих на принятие решений в широком контексте жизненных ситуаций (ЛФР), и свойств принятия – непринятия неопределенности (НТН). Приведен краткий обзор отечественных и зарубежных исследований толерантности к неопределенности у руководителей (менеджеров). Обоснована необходимость стандартизации представленного в настоящей работе исследовательского инструментария. Благодаря межгрупповым сравнениям испытуемых обнаружены значимые различия в изучаемых свойствах, обусловленные профилем образования (родом профессиональной деятельности), возрастом и полом респондентов. Степень влияния упомянутых факторов на показатели шкал опросников оказалась незначительной. Сделан вывод о том, что измеряемые свойства неспецифичны и универсальны относительно их диагностики. Полученные на белорусской выборке тестовые нормы позволят в дальнейшем соотносить результаты исследований, выполненных на различных группах испытуемых. Стандартизация опросников НТН и ЛФР предоставляет возможность осуществлять диагностику важных для управленческой деятельности личностных свойств – принятия решений и толерантности к неопределенности.

Ключевые слова: принятие решений; толерантность к неопределенности; стандартизация; выборка; групповые нормы.

Образец цитирования:

Морозов А. А. Стандартизация опросников НТН и ЛФР на белорусской выборке // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 1. С. 107–115.

For citation:

Marozau A. A. Standardization of questionnaires of NTN and LFR on Belarusian sample. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 1. P. 107–115 (in Russ.).

Автор:

Александр Александрович Морозов – заместитель начальника центра профессионального психологического отбора и сопровождения учебно-воспитательного процесса.

Author:

Alexander A. Marozau, alternate head of the center for professional psychological selection and support of the education process.
morozov_by@mail.ru

STANDARDIZATION OF QUESTIONNAIRES OF NTN AND LFR ON BELARUSIAN SAMPLE

A. A. MAROZAU^a

^a*Military Academy of the Republic of Belarus, 220 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220057, Belarus*

The article presents the results of the standardization of the questionnaires of New Questionnaire of Tolerance for Uncertainty (NQTU, or NTN) and Personal Factors of Decisions (LFD, or LFR), intended for studying the properties of acceptance-non-acceptance of uncertainty (NTN) and personal properties that influence decision-making in the broad context of life situations (LFR). A brief overview of domestic and foreign studies of tolerance for uncertainty among leaders (managers) is given. The necessity of standardization of the research tools presented in the article is grounded. Conducting intergroup comparisons made it possible to reveal significant differences in the studied properties, due to the profile of education (the kind of professional activity), the age and gender of the subjects. The estimation of the sizes of the effects of these factors on the scores of the questionnaire scales showed that they are insignificant and the measured properties are non-specific and universal with respect to their diagnosis. The test standards obtained in the Belarusian sample will allow to correlate the results of studies conducted on different groups of subjects in the future. In addition, the standardization of the questionnaires of NTN and LFR provides an opportunity to diagnose important personal qualities for managerial activity – decision-making and tolerance to uncertainty.

Key words: decision-making; tolerance to uncertainty; standardization; sample; group norms.

Одной из функций управленческой деятельности выступает принятие решений (ПР) – процесс, связанный с необходимостью преодоления неопределенности и являющийся «наиболее сложным и развернутым типом процессов субъективного выбора» [1, с. 62]. В современных исследованиях принятие решений все чаще рассматривают в структуре конструкта «толерантность к неопределенности» (ТН). Поскольку исследования ТН в моделях ПР достаточно многочисленны, остановимся на тех из них, которые относятся непосредственно к деятельности руководителя.

Исследователь С. Вагенер с коллегами установил, что ТН отличает предпринимателей от менеджеров [2]. Влияние личностных черт, эмоций и аттитюдов на ТН было обнаружено на выборке руководителей среднего звена К. Кацаросом [3]. Толерантность к финансовому риску на примере менеджеров крупной компании изучал М. Уоллс [4]. По его мнению, менеджеры в целом склонны к риску, но в то же время при принятии решений они достаточно последовательны. Ученый Дж. Юртсер обнаружил положительную связь ТН с исходом ведения переговоров и отрицательную – с искажением информации менеджерами [5].

В отечественных исследованиях проблеме ТН в управленческой деятельности уделяется недостаточно внимания. Так, Е. С. Блинкова и О. М. Любимова изучали особенности жизнестойкости топ-менеджеров организаций в контексте ситуаций неопределенности [6]. У менеджеров с высокой жизнестойкостью ТН оказалась выше, чем у менеджеров с низкой жизнестойкостью. Влияние ТН на стратегии совладающего поведения у менеджеров представлено в работе И. Н. Леонова [7]. Роль ТН и эмоционального интеллекта в эффективности деятельности военных руководителей исследовал

Е. В. Краснов [8], установивший, что ТН способствует результативности деятельности, но не напрямую, а опосредованно, через воздействие на контроль экспрессии [8, с. 355].

Приведенный обзор исследований показывает, что ТН включена в структуру личностных и стилевых характеристик руководителей. При этом изучение взаимосвязи, динамики и влияния данного конструкта на ПР у управленцев является особенно актуальным. В связи с этим возникла необходимость в стандартизации исследовательского инструментария для анализа ТН и ПР.

Наибольшее распространение в исследовательской практике ПР и ТН среди отечественных ученых получили методики «Личностные факторы решений» (ЛФР) и «Новый опросник толерантности к неопределенности» (НТН), разработанные Т. В. Корниловой. Так, анализ 97 исследований, проведенных с 1994 по 2016 г., показал, что в 42 и 37 из них соответственно применялся именно этот инструментарий. Однако, несмотря на популярность и широкое использование в исследовательских целях, не удалось обнаружить сведений о стандартизации опросника НТН, а опросник ЛФР был стандартизирован автором в процентилях, которые не показывают различий между тестовыми оценками, а лишь отражают относительное положение испытуемого в выборке. Ранее нами была опубликована статья [9], в которой в том числе приводятся нормы для выборки белорусских военнослужащих (курсантов и сержантов 1–3-х курсов Военной академии Республики Беларусь).

Цель настоящего исследования заключается в стандартизации опросников НТН и ЛФР на расширенной белорусской выборке: в частности, военнослужащих, представленных курсантами и сержантами технических специальностей и офицерским

составом с опытом службы от 1 года до 18 лет; студентов различных специальностей, а также педагогов, проходящих переподготовку на базе высшего образования.

Выборку исследования составили 1012 человек (608 мужчин, 404 женщины) в возрасте от 17 до 53 лет ($M = 23,26$; $SD = 7,09$), из которых в выбор-

ку стандартизации по причине пропуска отдельных пунктов при выполнении тестирования вошли 928 человек по опроснику НТН и 979 человек по опроснику ЛФР. Репрезентативность выборки была обеспечена механизмом случайного отбора. Подробная характеристика контингента испытуемых представлена ниже в табл. 1.

Таблица 1

Контингент испытуемых

Table 1

Contingent of subjects

Группа испытуемых	Учреждение	Кол-во испытуемых в группе	Методика		Пол		Возраст	
			ЛФР	НТН	Мужчины	Женщины	M	SD
Курсанты 1–3-х курсов	Военная академия Республики Беларусь	343	343	343	343	–	18,8	1,16
Студенты-психологи 1-го курса д/о	Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка	102	75	89	14	88	17,7	0,80
Студенты-психологи 1-го курса з/о		18	18	9	3	15	26,6	9,04
Студенты-психологи 2-го курса		41	42	43	3	38	18,6	1,05
Студенты-психологи 3-го курса		14	14	13	2	12	19,5	0,76
Студенты-психологи 5-го курса з/о		45	45	43	6	39	32,1	8,29
Студенты специальности «Психология предпринимательской деятельности» 4-го курса		73	72	63	7	66	20,7	0,78
Курсы переподготовки по специальности «Логопедия»		53	48	31	–	53	29,0	8,33
Курсы переподготовки по специальности «Интегрированное обучение и воспитание в школьном образовании»		21	20	19	–	21	37,4	8,85
Студенты специальности «Менеджмент» 1-го курса	Белорусский государственный экономический университет	21	21	17	4	17	17,8	0,60
Студенты специальности «Менеджмент» 2-го курса	Российский государственный социальный университет (филиал в г. Минске)	21	21	15	3	18	19,4	1,12
Студенты специальности «Менеджмент» 3-го курса		15	15	9	9	6	20,6	1,06
Студенты специальности «Современные иностранные языки» 5-го курса	Белорусский государственный университет	27	27	20	3	24	21,6	0,63
Офицерский состав	Военная академия Республики Беларусь; Вооруженные силы Республики Беларусь	218	218	218	211	7	31,4	4,31

Примечание. M – среднее значение возраста; SD – выборочное стандартное отклонение.

Далее, в соответствии с общегосударственным классификатором Республики Беларусь [10] испытуемые были разделены на четыре выборки по профилю образования следующим образом:

- к профилю «Педагогика» были отнесены студенты специальностей «Логопедия» и «Интегрированное обучение и воспитание в школьном образовании»;
- к профилю «Коммуникации. Право. Экономика. Управление» (далее – «Коммуникации») – студенты специальностей «Психология», «Психология предпринимательской деятельности» и «Менеджмент»;
- к профилю «Гуманитарные науки» – студенты специальности «Современные иностранные языки»;
- к профилю «Службы безопасности» – курсанты 1–3-го курсов.

Отдельную выборку образовал офицерский состав, поскольку эти испытуемые на момент тестирования не являлись обучаемыми, а проходили службу в Военной академии Республики Беларусь и Вооруженных силах Республики Беларусь на различных должностях.

Тестирование испытуемых проводилось в групповой форме. Для снижения эффекта социальной желательности и получения более достоверной информации по итогам диагностики создавалась «ситуация клиента», при которой каждому испытуемому предоставлялась возможность ознакомиться со своими результатами.

При проведении межгрупповых сравнений проверялись гипотезы о различиях в баллах по шкалам опросников относительно факторов пола, возраста и профиля образования и о влиянии этих факторов на показатели свойств, измеряемых опросниками. В качестве диагностического инструментария были использованы методики ЛФР и НТН, разработанные Т. В. Корниловой:

1) опросник «Личностные факторы решений» (ЛФР-25), который является третьей редакцией методики и предназначен для экспресс-диагностики личностных свойств, влияющих на ПР в широком

контексте жизненных ситуаций. Он построен на основе процедуры трехальтернативных ответов (с общим ключом для мужчин и женщин) и включает в себя две шкалы – «рациональность» и «готовность к риску». Под «рациональностью» в контексте опросника подразумевают готовность обдумывать свои решения и действовать при полной ориентировке в ситуации. «Готовность к риску» означает личностный потенциал субъекта действовать в ситуации неопределенности [11];

2) «Новый опросник толерантности к неопределенности» (НТН) [12]. В основу теста легла схема соединения А. Фернхемом известных ранее в зарубежной литературе шкал: «интолерантность к неопределенности» П. О’Коннор, «толерантность к неопределенности» С. Т. Райделл и Е. Розена и «толерантность – интолерантность к неопределенности» С. Баднера [12, с. 77]. Опросник состоит из трех шкал: «толерантность к неопределенности» (ТН), «интолерантность к неопределенности» (ИТН) и «межличностная интолерантность к неопределенности» (МИТН). ТН означает стремление к изменениям, новизне и оригинальности, предпочтение более сложных задач, самостоятельность и выход за рамки принятых ограничений. ИТН подразумевает стремление к ясности и упорядоченности во всем. Под МИТН имеется в виду стремление к ясности и контролю в межличностных отношениях [12, с. 80].

Для статистической обработки результатов были использованы методы описательной статистики, дисперсионный анализ (ДА) в его различных вариантах с применением апостериорных критериев Шеффе и Т2 Тамхейна (в случаях значимого различия в дисперсиях сравниваемых групп) и *t*-критерий Стьюдента. Обработка результатов проводилась в системе IBM SPSS Statistics 19.

На первом этапе исследования были проведены межгрупповые сравнения по шкалам указанных методик. На втором этапе осуществлялась стандартизация опросников ЛФР и НТН. Выборку стандартизации по опроснику НТН составили 932 человека, по опроснику ЛФР – 979 человек (табл. 2).

Таблица 2

Показатели личностных свойств в выборках исследования

Table 2

Indicators of personal characteristics in the samples of the study

Выборка исследования по профилю образования	Шкалы									
	Рациональность		Готовность к риску		ТН		ИТН		МИТН	
	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>
Педагогика	4,97	3,68	0,44	4,41	59,08	7,77	64,04	8,79	36,22	6,50
Коммуникации	4,04	4,31	1,90	4,35	60,88	7,42	63,79	9,79	33,95	7,76
Гуманитарные науки	6,19	3,60	1,11	3,14	60,15	7,36	65,70	7,24	35,00	5,59
Службы безопасности	6,38	3,68	3,49	3,55	56,96	6,67	69,96	7,89	31,44	7,86
Офицерский состав	7,52	2,84	2,57	3,52	54,40	6,70	71,17	8,48	28,17	7,17

Перед проведением межгрупповых сравнений распределение «сырых» баллов по шкалам проверялось на соответствие нормальному виду по критериям асимметрии и эксцесса, поскольку именно они позволяют установить меру отклонения формы распределения от нормы [13, с. 117]. Проверка показала, что значения асимметрии и эксцесса по шкалам опросников находятся в диапазоне от -1 до $+1$. В целом это соответствует нормальному виду.

На первом этапе межгрупповых сравнений проверялась гипотеза о влиянии фактора профиля образования на показатели шкал НТН и ЛФР. В качестве статистического метода применялся однофакторный ДА с апостериорным критерием Шеффе; для проверки однородности дисперсий использовался критерий Ливена. Проверка однородности дисперсий по шкалам опросника НТН показала достоверные различия только по ИТН ($F^1 = 3,28$; $df^2(4,923)$; $p = 0,01$), поэтому по данной шкале результаты анализировались с помощью апостериорного критерия Т2 Тамхейна, который учитывает достоверную разницу в дисперсиях. По шкале ТН показатели офицерского состава были ниже в сравнении с любой из выделенных выборок (по критерию Шеффе разница в средних значениях составляет от $-2,56$ с курсантами до $-6,47$ ($p < 0,01$) со студентами профиля «Коммуникации»). Значимые различия были также обнаружены между курсантами 1–3-х курсов и студентами профиля «Коммуникации» ($-3,92$; $p < 0,01$).

Наиболее интолерантным к неопределенности, за исключением выборки курсантов, оказался офицерский состав (по критерию Т2 Тамхейна разница в средних значениях составляет от $5,47$ ($p < 0,05$) со студентами профиля «Гуманитарные науки» до $7,38$ ($p < 0,01$) со студентами профиля «Коммуникации»). Кроме того, значимые различия были выявлены между курсантами 1–3-х курсов, с одной стороны, и студентами профилей «Педагогика» и «Коммуникации» – с другой (разница в средних значениях составляет $5,92$ со студентами профиля «Педагогика» и $6,17$ ($p < 0,01$) со студентами профиля «Коммуникации»).

Наименее интолерантным в межличностных отношениях является офицерский состав (по критерию Шеффе разница в средних значениях составляет от $-3,27$ с курсантами до $-8,05$ ($p < 0,01$) со студентами профиля «Педагогика»). Курсанты 1–3-х курсов оказались значимо менее интолерантны в межличностных отношениях, нежели студенты профилей «Коммуникации» и «Педагогика» (разница в средних значениях составляет $-2,50$ со студентами профиля «Коммуникации» и $-4,78$ ($p < 0,01$) со студентами профиля «Педагогика»).

Таким образом, по результатам проведения межгрупповых сравнений были выявлены значимые

различия между выделенными группами испытуемых по показателям шкал опросника НТН, что свидетельствует о влиянии фактора профиля образования на измеряемые конструкты. Однако степень влияния фактора оказалась слабой (от 9 до 12 % дисперсии в показателях шкал опросника) [14, р. 385], что, несмотря на полученные значимые межгрупповые различия, свидетельствует о неспецифичности измеряемых конструктов и универсальности опросника относительно профиля образования.

По шкалам «рациональность» (РАЦ) и «готовность к риску» (ГКР) методики ЛФР были обнаружены достоверные различия в дисперсиях сравниваемых групп ($F_{РАЦ} = 13,00$; $F_{ГКР} = 3,55$; $df(4,974)$; $p < 0,01$). Офицерский состав оказался значимо более рациональным по сравнению со студентами профилей «Коммуникации» и «Педагогика», а также курсантами 1–3-х курсов (по критерию Т2 Тамхейна разница в средних значениях составляет от $1,14$ с курсантами до $3,48$ ($p < 0,01$) со студентами профиля «Коммуникации»). Курсанты, как и офицерский состав, более рациональны, чем студенты указанных профилей (разница в средних значениях составляет от $1,41$ ($p = 0,05$) со студентами профиля «Педагогика» и $2,34$ ($p < 0,01$) со студентами профиля «Коммуникации»). Наиболее готовыми к риску являются курсанты 1–3-х курсов (разница в средних значениях составляет от $0,92$ ($p < 0,05$) с офицерским составом до $3,05$ ($p < 0,01$) со студентами профиля «Педагогика»). Офицерский состав в большей степени готов к риску по сравнению со студентами профиля «Педагогика» (разница в средних значениях составляет $2,13$; $p < 0,01$).

Влияние фактора профиля образования на «рациональность» и «готовность к риску» при проверке оказалось слабым (11 и 5 % дисперсии соответственно), что свидетельствует об универсальности опросника ЛФР для диагностики лиц разных специальностей.

На втором этапе межгрупповых сравнений проверялись гипотезы о влиянии факторов пола и возраста на показатели шкал опросников. Общая выборка испытуемых была разделена на три возрастные группы: до 20 лет (первая группа, $n_{НТН} = 533$; $n_{ЛФР} = 543$); от 21 года до 29 лет (вторая группа, $n_{НТН} = 200$; $n_{ЛФР} = 226$) и от 30 до 40 лет (третья группа, $n_{НТН} = 175$; $n_{ЛФР} = 185$). Испытуемые старше 40 лет были исключены из межгрупповых сравнений ввиду их небольшого количества по сравнению с общей выборкой (19 и 24 человека по опросникам НТН и ЛФР соответственно) и невозможности в дальнейшем выработки для них групповых норм [15, с. 8].

Для оценки влияния данных факторов на показатели шкал НТН проведен двухфакторный ДА с апостериорным критерием Шеффе (для фактора возраста). Проверка однородности дисперсий

¹Критерий Фишера.

²Количество степеней свободы.

выявила отсутствие достоверных различий. На показатели ТН влияют оба фактора. Третья возрастная группа оказалась менее толерантной к неопределенности по сравнению с первой и второй группами (по критерию Шеффе разница в средних значениях составляет $-3,46$ с первой группой и $-3,27$ ($p < 0,01$) со второй). Аналогично мужчины менее толерантны по сравнению с женщинами ($M_{\text{м}} = 56,14$; $M_{\text{ж}} = 60,95$; $p < 0,01$). При этом величина влияния по фактору пола составила $5,7\%$, а по фактору возраста – $1,6\%$.

Результаты ДА позволили установить влияние фактора пола на показатели ИТН: мужчины значительно более интолерантны к неопределенности, нежели женщины ($M_{\text{м}} = 56,14$; $M_{\text{ж}} = 60,95$; $p < 0,01$). При этом сила влияния фактора пола на показатели ИТН невелика ($5,9\%$). Это позволяет говорить об универсальности показателей ИТН в отношении данных факторов.

Проверка однородности дисперсий по шкале МИТН показала достоверные различия в дисперсиях ($F = 2,34$; $df(5,903)$; $p = 0,04$). В связи с этим проверка различий по этой шкале проводилась с помощью однофакторного ДА с апостериорным критерием Шеффе (для фактора возраста) и t -критерия Стьюдента (для фактора пола). Установлено отсутствие достоверных различий в дисперсиях. Третья возрастная группа значительно менее интолерантна к неопределенности в межличностных отношениях по сравнению с первой и второй группами (разница в средних значениях составляет $-3,64$ и $-2,96$ ($p < 0,01$) соответственно). Однако влияние фактора возраста на показатели МИТН оказалось слабым и составило 3% . Проверка различий по фактору пола для данной шкалы позволила выявить значимые различия между мужчинами и женщинами ($M_{\text{м}} = 30,36$; $M_{\text{ж}} = 34,51$; $p < 0,01$): женщины меньше принимают неопределенность в отношениях, чем мужчины. Однако к полученному результату следует относиться с осторожностью, поскольку дисперсии в сравниваемых группах оказались достоверно различны ($F = 5,25$; $p = 0,02$). Учитывая разницу в средних значениях ($4,15$) и опираясь на результаты предыдущего анализа по шкалам опросников НТН и ЛФР, касающихся фактора профиля образования, и степень влияния факторов возраста (по шкалам ТН и ИТН) и профиля образования, можно предположить, что воздействие фактора пола на показатели МИТН, как и в остальных аналогичных случаях по другим шкалам, является слабым.

Проверка однородности дисперсий по обоим шкалам опросника ЛФР показала достоверные различия ($F_{\text{РАЦ}} = 6,34$; $F_{\text{ТКР}} = 3,26$; $df(5,949)$; $p < 0,01$), и применение двухфакторного ДА является некорректным. Поэтому анализ результатов проводился методами, которые применялись при оценке МИТН.

По шкале «рациональность» проверка однородности дисперсий по критерию Ливена вновь по-

казала достоверные различия ($F = 13,76$; $df(2,952)$; $p < 0,01$). Поэтому, несмотря на полученные значимые различия между группами по фактору возраста, к этому результату следует относиться с осторожностью. По фактору пола также получены значимые различия между мужчинами и женщинами ($M_{\text{м}} = 6,59$; $M_{\text{ж}} = 4,36$; $p < 0,01$): мужчины ожидаемо оказались рациональнее женщин. Однако, как и в случае с фактором возраста, проверка однородности дисперсий показала достоверные различия ($F = 15,66$; $p < 0,01$). Тем не менее, опираясь на результаты предыдущих сравнений средних значений по данной шкале, степень влияния факторов при такой разнице в средних значениях, данные автора опросника, в частности общие нормы (которые также не зависят от возраста) для мужчин и женщин, можно сделать вывод о том, что измеряемое личностное свойство достаточно неспецифично относительно факторов возраста и пола.

По шкале «готовность к риску» проверка однородности дисперсий показала отсутствие достоверных различий. Результаты однофакторного ДА позволили выявить значимые различия между первой и второй возрастными группами: готовность к риску уменьшается с возрастом (разница в средних значениях $0,91$; $p = 0,015$). При этом влияние данного фактора на показатели готовности к риску составляет всего около 1% , что свидетельствует о неспецифичности измеряемого личностного свойства относительно возраста. Проверка различий по фактору пола данной шкалы показала, что мужчины больше готовы к риску, нежели женщины ($M_{\text{м}} = 3,13$; $M_{\text{ж}} = 1,48$; $p < 0,01$). Однако, как и в случае со шкалой рациональности, к этому результату следует относиться с осторожностью ввиду достоверных различий в дисперсиях сравниваемых групп ($F = 12,50$; $p < 0,01$). При этом разница в средних значениях между мужчинами и женщинами составляет $1,65$. Полагаем, что готовность к риску является довольно универсальным и неспецифичным свойством относительно фактора пола.

Таким образом, профиль образования, возраст и пол в определенной степени оказывают влияние на личностные свойства респондентов. Так, по выраженности ТН – ИТН можно выделить две противоположные группы: студенты профиля «Коммуникации» и выборка военнослужащих. Студентов характеризует стремление к изменениям, новизне и оригинальности (ТН), а военнослужащих, напротив, к ясности и упорядоченности (ИТН). При этом в сфере межличностных отношений военнослужащие показывают противоположную тенденцию: меньше стремления к ясности и контролю, чем у остальных групп испытуемых. Кроме того, они более рациональны и готовы к риску при принятии решений, что обусловлено, на наш взгляд, спецификой их рода деятельности и фактором пола. Отдельно стоит подчеркнуть, что при типологии испытуемых следует ориентировать-

ся на показатели (среднее значение и стандартное отклонение по шкалам) каждой конкретной группы, поскольку тестовые нормы отражают распределение оценок именно по выборке стандартизации. Проводя диагностику, необходимо руководствоваться универсальными нормами, которые будут подчеркивать различия, обусловленные спецификой деятельности респондентов. В нашем случае при диагностике среди военнотружущих больше окажется интолерант-

ных к неопределенности, а среди психологов – толерантных.

На втором этапе исследования была проведена стандартизация опросников НТН и ЛФР для общей выборки испытуемых в возрасте от 17 до 40 лет. Поскольку распределение «сырых» баллов по шкалам опросника НТН соответствовало нормальному виду, была выполнена линейная стандартизация (табл. 3).

Таблица 3

Нормативные данные для шкал методики НТН

Table 3

Normative data for the scales of the NTN

Шкалы	Показатель	Баллы	Стены
ТН	Низкий	43 и менее	1
		44–46	2
		47–50	3
	Средний	51–54	4
		55–58	5
		59–62	6
		63–65	7
	Высокий	66–69	8
		70–72	9
		73 и более	10
ИТН	Низкий	46 и менее	1
		47–52	2
		53–58	3
	Средний	59–63	4
		64–68	5
		69–73	6
		74–77	7
	Высокий	78–81	8
		82–83	9
		84 и более	10
МИТН	Низкий	16 и менее	1
		17–19	2
		20–23	3
	Средний	24–27	4
		28–32	5
		33–36	6
		37–41	7
	Высокий	42–44	8
		45–47	9
		48 и более	10

Распределение «сырых» баллов по шкалам методики ЛФР-25 примерно соответствует нормальному виду. Однако из-за наличия в шкалах отрицательных значений стандартизация опросника была выполнена в два этапа. На первом из них было проведено нелинейное преобразование «сырых» баллов в процентильные эквиваленты. На втором этапе проценти были преобразованы в нормализованные показатели (стенайны), что обусловлено несколькими причинами. Во-первых, проценти не показывают различий между тестовыми оценками, поскольку

они, по сути, «отражают относительное положение каждого индивидуума в выборке» [15, с. 9]. Во-вторых, ответы испытуемых соотносятся с целыми числами (+1, 0 и –1) и в результате суммарный балл по шкале выражен целым числом. В-третьих, при переводе в проценти соответствующие им «сырые» баллы являются дробными, что крайне неудобно для психолога, проводящего диагностику. В таблице 4 представлены нормативные данные в виде шкалы стенайнов для оценки рациональности и готовности к риску по методике ЛФР-25.

Таблица 4

Нормативные данные для шкал методики ЛФР-25

Table 4

Normative data for the LFR-25 scales

Шкалы	Показатель	Баллы	Стенайны
Рациональность	Низкий	–4 и менее	1
		–3...–1	2
		0–3	3
	Средний	4–5	4
		6–7	5
		8–9	6
		10	7
	Высокий		8
		11 и более	9
Готовность к риску	Низкий	–6 и менее	1
		–5...–4	2
		–3...–2	3
	Средний	–1...–1	4
		2–3	5
		4–5	6
		6–7	7
	Высокий	8–9	8
		10 и более	9

Таким образом, в результате исследования выявлены значимые различия в выраженности ТН, ИТН/МИТН (опросник НТН), рациональности и готовности к риску (ЛФР) в зависимости от профиля образования, возраста и пола испытуемых. Установлено слабое влияние названных факторов на показатели методик. Впервые проведена стандартизация актуального и востребованного исследовательской практикой инструментария, направ-

ленного на изучение отношения респондентов к неопределенности и их личностных свойств, влияющих на принятие решений. Стандартизация методик позволит в дальнейшем осуществлять диагностику лиц разного пола, возраста и рода деятельности. Кроме того, полученные нами тестовые нормы дают возможность соотносить результаты исследований, выполненных на разных группах испытуемых.

Библиографические ссылки

1. Карпов А. В. Процессы принятия решений в структуре управленческой деятельности // Психол. журн. 2000. Т. 21, № 1. С. 62–77.
2. Wagener S., Gorgievski M., Rijdsdijk S. Businessman or host? Individual differences between entrepreneurs and small business owners in the hospitality industry // Serv. Ind. J. 2010. Vol. 30, issue 9. P. 1513–1527.

3. Katsaros K. K., Nicolaidis C. S. Personal traits, emotions, and attitudes in the workplace: their effect on managers' tolerance of ambiguity // *Psychol.-Manag. J.* 2012. Vol. 15, issue 1. P. 37–55.
4. Walls M. R. Measuring and utilizing corporate risk tolerance to improve investment decision making // *Eng. Econ.* 2005. Vol. 50, № 4. P. 361–376.
5. Yurtsever G. Tolerance of ambiguity, information, and negotiation // *Psychol. Rep.* 2001. Vol. 89, issue 1. P. 57–64.
6. Блинкова Е. С., Любимова О. М. Особенности жизнестойкости в контексте ситуаций неопределенности на примере топ-менеджеров организаций [Электронный ресурс] // *NovaInfo*. 2016. Т. 4, № 47. С. 290–299. URL: novainfo.ru (дата обращения: 14.09.2017).
7. Леонов И. Н. Влияние толерантности к неопределенности на стратегии совладающего поведения у менеджеров // *Изв. Сарат. ун-та. Новая сер. Акмеология образования. Психология развития*. 2015. Т. 4, вып. 3. С. 259–262.
8. Краснов Е. В. Эмоциональный интеллект и толерантность к неопределенности как предикторы результативности деятельности военных руководителей // VII Международная конференция по когнитивной науке : тез. докл. (Светлогорск, 20–24 июня 2016 г.). М., 2016. С. 353–355.
9. Морозов А. А. Динамика влияющих на принятие решений личностных свойств и когнитивного стиля «толерантность к неопределенности» у различных категорий военнослужащих // Научные труды Республиканского института высшей школы. Ист. и психол.-педагог. науки : сб. науч. ст. 2016. Ч. 2. Вып. 16. С. 162–170.
10. Об утверждении и введении в действие Общегосударственного классификатора Республики Беларусь ОКРБ 011-2009 «Специальности и квалификации» [Электронный ресурс] // постановление Министерства образования Респ. Беларусь, 2 июня 2009 г., № 36. URL: pravo.newsby.org/belarus/postanov7/pst872/index.htm (дата обращения: 14.09.2017).
11. Корнилова Т. В. Психология риска и принятия решений. М. : Аспект Пресс, 2003.
12. Корнилова Т. В. Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности // *Психол. журн.* 2010. Т. 31, № 1. С. 74–86.
13. Наследов А. Д. SPSS 19: профессиональный статистический анализ данных. СПб. : Питер, 2011.
14. Cohen J. Statistical power analysis for the behavioral sciences. New York : Lawrence Erlbaum Associates, 1988.
15. Батулин Н. А., Мельникова Н. Н. Технология разработки тестов. Часть III // *Вестн. ЮУрГУ. Сер. Психология*. 2010. Вып. 8, № 4. С. 4–18.

References

1. Karpov A. V. Processes of decision-making in the structure of management activity. *Psikhol. zhurn.* 2000. Vol. 21, No. 1. P. 62–77 (in Russ.).
2. Wagener S., Gorgievski M., Rijdsdijks S. Businessman or host? Individual differences between entrepreneurs and small business owners in the hospitality industry. *Serv. Ind. J.* 2010. Vol. 30, issue 9. P. 1513–1527. DOI: 10.1080/02642060802624324.
3. Katsaros K. K., Nicolaidis C. S. Personal traits, emotions, and attitudes in the workplace: their effect on managers' tolerance of ambiguity. *Psychol.-Manag. J.* 2012. Vol. 15, issue 1. P. 37–55. DOI: 10.1080/10887156.2012.649991.
4. Walls M. R. Measuring and utilizing corporate risk tolerance to improve investment decision making. *Eng. Econ.* 2005. Vol. 50, No. 4. P. 361–376. DOI: 10.1080/00137910500348434.
5. Yurtsever G. Tolerance of ambiguity, information, and negotiation. *Psychol. Rep.* 2001. Vol. 89, issue 1. P. 57–64. DOI: 10.2466/pr0.2001.89.1.57.
6. Blinkova E. S., Lyubimova O. M. [The features of resilience in the context of uncertainty situations on the example of top managers of organizations]. *NovaInfo*. 2016. Vol. 4, No. 47. P. 290–299. URL: novainfo.ru (date of access: 14.09.2017) (in Russ.).
7. Leonov I. N. Influence of tolerance towards uncertainty on the strategy of coping behavior in managers. *Izv. of Saratov Univ. New Ser., Educ. Akmeol. Dev. Psychol.* 2015. Vol. 4, issue 3. P. 259–262 (in Russ.). DOI: 10.18500/2304-9790-2015-4-3-259-261.
8. Krasnov E. V. Emotional intelligence and tolerance to uncertainty as predictors of military leaders' performance. VII International conference on cognitive science : abstracts (Svetlogorsk, 20–24 June, 2016). Moscow, 2016. P. 353–355 (in Russ.).
9. Morozov A. A. Dynamics of the personal properties influencing decision-making and cognitive style «tolerance to ambiguity» at various categories of the servicemen. *Science works of Republican Institute of Higher Education. Hist. and psychol.-pedagog. sci.* : collect. of sci. art. 2016. Part 2. Issue 16. P. 162–170 (in Russ.).
10. On approval and implementation of the state classifier of Republic of Belarus ОКРБ 011-2009 «Specialties and qualifications». Decree of the Ministry of education of the Republic of Belarus. 2 June, 2009, No. 36. URL: pravo.newsby.org/belarus/postanov7/pst872/index.htm (date of access: 14.09.2017).
11. Kornilova T. V. [Psychology of risk and decision-making]. Moscow : Aspect Press, 2003 (in Russ.).
12. Kornilova T. V. Tolerance-intolerance of ambiguity new questionnaire. *Psikhol. zhurn.* 2010. Vol. 31, No. 1. P. 74–86 (in Russ.).
13. Nasledov A. D. [SPSS 19: professional statistical analysis of data]. Saint Petersburg : Piter, 2011 (in Russ.).
14. Cohen J. Statistical power analysis for the behavioral sciences. New York : Lawrence Erlbaum Associates, 1988.
15. Baturin N. A., Mel'nikova N. N. Technology of test development. Part III. *Bull. South Ural. State Univ. Ser. Psychol.* 2010. Issue 8, No. 4. P. 4–18 (in Russ.).

УДК 159.9.072

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ КАЧЕСТВЕННЫХ И КОЛИЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ СУБКУЛЬТУРНОГО ФРЕЙМИРОВАНИЯ

В. Ю. КАДЕВИЧ¹⁾

¹⁾Гродненский областной клинический центр «Психиатрия – наркология», ул. Обухова, 15, 230003, г. Гродно, Беларусь

Рассматриваются возможности использования некоторых качественных и количественных методов исследования культурного и субкультурного фреймирования, позволяющих выявить, типизировать и изучить культурные фреймы различных социальных групп. Отмечается, что последовательное сочетание предложенных методов, а именно контент-анализа, лингвистического ассоциативного эксперимента, метода оценочной биполяризации, факторного анализа и *H*-критерия Краскела – Уоллиса, дополненного попарным сравнением по *U*-критерию Манна – Уитни, помогает находить оптимальные ресурсы и возможности для изучения субкультурного фреймирования. Сделан вывод о том, что применение указанных методов способствует целостной интерпретации результатов количественно-качественных исследований.

Ключевые слова: фрейм; культурное фреймирование; методологическая триангуляция; оценочная биполяризация; контент-анализ.

POSSIBILITIES OF USING SOME QUALITATIVE AND QUANTITATIVE METHODS IN A RESEARCH OF A SUBCULTURAL FRAMING

V. Y. KADEVICH^a

^aGrodno Regional Clinical Center «Psychiatry – Narcology», 15 Abuchava Street, Grodno 230003, Belarus

The article deals with the possibilities of using some qualitative and quantitative methods of studying cultural and subcultural framing, which allow to identify, typify and study the cultural frames of various social groups. A consistent combination of the proposed methods, namely, content analysis, linguistic associative experiment, the method of semantic differential and estimated bipolarization, factor analysis and Kruskal – Wallace *H*-criterion supplemented by a pairwise comparison with the Mann – Whitney *U*-test, allows us to find optimal resources and opportunities for studying subcultural framing. The application of these methods creates the possibility of an integral interpretation of the results of quantitative and qualitative research.

Key words: frame; cultural framing; methodological triangulation; estimated bipolarization; content analysis.

В последнее время пристальный интерес вызывают процессы, происходящие в субкультурах различных обществ, поскольку во всех них присутствуют группы, отличающиеся от большинства, имеющие свои взгляды на жизнь, а также нравы и культуру. Эта система ценностей той или иной

группы и называется «субкультурой». Она формируется под влиянием различных факторов: возрастных, национальных, религиозных, социальных, профессиональных и т. д. Следовательно, несмотря на то что все люди нашей страны принадлежат к одной материнской культуре, указанные (и мно-

Образец цитирования:

Кадевич В. Ю. Возможности использования некоторых качественных и количественных методов в исследовании субкультурного фреймирования // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 1. С. 116–120.

For citation:

Kadevich V. Y. Possibilities of using some qualitative and quantitative methods in a research of a subcultural framing. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 1. P. 116–120 (in Russ.).

Автор:

Василий Юрьевич Кадевич – психолог отделения пограничных состояний.

Author:

Vasily Y. Kadevich, psychologist at the department of border states.
vasilykadevich@gmail.com

гие другие) отличия подразделяют ее на субкультуры, которые влияют на становление личностей членов соответствующих групп. Таким образом происходит фреймирование, рамочная установка восприятия, поведения, убеждений. Эти рамки формируют определенный образ жизни и мышления, а также взгляды и поступки, т. е. субкультуру данной группы.

Затрагивая вопрос методологии, методов и методик исследования субкультурного фреймирования, стоит обратить внимание на мнение доктора психологических наук, профессора В. А. Янчука, изложенное в статье «Проблема теоретико-эмпирического изучения культурного фрейминга близкородственных культур и этносов» [1]. Автор отмечает, что сложность изучения культурного фрейминга близкородственных культур определяется прежде всего тем, что традиционно используемые методологии и инструментарий проведения кросс-культурных сравнений изначально ориентированы на языковые, ценностные и другие различия как основополагающие. Выявить же различия при их сходстве, обусловленном в том числе продолжительной историей совместного проживания с общей идеологией, крайне затруднительно, что предполагает поиск принципиально новых методологических, инструментальных и методических решений. Возникает ряд непростых вопросов: что именно выражает сущностные характеристики сформировавшихся различий; какая эмпирическая фактура должна находиться в фокусе внимания; наконец, какая методология и какой инструментарий являются наиболее продуктивными?

Как утверждает В. А. Янчук, «социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива углубления понимания психологической феноменологии акцентирует внимание на текстовой опосредованности ее изучения, требующей скрупулезной работы по реконструкции многочисленных контекстов, определяющих аутентичность описания, объяснения и интерпретации. Это обуславливает продуктивность использования возможностей дискурсного, нарративного, конверсационного и герменевтического анализа, а также диалогических методологий, позволяющих реконструировать контексты, определяющие глубинные значения и смыслы, экзистенциальные переживания, выявлять процессуальные и динамические особенности диалогического формирования разделяемых полей значений и переживаний в межличностном взаимодействии с учетом их интерсубъективного и интертекстуального характера» [2, с. 312–313].

Исходя из вышесказанного, еще одним междисциплинарным методом в социальных науках, позволяющим изучать культурное и субкультурное фреймирование, является *контент-анализ*. Это специальный метод качественно-количественного ана-

лиза содержания документов, понимаемых в широком смысле (официальные и личные документы, материалы массовой и межличностной коммуникаций, литературы и искусства, сочинений и т. д.).

Суть контент-анализа заключается в систематической и надежной фиксации определенных единиц изучаемого содержания, а также в квантификации получаемых данных. В последние годы этот метод приобрел весьма широкое распространение в исследованиях материалов массовой коммуникации.

Поскольку специфика любой науки связана прежде всего с ее предметом и эмпирическими объектами исследований, контент-анализ в социальной психологии применяется в первую очередь для изучения человеческого общения, коммуникаций и их субъектов как представителей конкретных микро- и макрогрупп. При этом непосредственными объектами исследования выступают документы, рассматриваемые в качестве сообщения. Понятие «сообщение» является социально-психологическим, в нем акцентируется динамический характер объекта, его включенность в коммуникационную систему, что подразумевает зависимость сообщения от личностных и групповых особенностей коммуникатора и реципиента. Поэтому в методологическом аспекте при использовании контент-анализа в социальной психологии важно рассматривать сообщение как элемент коммуникационной системы в его отношениях с другими элементами.

В исследовании фреймирования контент-анализ дает возможность выделить из текстовых массивов (сообщений) конструкты, составляющие фреймы, и типизировать их. Описывать коммуникативное поведение и субкультурное фреймирование сложно, поскольку они зависят от многих факторов, затрудняющих типизацию, в ходе которой необходимо учитывать, что представители той или иной группы считают своим, а что – привнесенным извне, что они считают главным, а что – второстепенным [3].

К достоинствам метода контент-анализа относятся [4]:

- возможность избежать влияния исследователя на изучаемый объект (элиминировать «эффект присутствия») по сравнению, например, с опросными методами;
- высокая степень надежности получаемых данных (документы наиболее удобны для перепроверки);
- возможность исследования социально-психологических явлений в историческом плане посредством анализа документов прошлого;
- широкая доступность использования принципа лонгитюдного изучения (в том числе для целей прогнозирования).

Не менее распространенным методом исследования субкультурного фрейминга также является *ассоциативный эксперимент*, основанный на методе свободных ассоциаций, одном из первых проективных методов психологии.

На практике применяется несколько методик ассоциативного эксперимента. Наиболее распространенная из них – методика незаконченных предложений, которая относится к группе проективных методик, направленных на исследование личности и выработанных в рамках проективного диагностического подхода.

Самым существенным признаком проективных методик служит использование в них неопределенных, неоднозначных (слабо структурированных) стимулов, которые испытуемый должен конструировать, развивать, дополнять и интерпретировать. В соответствии с проективной гипотезой каждое эмоциональное проявление индивидуума, его восприятия, чувства, высказывания, двигательные акты несут на себе отпечаток личности. Это известный вербальный методический прием, позволяющий получить более непосредственную реакцию на изучаемый предмет в процессе исследования.

Ассоциативный эксперимент в исследованиях субкультурного фрейминга – это прежде всего метод изучения свободных реакций представителей различных групп и общностей на заданный стимул. Испытуемому предлагается продолжить серию незаконченных предложений, состоящих из нескольких слов. Главные преимущества ассоциативного эксперимента заключаются в простоте и удобстве его применения.

Данные, полученные с помощью ассоциативных методик, обрабатываются методом контент-анализа, что позволяет выявить содержательные особенности исследуемого предмета или образа, которые определяют социально-психологическую окраску изучаемого вопроса, явления, предмета, имиджа, представления и т. д.

Лингвистический ассоциативный эксперимент помогает обнаружить и собрать те ассоциативные конструкты и фреймы, которые при дальнейшей обработке и категоризации будут составлять основу, указывающую на существование различий в субкультурном фреймировании [3].

Еще одним методом исследования субкультурного фреймирования, а также типизации и классификации фреймов является *оценочная bipolarization*, которая может использоваться на субстрате, полученном в результате обработки первичных данных (сочинений, ассоциаций или иных сообщений) методом контент-анализа. Bipolarные измерения широко распространены в психологических исследованиях личности, качества которой описываются парными прилагательными – антонимами («сильный – слабый», «трудолюбивый – ленивый», «хороший – плохой» и т. д.).

В контексте методов оценочной bipolarization испытуемому предлагается оценить объект исследования с помощью предложенного набора шкал-антонимов путем выбора одного из двух возможных полюсов оценки. Среди методов оценочной bipolarization более распространены шкалированные наборы антонимов, где в процессе работы испытуемый оценивает степень выраженности у стимула различных качеств.

В практике bipolarных измерений личности применяются опросники типа полярных профилей М. Форверга и семантического дифференциала Ч. Осгуда; тесты, содержащие перечни bipolarных факторов, Дж. Гилфорда, Р. Кеттела, Г. Айзенка; построение репертуарных решеток Келли и др. [4].

Способность личности к bipolarной оценке свидетельствует о двунаправленности ее отношений: человек вычленяет себя из окружающего мира с помощью оценки степени своей схожести с другими людьми и, как следствие, либо противопоставляет себя им, либо включает их в систему своего внутриличностного общения, что также является составляющей частью культурного фреймирования [3].

Bipolarная оценка, таким образом, служит способом установления степени подобия индивида качествам тех «значимых других», которые попадают в его перцептивную сферу. Сравнение себя с другими с помощью bipolarной оценки оказывается основным механизмом социальной перцепции и субкультурного фреймирования реальности.

Важнейшее преимущество методов оценочной bipolarization состоит в том, что стимулом для оценивания может выступать любой объект (социальная роль, событие, ситуация, отношения и т. д.), поэтому они получили широкое распространение во всех сферах психологии. Методы оценочной bipolarization могут служить целям персонотрии аналогично социотрии. Персонотрия вскрывает структурные характеристики личности как индивидуального субъекта общения, социотрия – структурные характеристики группы как социального субъекта [4].

Значимость этих исследований заключается в возможности выявить людей с различным уровнем социально-психологической совместимости по степени их сходства в способности оценивать других людей и самих себя, а также фреймирования ими реальности. Это важно для комплектования групп, подбора руководителей, изучения особенностей различных социальных групп и субкультур и достижения взаимопонимания в условиях культурного многообразия современного мира [3].

Затрагивая вопрос о статистическом исследовании фреймирования, можно говорить об эффективности применения *факторного анализа*, поскольку матрица результатов оценивания методов оценочной bipolarization может быть обработана с по-

мощью математических процедур редукции данных. В этом случае для выделения редуцированных структур часто применяется факторный анализ. Его методология и процедуры разрабатывались именно в связи со спецификой психологических проблем, поэтому авторами разработок можно по праву считать психологов Ф. Гальтона, Ч. Спирмена, Л. Терстоуна, Р. Кеттела и Г. Айзенка.

Факторный анализ – метод комплексного, системного изучения и измерения воздействия факторов на величину результативного показателя.

Факторной структурой описания стимула называется редуцированная до небольшого количества признаков (факторов) с помощью процедуры факторизации экспериментально полученная совокупность векторов, характеризующих значения в заданном семантическом пространстве оценивания.

Факторизация – это редукция большой базы данных к структуре с малым (сравнимым с объемом оперативной памяти человека) количеством значимых факторов для дальнейшего качественного анализа. Фактор представляет собой вектор, связанный значимыми коэффициентами веса с несколькими переменными (признаками).

Данный вид анализа позволяет исследователю решить две основные задачи: описать предмет измерения компактно и в то же время всесторонне. С помощью факторного анализа можно выявить факторы, отвечающие за линейные статистические связи корреляций между наблюдаемыми переменными.

К примеру, анализируя оценки, полученные по нескольким шкалам, исследователь отмечает, что они сходны между собой и имеют высокий коэффициент корреляции. В этом случае он может предположить, что существует некоторая латентная переменная, с помощью которой можно объяснить наблюдаемое сходство полученных оценок. Такую латентную переменную называют фактором, который влияет на многочисленные показатели других переменных, что приводит к возможности и необходимости отметить его как наиболее общий, более высокого порядка.

Таким образом, выделяются две цели факторного анализа [5; 6]:

- определение взаимосвязей между переменными и их классификация;
- сокращение числа переменных.

Для выявления самых значимых факторов и, как следствие, факторной структуры лучше всего подходит метод главных компонент. Его суть состоит в замене коррелированных компонент некоррелированными факторами. Другой важной характеристикой данного метода является возможность ограничиться наиболее информативными главными компонентами и исключить остальные из анализа, что упрощает интерпретацию результатов. Достоинство его заключается в том, что это

единственный математически обоснованный метод факторного анализа [6].

При анализе в один фактор объединяются сильно коррелирующие между собой переменные. Как следствие, дисперсия между компонентами перераспределяется и получается максимально простая и наглядная структура факторов. После объединения коррелированность компонент внутри каждого фактора между собой будет выше, чем их коррелированность с компонентами из других факторов. Эта процедура также позволяет выделить латентные переменные, что бывает особенно важно при анализе социальных представлений и ценностей.

Таким образом, применение факторного анализа в исследовании субкультурного фреймирования не только структурирует данные, полученные качественными методами, но и переводит исследование на новый – количественный, статистический – уровень, позволяя найти значимые различия и благодаря этому дополнить и обобщить результаты.

Для выявления статистически значимых различий субкультурного фреймирования может быть применен *H-критерий Краскела – Уоллиса*, дополненный *попарным сравнением по U-критерию Манна – Уитни*.

H-критерий Краскела – Уоллиса может быть использован для сравнения более двух независимых выборок по уровню выраженности переменной. Этот критерий обладает наибольшей чувствительностью к различиям и является непараметрическим аналогом однофакторного дисперсионного анализа, отличаясь от него в двух отношениях. Во-первых, критерий Краскела – Уоллиса основан на сравнении не средних значений и дисперсий переменных, а средних рангов. Во-вторых, вместо расчета *F-критерия* на основе сравнения средних рангов с ожидаемыми значениями вычисляется критерий *хи-квадрат* [5].

H-критерий позволяет установить различия признака при переходе от группы к группе, но не указывает на направление этих изменений. В случае выявления существенной закономерности для определения групп, которые значимо отличаются друг от друга, необходимо протестировать все группы попарно [6]. Для этого целесообразно дополнить результаты *H-критерия* попарным сравнением по *U-критерию Манна – Уитни*, который является ему родственным. Этот статистический критерий используется для оценки различий между двумя независимыми выборками по уровню какого-либо признака, измеренного количественно. Метод основан на определении того, достаточно ли мала зона перекрещивающихся значений между двумя вариационными рядами: ранжированным рядом значений параметра в первой выборке и таким же во второй выборке. Чем меньше значение критерия, тем вероятнее, что различия между значениями параметра в выборках достоверны.

Таким образом, являясь одной из центральных и наиболее сложных в психологии, проблема метода исследования в изучении культурного и субкультурного фреймирования приобретает особую значимость и остроту. В настоящей работе представлены некоторые теоретико-методические вопросы и изложены возможности использования описанных выше методов в качестве инструментов социально-психологического исследования и типизации фреймов, а также выявления значимых различий культурного и субкультурного фрейминга.

Методологическая триангуляция находит выражение и обосновывает свою продуктивность в последовательном комбинировании методов: контент-анализ и лингвистический ассоциативный эксперимент – на первоначальном, качественном, этапе исследования; метод оценочной биполяризации, факторный анализ и *H*-критерий Краскела – Уоллиса, дополненный попарным сравнением по *U*-критерию Манна – Уитни, непосредственно

в контексте второго, количественного, этапа исследования.

Применение этих методов создает возможность целостной интерпретации результатов количественно-качественных исследований. Их использование обеспечивает углубленное понимание психологических аспектов социально значимых феноменов, в частности культурного и субкультурного фреймирования, позволяя получить знание, которое не может быть обретоено иным способом, а также предлагает системное объяснение количественных данных, полученных при помощи иных методов.

Предложенные методологический подход, эмпирическая фактура и инструментарий создают необходимые основания для глубинного изучения проблематики культурного фреймирования близкородственных культур, а также расширения горизонтов научного анализа феноменологии межкультурного взаимопонимания.

Библиографические ссылки

1. Янчук В. А. Проблема теоретико-эмпирического изучения культурного фрейминга близкородственных культур и этносов // Этноты развивающейся России: проблемы и перспективы : материалы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Абакан, 14–15 дек. 2012 г.). Абакан, 2012. С. 20–22.
2. Янчук В. А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эклети́ческий подход. Минск : Бестпринт, 2000.
3. Кадевич В. Ю. Методы исследования субкультурного фрейминга студентов гуманитарных, медицинских и технических специальностей // Ступени : сб. науч. ст. студентов, магистрантов и аспирантов. Гродно, 2013. С. 42–46.
4. Методы социальной психологии / под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семенова. Л. : Издательство ЛГУ, 1977.
5. Бююль А., Цёфель П. SPSS: Искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей. СПб. : ДиаСофтЮП, 2005.
6. Наследов А. Д. SPSS : Компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках. СПб. : Питер, 2005.

References

1. Yanchuk V. A. [The problem of theoretical and empirical study of cultural framing of closely related cultures and ethnoses]. *Ethnoses of developing Russia: problems and perspectives* : mater. of V All-Russ. sci.-pract. conf. with int. particip. (Abakan, 14–15 Dec., 2012). Abakan, 2012. P. 20–22 (in Russ.).
2. Yanchuk V. A. [Methodology, theory and method in modern social psychology and personology: integrative-eclectic approach]. Minsk : Bestprint, 2000 (in Russ.).
3. Kadevich V. Y. [Methods of studying subcultural framing of students of humanitarian, medical and technical specializations]. *Stupeni* : collect. of sci. art. of stud., undergrad. and postgrad. stud. Grodno, 2013. P. 42–46 (in Russ.).
4. Kuz'min E. S., Semenov V. E. (eds). [Methods of social psychology]. Leningrad : Publishing House LGU, 1977 (in Russ.).
5. Byuyul' A., Tsefel' P. [SPSS: The Art of Information Processing. Analysis of statistical data and the restoration of hidden patterns]. Saint Petersburg : DiaSoftYUP, 2005 (in Russ.).
6. Nasledov A. D. [SPSS: Computer data analysis in psychology and social sciences]. Saint Petersburg : Piter, 2005 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 20.10.2017.
Received by editorial board 20.10.2017.

УДК 159.943

ВРЕМЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СУБЪЕКТОМ РЕТРОСПЕКТИВЫ КОРРЕКТУРНЫХ ДЕЙСТВИЙ

В. В. ПЛОХИХ¹⁾

¹⁾Южноукраинский национальный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
ул. Старопортофранковская, 26, 65020, г. Одесса, Украина

Рассматривается способность человека к дифференциации и локализации сохраняемых в оперативной памяти событий ретроспективы выполненных действий с различением их темпоральных характеристик. Целью настоящего исследования является экспериментальное определение точностных характеристик временной локализации мужчинами и женщинами различных по значимости событий в оперативной ретроспективе корректурных действий. В экспериментальных заданиях испытуемые-студенты мужского и женского пола (по 37 человек в двух группах) выполняли специальные корректурные действия с массивами цифр и букв за ограниченное время. Установлено, что временная дифференциация ретроспективы корректурных действий и локализация в прошлом событий, значимость которых заранее не определена, осуществляется субъектом с опорой на известные временные ориентиры и отношения последовательности фиксированных в оперативной памяти содержаний. Относительная ошибка временной локализации событий в ретроспективе корректурных действий больше, чем ошибка различения временных ориентиров. Выявлено, что ошибка временной дифференциации событий ретроспективы корректурных действий у мужчин преимущественно меньше, чем у женщин.

Ключевые слова: временная дифференциация; ретроспектива действий; длительность; последовательность; оперативная память; воспроизведение интервалов времени.

Образец цитирования:

Плохих В. В. Временная дифференциация субъектом ретроспективы корректурных действий // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 1. С. 121–129.

For citation:

Plokhikh V. V. Time differentiation of correction actions retrospective by a person. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 1. P. 121–129 (in Russ.).

Автор:

Виктор Владимирович Плохих – доктор психологических наук, профессор; профессор кафедры психологии развития и социальных коммуникаций социально-гуманитарного факультета.

Author:

Viktor V. Plokhikh, doctor of science (psychology), full professor; professor at the department of developmental psychology and social communications, social and humanitarian faculty.
plokhikh_v@ukr.net

TIME DIFFERENTIATION OF CORRECTION ACTIONS RETROSPECTIVE BY A PERSON

V. V. PLOKHICH^a

^aSouth Ukrainian National Pedagogical University named after K. D. Ushynsky,
26 Staroportofrankivska Street, Odessa 65020, Ukraine

The article deals with the human ability to differentiate and localize the retrospective of actions kept in short-term memory considering their temporal characteristics. The study is aimed at experimental determination of accuracy characteristics of temporal locality of events, different by the importance in the operative retrospective of correction actions, by men and women. The study sample involved 37 male and 37 female students divided into two groups. The surveyed performed correction tasks with a number of figures and letters. It has been found that time differentiation of the retrospective of correction actions and localization of events in the past, whose importance is not assessed in advance, is performed by a person relying on famous time references and the bonds between the sequence of events kept in short-term memory. The relative error of time localization of events in the retrospective of correction actions is bigger than the error of differentiation of time references. It has been revealed that the error of time differentiation of events of the retrospective of correction actions is predominantly less in men compared to women.

Key words: time differentiation; retrospective of actions; duration; sequence; short-term memory; reproduction of time intervals.

Введение

Динамичность психического образа зачастую связывается с изменчивостью и текучестью его содержания. Но в более глубоком значении динамика образа раскрывается в устойчивости его смысловых определений и интенций, возможностях поддержания закономерного постоянства в развитии на фоне изменяющихся объективных обстоятельств и вопреки им. Такое закономерное постоянство в изменениях выражается в устойчивости психического отражения, создании соответствующих умственных представлений, целесообразности развития психической активности. Следует полагать, что именно в последнем варианте в наибольшей мере проявляются ресурс и энергия субъекта в реализации его намерений в условиях непрерывно меняющейся и увлекающей в свои изменения объективной действительности.

На уровне организации структуры образа действия правило постоянства в изменениях реализуется в объединении и согласовании актуально значимых содержаний временных планов прошлого опыта, воспринимаемого настоящего и антиципируемого будущего [1; 2]. Такое единство временных планов построения действия определяется, согласно О. К. Тихомирову, увязанной операциональным смыслом [3] длительностью целенаправленного процесса, реализуемой в форме актуальной психологической установки [4]. Нарушение в каком-либо временном компоненте организации оперативного психического образа ведет к его деформациям и отклонениям в регуляторных функциях. И это относится не только к воспринимаемым и антиципируемым содержаниям, без которых субъект

оказывается дезориентированным в событиях действительности и в роли постоянно «догоняющего», но далеко не всегда «успевающего». Это касается и актуализируемых в оперативной памяти (ОП) обстоятельств прошлого [1].

Значение опыта во временной структуре оперативного образа с очевидностью выступает в различных экстремальных ситуациях, например, в авиационных и иных техногенных катастрофах. Отметим лишь отдельные показательные случаи из всего их многообразия [5]. Так, ключевое значение для катастрофы пассажирского парохода «Адмирал Нахимов» в 1986 г. имела цепь грубейших нарушений правил судоходства. Одним из таких нарушений было обязательство капитана сухогруза «Пётр Васёв», врезавшегося в пароход, по снижению хода и освобождению пути пароходу «Адмирал Нахимов» в ситуации сближения на пересекающихся курсах. Капитан сухогруза вследствие чрезмерной концентрации на показаниях системы автоматической радиолокационной прокладки, где суда представлены движущимися светящимися точками, своевременно не сформировал полноценного реального образа ситуации и вовремя не вспомнил о своем обязательстве. Когда же катастрофичность положения стала очевидной, предпринятые последовательные изменения скорости сухогруза оказались безнадежно запоздалыми. Другой пример. В 1972 г. в штатной ситуации захода на посадку в аэропорту Майами по вине опытного экипажа потерпел крушение самолет «Локхид L-1011 Трайстар». Увлеченность пилотов «оживлением» незагоревшейся сигнальной лампочки уже выпущенного носо-

вого шасси заставила их забыть об ответственной предпосадочной полетной обстановке, отвлекла от восприятия предупреждающей сигнализации и не позволила выявить несанкционированное снижение высоты полета. «Борьба» экипажа с сигнальной лампочкой была прервана столкновением воздушного судна с землей. И еще один пример. Основной технической причиной катастрофы «Боинга-737» в Вашингтоне в январе 1982 г. явилось обледенение на крыльях самолета и датчиках полного давления, приведшее к завышению показаний давления в двигателях. Командир воздушного судна, учитывая уже выполненную обработку самолета противобледенительным составом, упустил из внимания последующую значительную временную задержку вылета из-за неблагоприятных погодных условий (шел снег) и не придал значения возможному обледенению. В дальнейшем он, ориентируясь на ложную инструментальную информацию и проигнорировав замечания второго пилота относительно явно заниженных для взлетного режима показаний приборов контроля параметров двигателя, установил на взлете тягу двигателей с дефицитом 25–30 % от требуемой. «Боинг», не набрав высоты, врезался в мост через реку Потомак.

Примером эффективного направленного объединения в образе действий значимых содержаний различных временных планов может быть практика применения метода «опорных точек» при освоении спортсменами сложных гимнастических упражнений и обучении летчиков фигурам высшего пилотажа [6; 7]. Этот метод предполагает выделение и последующую реализацию в сложном действии в интервале от начального момента выполнения до момента достижения цели последовательности промежуточных локальных задач и действий. Характерными в данном случае являются несколько взаимосвязанных аспектов. Во-первых, сложное действие таким образом структурируется, в результате чего выделяются несколько уровней его регуляции с формированием соответствующих целевых и операциональных установок и повышением устойчивости процесса целедостижения. Во-вторых, в таком структурировании создается четкая последовательность промежуточных действий с выделением и уточнением определенных критериев достижения промежуточных целей, что обуславливает повышение качества конечного результата. В-третьих, в отношении вполне обозримого целенаправленного процесса у субъекта последовательно формируются развернутые в пространстве и времени образы, регулирующие достижение промежуточных целей, с информационным наполнением, включающим в себя и начальные условия, и особенности процессуальных изменений, и признаки успешного выполнения действия.

Завершение очередного этапа в процессе достижения конечной цели в рамках актуализиро-

ванной длительности основного действия не означает устранения из ОП субъекта информации об этом этапе как безвозвратно ушедшем в прошлое. Этапное действие может быть реализовано с допустимыми ошибками, не исключающими их последующего накопления и увеличения; в условиях выполнения этого действия могут происходить изначально несущественные, но в дальнейшем обретающие весомую значимость события. Отмеченное выше определяет необходимость сохранения в ОП обстоятельств ретроспективы исполненного для тех случаев, когда имеющие причину в прошлом неожиданные события настоящего требуют обоснованной существенной корректировки усилий субъекта.

В ОП фиксируются не только содержание и условия реализации операций и действий в процессе достижения цели. В памяти человека должны удерживаться временные параметры действий в пределах установленной длительности и в соответствии с заданной последовательностью реализуемых направленных усилий. Иными словами, содержательное наполнение «опорных точек» в одноименном методе по необходимости дополняется темпоральными характеристиками: временной локализацией, интенсивностью и темпом. По своей сути рассматриваемые «опорные точки» вполне согласуются с «особыми точками» психологического времени [4].

Ментальные представления темпоральной информации различны. Эта информация может быть органически вплетена в структуру реализуемого действия и субъективно проявляться в специфических переживаниях темпа, согласованности, опережения или запаздывания [8]. Такое чувственное оформление темпоральных характеристик трудновыделяемо сознанием в содержании оперативного образа и больше переходит на неосознаваемый уровень психической регуляции. Временная информация в ОП достаточно отчетливо может быть представлена в общепринятой системе измерений как своего рода отличительный признак того или иного события. Очевидно, что последний вариант представления временной информации для рационального планирования и оценки временной локализации действий предпочтительнее. В нем используются внешние для психической организации универсальные числовые меры, ориентированные на обращение к часам, ассоциирование «особых точек» с естественными, периодически повторяющимися процессами [4]. В качестве одного из рациональных способов применения числовых мер для определения малых интервалов времени может рассматриваться и ритмический счет [9]. В психологической основе такой счетной измерительной процедуры может быть указано на функционирование «фонологической петли», или блока повторения, в структуре ОП при реализации

соответствующей счетной программы из долговременной памяти [10; 11]. Вместе с тем в естественных условиях деятельности возможности совмещения с основными действиями счетных процедур или даже считывания показаний часов ограничены, а иногда, в силу высокой скорости всех процессов, такое совмещение просто невозможно. Более того, даже если у субъекта имеются в наличии исправные часы, для их использования все же необходим некий своевременный, идущий из подсознания импульс, обоснованно заставляющий отвлечься от выполнения основной программы действий. Иными словами, и для реализации функций сознательной временной регуляции действий необходима управляющая информация, исходящая от неосознаваемого контура психической регуляции [4].

Выделение временной информации в ОП в отношении уже выполненных действий не вызывает особых затруднений, если вопрос касается моментов, имеющих специфический статус «особых точек» психологического времени. Как правило, «особые точки» ассоциируются со значимыми событиями и, прямо или опосредованно, с показаниями часов. Несколько иная ситуация наблюдается в отношении временной локализации событий, находящихся внутри интервала времени между «особыми точками». В таком варианте в отсутствие четких временных обозначений промежуточных событий возникает необходимость обращения субъекта к содержательно емкому, но слабо дифференцированному наполнению эпизодической памяти с возможным выделением по известным отличительным признакам и ассоциативным связям требуемой информации.

Методика исследования

Испытуемыми в настоящем исследовании выступили студенты мужского (возрастные характеристики: $M_e = 20$, $\min = 17$, $\max = 29$) и женского ($M_e = 18$, $\min = 17$, $\max = 28$) пола. В мужской и женской группах было по 37 испытуемых.

В качестве экспериментальных заданий испытуемым предлагалось выполнить последовательность корректурных действий за ограниченное время. Точная продолжительность задания испытуемым не сообщалась. На тренировочные задания отводилось 30 с, на зачетные – 45 с.

В эксперименте было два варианта корректурных заданий. В первом из них от испытуемого требовалось вычеркивать цифру 2 на бумажном бланке со случайным набором цифр, расположенных в следующих друг за другом строках. Второй вариант задания предполагал вычеркивание буквы «К» на бумажном бланке с набором букв для методики «Корректурная проба». Работа испытуемого начиналась в момент запуска («щелчок») и завершалась

Простейшими моделями процесса определения субъектом времени действия без использования внешних хронометров являются модели восприятия, оценки и отмеривания не заполненных и заполненных действиями временных интервалов [12; 13]. В этих моделях границы интервалов времени, имея особую значимость, являются «особыми точками» определяемого психологического времени. Если же граница выделяемого интервала не совпадает с заранее установленными «особыми точками» событийного множества, тогда перед субъектом возникает задача направленной дифференциации ретроспективы выполненного действия с временной локализацией в эпизодической памяти интересующего события и повышением уровня его значимости. Последний вариант моделей темпоральной локализации событий прошлого более исследован в задачах психологической экспертизы, психотерапевтической практике в отношении содержания долговременной памяти в связи с реконструкцией хронологии относительно давних событий [5; 13; 14]. Исследований аналогичной направленности, касающихся оперативного запоминания процесса выполнения действия, обнаружить не удалось.

Предметом настоящего исследования является процесс временной дифференциации (временной локализации событий) субъектом оперативной (удерживаемой в ОП) ретроспективы выполненных корректурных действий. Цель работы – экспериментальное определение точностных характеристик временной локализации субъектами мужского и женского пола различных по значимости событий оперативной ретроспективы корректурных действий.

в момент остановки («щелчок») экспериментатором секундомера.

Предполагалась специальная схема вычеркивания символов. Эта схема в силу приоритетности реализации и требуемой концентрации внимания необходимым образом должна была тормозить возможное отсчитывание времени действий [11; 15]. По ней испытуемый при выполнении любого задания первый найденный знак зачеркивал зеленым карандашом, второй знак – синим, третий знак – красным. В дальнейших зачеркиваниях выдерживалась такая же последовательность чередования цветов. Время зачеркивания первой, второй и третьей букв «К» фиксировалось экспериментатором по секундомеру и отмечалось в бланке исследования.

После выполнения корректурных действий испытуемому предлагалось с помощью секундомера воспроизвести интервал времени от указываемого момента реализации последовательности до ее завершения. В процессе воспроизведения ин-

тервала времени испытуемый нажатием кнопки («щелчок») запускал из исходного состояния секундомер, удерживаемый в положении циферблатом «от себя», и по субъективно отмечаемому факту истечения требуемого интервала нажатием кнопки («щелчок») останавливал его. На специальном бланке экспериментатор фиксировал показания секундомера в качестве ответов испытуемых.

Участники эксперимента в пяти зачетных пробах воспроизводили указываемые экспериментатором интервалы времени. После выполнения задания с вычеркиванием цифры 2 необходимо было воспроизводить его полную продолжительность (проба 1_0). После выполнения задания с вычеркиванием буквы «К» испытуемые воспроизводили полную продолжительность корректурных дей-

ствий (проба 2_0) и интервалы времени, устанавливаемые после опыта, с конечным ограничением в момент завершения задания и с начальным ограничением, относимым к моментам зачеркивания первой буквы зеленым цветом (проба 2_1), синим цветом (проба 2_2) и красным цветом (проба 2_3). Действительные значения воспроизводимых интервалов времени с задаваемыми после опыта границами рассчитывались для каждого испытуемого путем вычитания зафиксированного на бланке значения времени соответствующего корректурного действия от общей продолжительности выполнения задания. Статистические показатели воспроизводимых интервалов времени с задаваемыми после опыта границами в группах испытуемых представлены в таблице 1.

Таблица 1

Величины воспроизводимых испытуемыми в экспериментальных пробах интервалов времени с границами, задаваемыми после зачетного выполнения задания по вычеркиванию в буквенном списке буквы «К»

Table 1

Values of time intervals reproduced by the respondents during experimental tests, with boundaries set after successful test performance on the deletion of the letter «K» (Cyrillic alphabet) in the list of letters

Испытуемые	Статистический параметр, с	Экспериментальные пробы		
		2_1	2_2	2_3
Мужчины	Медиана	43	42	40
	Минимум	44	43	41
	Максимум	42	39	36
Женщины	Медиана	43	42	40
	Минимум	44	43	42
	Максимум	42	40	37

Испытуемые действовали в соответствии со следующей общей инструкцией, которая конкретизировалась применительно к очередному заданию: «При выполнении задания Вам необходимо, последовательно просматривая список знаков от крайнего знака в левом верхнем углу бумажного бланка слева направо по строкам от верхней строки к нижней, зачеркивать требуемый знак (цифру 2 или букву «К»). Знаки вычеркиваются цветными карандашами в следующей повторяющейся последовательности смены цветов: первый знак – зеленый, второй знак – синий, третий знак – красный, четвертый знак – вновь зеленый и т. д. Выполнение задания начинается с момента запуска секундомера экспериментатором («щелчок»), продолжается не более минуты и завершается в момент остановки секундомера экспериментатором («щелчок»). Зада-

ние должно выполняться как можно быстрее и точнее. После выполнения корректурного задания Вам необходимо воспроизвести с помощью секундомера указываемые экспериментатором интервалы времени. Интервалы времени воспроизводятся с помощью секундомера, удерживаемого циферблатом «от себя». Начало воспроизведения – запуск секундомера; завершение – остановка секундомера».

В качестве показателя эффективности воспроизведения испытуемым интервала времени принималась относительная ошибка воспроизведения, рассчитываемая как отношение взятой по модулю разности заданного и воспроизведенного интервалов времени к величине заданного интервала времени. Количественный анализ полученных данных проводился с использованием статистического пакета IBM SPSS Statistics 20.

Результаты исследования

Статистический анализ распределений данных в рассматриваемых выборках на соответствие нормальному закону (критерий Колмогорова – Смирнова) дал положительный результат соответствия. Мужская и женская группы испытуемых сравни-

вались между собой по параметру относительной ошибки воспроизведения интервалов времени в различных экспериментальных условиях (табл. 2). По указанному параметру сравнивались и результаты проб в пределах каждой группы (табл. 3).

Таблица 2

Статистическое сравнение групп мужчин и женщин (*t*-критерий Стьюдента) по показателям относительной ошибки воспроизведения интервалов времени, полученных в экспериментальных пробах

Table 2

Statistical comparison of the groups of men and women (Student's *t*-test) according to the indicators of the relative error of reproducing the time intervals obtained as a result of experimental tests

Испытуемые	Статистический параметр	Экспериментальные пробы				
		1_0	2_0	2_1	2_2	2_3
Мужчины (<i>n</i> = 37)	Среднее, с	0,200	0,222	0,454	0,406	0,442
	Стандартное отклонение, с	0,104	0,104	0,113	0,103	0,084
Женщины (<i>n</i> = 37)	Среднее, с	0,315	0,406	0,534	0,566	0,507
	Стандартное отклонение, с	0,141	0,140	0,126	0,117	0,104
–	<i>t</i> -критерий	3,989	6,437	2,863	6,240	2,988
	Значимость (<i>p</i>)	0,000	0,000	0,005	0,000	0,004

Таблица 3

Статистическое сравнение (*t*-критерий Стьюдента) относительных ошибок воспроизведения интервалов времени, полученных в экспериментальных пробах в группах мужчин и женщин

Table 3

Statistical comparison (Student's *t*-test) of relative errors of time intervals reproduction obtained as a result of experimental tests in the groups of men and women

Испытуемые	Статистический параметр	Сравниваемые пары проб			
		1_0–2_0	2_0–2_1	2_0–2_2	2_0–2_3
Мужчины (<i>df</i> = 36)	<i>t</i> -критерий	1,011	8,485	7,455	10,212
	Значимость (<i>p</i>)	0,319	0,000	0,000	0,000
Женщины (<i>df</i> = 36)	<i>t</i> -критерий	3,840	4,582	5,355	3,709
	Значимость (<i>p</i>)	0,000	0,000	0,000	0,001

Для определения отличий относительных ошибок воспроизведения интервалов времени испытуемыми групп при трех вариантах послеопытной установки границ этих интервалов применялся дисперсионный анализ. Показанием для этого явилось отсутствие статистического различия дисперсий сопоставимых параметров, установленное по крите-

рию Левена для групп мужчин (1,650; *p* = 0,197) и женщин (0,813; *p* = 0,446). Дисперсионный анализ не выявил выраженных статистических отличий между сопоставляемыми относительными ошибками воспроизведения интервалов времени в пробах 2_1; 2_2; 2_3 и в группе мужчин (*F* = 2,261; *df* = 110; *p* = 0,109), и в группе женщин (*F* = 2,373; *df* = 110;

$p = 0,098$). Вместе с тем парное сравнение (t -критерий Стьюдента) рассматриваемых относительных ошибок показало следующие значимые различия: в мужской группе – между результатами пробы 2_2

и результатами проб 2_1 ($t = 3,385$; $df = 36$; $p = 0,002$) и 2_3 ($t = 2,471$; $df = 36$; $p = 0,018$); в женской группе – между результатами проб 2_2 и 2_3 ($t = 2,601$; $df = 36$; $p = 0,013$).

Обсуждение результатов исследования

Выполняя корректурное задание с цифровой информацией, испытуемый должен был удерживать в ОП и критерий правильности решения (цифра 2), и информацию по сопоставлению очередной проверяемой цифры с критерием, и циклическую схему изменения цветов корректуры. При такой загрузке ОП значительная роль в ее функционировании отводится блоку повторения. Исследования показали, что осуществляемая на фоне решения главной задачи догрузка ОП выполнением задачи-дистрактора с цифровой формой представления информации существенно ухудшает результативность основных действий [11; 15]. Более того, если форма представления данных в совмещаемых задачах одинакова (например, цифровая), в памяти возникают эффекты интерференции и искажения значимой информации [10; 11]. В условиях торможения одних действий другими, усугубляемых эффектами интерференции информации и общей значительной загрузкой ОП, применение испытуемыми опирающегося на функции блока повторения отсчитывания продолжительности корректурных действий было если и не невозможным, то однозначно существенно ограниченным. Наряду с этим корректура буквенного экспериментального материала для мужской группы оказалась не проще, а для женской группы – даже сложнее, чем корректура цифр (см. табл. 2 и 3). В последнем случае нагрузка на ОП рабочей буквенной информацией также оказалась препятствием для дополнительных действий отсчитывания временного интервала. Иными словами, в определении продолжительности временных интервалов, заполненных корректурными действиями, испытуемые должны были преимущественно опираться на свое переживание длительности психологического времени, протекающего между моментами начала и завершения выполнения корректурного задания [4; 8].

Полученные величины относительной ошибки воспроизведения полного времени проб выполнения корректурных заданий для мужской группы вполне, а для женской – в приближении соизмеримы с представленными в литературе данными относительно вариабельности воспроизведения незаполненных и заполненных временных интервалов свыше 30 с. Для таких временных интервалов относительная вариабельность, рассчитанная на серии попыток как отношение стандартной ошибки к среднему значению, составляет около 0,25 [12]. Только для корректуры букв ошибка воспроизведения в женской группе явно превышает указан-

ное значение вариабельности (см. табл. 2). Этот результат, как и существенно большая относительная ошибка воспроизведения интервалов времени в женской группе, вряд ли может быть отнесен к случайным. В ранее проведенных нами исследованиях зафиксирован факт повышенной сложности для женщин в сравнении с мужчинами в плане умозрительного установления и выдерживания временных ориентиров в организации действий [4]. В задаче воспроизведения интервалов времени такими ориентирами являются моменты («особые точки») начала и завершения интервала. Разумеется, от ошибки выделения этих моментов зависит и ошибка воспроизведения всего временного интервала.

Как следует из полученных результатов (см. табл. 2 и 3), временная ошибка в пробах, где начало отмеривания продолжительности корректурных действий не совпадает с «особой точкой» исходного момента решения всей задачи, является существенно большей в сравнении со всеми вариантами воспроизведения полной продолжительности решения задач. Необходимо отметить, что такой эффект был получен для сопоставимых по величине интервалов времени (см. табл. 1). Таким образом, представленный результат с очевидностью подтверждает темпоральное своеобразие временных «особых точек» и указывает на особенности придания случившимся событиям статуса временного ориентира.

Не показавшие выраженных отличий в относительных ошибках результаты дисперсионного анализа свидетельствуют в пользу соответствия реальным отношениям в последовательности событий (изменение цвета вычеркивания символов на бланке) сдвигу начала воспроизводимой продолжительности корректурных действий в пределах общего времени решения задачи. И хотя попарные сравнения по t -критерию выявили отдельные отличия между рассмотренными вариантами, в целом можно говорить об эффективности и обоснованности (но с некоторым искажением) дифференциации и локализации момента начала отмеривания испытуемыми заполненного выполненными корректурными действиями интервала времени.

Обобщение литературных данных [1; 2; 4; 6; 8] и представленных экспериментальных результатов свидетельствует о том, что события, имеющие статус «особых точек», в перспективе организации деятельности не утрачивают своей значимости без изменения их смыслового наполнения. Да и при наличии такого изменения благодаря развитым ассоциативным связям и обозначениям эти события

могут быть эффективно использованы в последующих временных определениях. Для наших испытуемых моменты начала и завершения выполнения задания стали отправными при выделении событий в процессе реализации коррективных действий. В случае, когда процедура счета не может активно использоваться, создание субъектом новой «особой точки» опирается на формальное выделение в эпизодической памяти на линии времени искомого местоположения начала отслеживания временного интервала по его соотношению с уже известными «особыми точками» начала и завершения выполнения задания, а также месту в последовательности

смены цветовых признаков решения. В более сложных вариантах жизненных ситуаций новый временной ориентир должен получать особое смысловое определение и необходимые качественные отличительные признаки. Последнее позволяет не только создавать развернутый образ значимого события, но и формировать под новую смысловую установку соответствующую длительность и полагаемую в образе событий и действий «траекторию» закономерных последовательных изменений выделенного процесса. Все это является залогом своевременности и правильности решений субъекта в неожиданных и экстремальных ситуациях.

Выводы

1. В условиях загруженности «фонологической петли» в структуре оперативной памяти реализацией коррективных действий временная дифференциация ретроспективы этих действий и локализация в ретроспективе событий, значимость которых заранее не установлена, выполняется субъектом с опорой на известные временные ориентиры и отношения последовательности зафиксированных в оперативной эпизодической памяти содержаний.

2. Относительная ошибка воспроизведения интервалов времени с локализацией начала их отслеживания в ретроспективе коррективных действий больше относительной ошибки воспроизведения таких же интервалов, но с заранее установленными границами.

3. Точность временной дифференциации ретроспективы коррективных действий у мужчин преимущественно выше, чем у женщин.

Библиографические ссылки

1. Завалова Н. Д., Ломов Б. Ф., Пономаренко В. А. Образ в системе психической регуляции деятельности. М. : Наука, 1986.
2. Ломов Б. Ф., Сурков Е. Н. Антиципация в структуре деятельности. М. : Наука, 1980.
3. Тихомиров О. К. Теоретические проблемы исследования бессознательного // *Вопр. психологии*. 1981. № 2. С. 31–39.
4. Плохих В. В. Психология временной регуляции деятельности человека. Донецк : Ландон XXI, 2011.
5. Шумилов И. С. Авиационные происшествия. Причины возникновения и возможности предотвращения. М. : МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2006.
6. Пономаренко В. А., Завалова Н. Д. Авиационная психология: проблема безопасности летного труда. М. : НИИА и КМ, 1992.
7. Сурков Е. Н. Антиципация в спорте. М. : Физкультура и спорт, 1982.
8. Стрелков Ю. К. Феномен времени в исследованиях транспортного труда // *Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности* / под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М., 2008. С. 200–221.
9. Цуканов Б. И. Время в психике человека. Одесса : Астропринт, 2000.
10. Баддли А., Айзенк М., Андерсон М. Память. СПб. : Питер, 2011.
11. Клатцки Р. Память человека. Структуры и процессы. М. : Мир, 1978.
12. Фресс П. Восприятие и оценка времени // *Экспериментальная психология* / под ред. П. Фресса, Ж. Пиаже. М., 1978. Вып. 6. С. 88–134.
13. Элькин Д. Г. Восприятие времени. М. : Издательство АПН РСФСР, 1962.
14. Суходольский Г. В. Инженерно-психологическая экспертиза дорожно-транспортных происшествий. Харьков : Гуманитарный центр, 2006.
15. Бочарова С. П., Кисель С. Г., Плохих В. В. Связь показателей эффективности оперативной памяти с точностью антиципации в задачах слежения // *Психол. журн*. 1998. Т. 19, № 5. С. 54–59.

References

1. Zavalova N. D., Lomov B. F., Ponomarenko V. A. [Image in the system of psychic regulation of activities]. Moscow : Nauka, 1986 (in Russ.).
2. Lomov B. F., Surkov E. N. [Anticipation in the activity structure]. Moscow : Nauka, 1980 (in Russ.).
3. Tikhomirov O. K. [Theoretical issues of unconscious]. *Vopr. psikh.* 1981. No. 2. P. 31–39 (in Russ.).
4. Plokhikh V. V. [Psychology of time-regulation of human activity]. Donetsk : Landon XXI, 2011 (in Russ.).
5. Shumilov I. S. [Aviation accidents. Reasons of emergence and ways of prevention]. Moscow : Bauman Moscow State Technical University, 2006 (in Russ.).
6. Ponomarenko V. A., Zavalova N. D. [Aviation psychology: the problem of flight safety]. Moscow : NIIA i KM, 1992 (in Russ.).

7. Surkov E. N. [Anticipation in sports]. Moscow : Fizkul'tura i sport, 1982 (in Russ.).
8. Strelkov Y. K. [Phenomenon of time in studying transport labor]. *Problemy fundamental'noi i prikladnoi psikhologii professional'noi deyatel'nosti*. Moscow, 2008. P. 200–221 (in Russ.).
9. Tsukanov B. I. [Time in human psyche]. Odessa : Astroprint, 2000 (in Russ.).
10. Baddli A., Aizenk M., Anderson M. Memory. Saint Petersburg : Piter, 2011 (in Russ.).
11. Klatski R. [Human memory. Structures and processes]. Moscow : Mir, 1978 (in Russ.).
12. Fraisse P. [Perception and assessment of time]. *Eksperimental'naya psikhologiya*. Moscow, 1978. Issue 6. P. 88–134 (in Russ.).
13. El'kin D. G. [Time perception]. Moscow : Publishing House APN RSFSR, 1962 (in Russ.).
14. Sukhodol'skii G. V. [Engineering and psychological expertise of vehicle crash]. Kharkov : Gumanitarnyi tsentr, 2006 (in Russ.).
15. Bocharova S. P., Kisel' S. G., Plokhikh V. V. [The interrelation of indices of operative memory efficiency and the accuracy of anticipation in tracking tasks]. *Psikhol. zhurn.* 1998. Vol. 19, No. 5. P. 54–59 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 27.04.2017.
Received by editorial board 27.04.2017.

УДК 316.662

ПСИХОЛОГИЯ ДАУНШИФТИНГА: СУЩНОСТНЫЕ И ПРИЧИННЫЕ АСПЕКТЫ

Е. А. ТРУХАН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Обсуждаются психологический, экономический, политический, философский и социологический подходы к исследованию феномена дауншифтинга. В рамках психологического подхода проанализированы сущностные и причинные аспекты данного явления. Дауншифтинг рассматривается как особый стиль жизни, альтернативный способ достижения успеха, противоположность карьеризма, механизм психологической защиты, разновидность эскапизма, форма девиантного поведения или расстройство личности, проявление инфантилизации взрослых людей. Определены такие психологические причины дауншифтинга, как ролевой и ценностный конфликты, кризис среднего возраста, индивидуальные особенности биоритмов, профессиональное выгорание.

Ключевые слова: дауншифтинг; социальный статус; карьера; стиль жизни; стресс; выгорание.

PSYCHOLOGY OF DOWNSHIFTING: SUBSTANTIVE AND CAUSAL ASPECTS

Е. А. TRUKHAN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article discusses psychological, economic, political, philosophical and sociological approaches to studying the phenomenon of downshifting. Within the psychological approach, the substantive and causal aspects of downshifting are analyzed. Downshifting is viewed as a specific way of life, an alternative way to achieving success opposed to careerism, a psychological defense mechanism, a kind of escapism, a form of deviant behavior or a personality disorder, a manifestation of infantilization in adults. Psychological reasons for downshifting, such as role and value conflicts, middle age crisis, individual features of biorhythms, and professional burnout are defined.

Key words: downshifting; social status; career; lifestyle; stress; burnout.

Дауншифтинг¹ как сознательное и добровольное понижение социального, экономического и профессионального статуса, отказ от деятельности, связанной с престижем и одновременно стрессом, ради психологического благополучия, личностного развития или заботы о семье и собственном здоровье может проявиться у специалиста любой профессии.

Принято считать, что дауншифтерами чаще становятся люди творческих профессий или IT-специалисты. Однако К. Гамильтон в своем исследовании показал, что к дауншифтингу прибегают представители различных социальных групп, как мужчины, так и женщины [1]. Как правило, это люди среднего возраста, добившиеся достаточно

¹Термин «дауншифтинг» (от англ. *down shifting* – сдвиг вниз) впервые был использован в 1991 г. американской журналисткой Сарой Бен Бреатна в статье «Жизнь на пониженной передаче: дауншифтинг и новый взгляд на успех в 90-е», опубликованной в газете «Вашингтон Пост».

Образец цитирования:

Трухан Е. А. Психология дауншифтинга: сущностные и причинные аспекты // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 1. С. 130–134.

For citation:

Trukhan E. A. Psychology of downshifting: substantive and causal aspects. *J. Belarus. State Univ. Philos. Psychol.* 2018. No. 1. P. 130–134 (in Russ.).

Автор:

Елена Антоновна Трухан – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры психологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Elena A. Trukhan, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences.
elena.an.t@tut.by

высокого социального и профессионального положения [2–4].

Приобщение к группе дауншифтеров может происходить по следующим сценариям [5]:

- смена места пребывания (например, переезд из города в деревню, жизнь на Гоа или Бали);
- смена рода деятельности (например, отказ от карьеры бухгалтера и самореализация в профессии тренера по дайвингу);
- изменение времени, затрачиваемого на работу, увеличение свободы в принятии решений (идеология фриланса или создания собственного бизнеса);
- «планирование побега»: человек еще не решился на осуществление изменений, но уже почувствовал их необходимость в своей жизни и потребность приобщения к группе дауншифтеров.

Дауншифтинг, согласно Д. А. Горской, может быть *карьерным* (добровольное понижение в должности, переход на фриланс или другой вид деятельности); *географическим* (кардинальная смена места проживания, новое место жительства является противоположным предыдущему и отличается экологичностью, уединенностью, размеренностью ритма жизни – например, в сельской местности) и *ценностным* (изменение структуры потребления, отношения к деньгам и материальным благам) [6].

Кроме того, дауншифтинг подразделяют на «легкий» и «глубокий» [4]. Первый из них не требует полного разрыва с привычным укладом жизни и начинается с карьерного дауншифтинга (добровольное понижение в должности с сопутствующим уменьшением заработка), перехода на удаленную работу на внештатных должностях в качестве фрилансера, волонтерские позиции или в другую сферу деятельности, предполагающую меньший груз ответственности и большее количество досугового времени, или же возвращение к учебе для самореализации в новой, как правило творческой, профессии. Важной особенностью «легкого» дауншифтинга является также возможность в случае необходимости восстановить прежнее положение, ведь многим стратегия дауншифтинга представляется лишь своеобразной «игрой на понижение» и часто избирается людьми неосознанно.

«Глубокий» дауншифтинг предусматривает радикальное изменение стиля жизни, в первую очередь связанное с социально-географической мобильностью, проявляющейся в смене места жительства на менее престижное и урбанизированное, и представляет собой своего рода «побег» и полный отказ от трудовой деятельности.

В процессе анализа научной литературы нами определено пять основных подходов к изучению дауншифтинга:

- экономический;
- политический;

- социологический;
- философский;
- собственно психологический.

Рассмотрим подробнее каждый из них.

Согласно экономическому подходу дауншифтинг – это новый вид, новая стратегия трудового и потребительского поведения [4; 7], в частности альтернативный способ обретения дауншифтером трудовой независимости [8] и антипотребительство. Массовое распространение дауншифтинга в настоящее время связывают с экономическим кризисом 2008 г.

Исследователи Р. Г. Пашко и Т. А. Левкович рассматривают дауншифтинг как форму трудового поведения в постиндустриальную эпоху. Белорусов они считают нацией «работяг», при этом отличительной особенностью белорусских адептов дауншифтинга, по их мнению, является не пресыщенность хорошей карьерой, а бегство от плохой [9].

В контексте политического подхода под дауншифтингом понимается социальное антибизнес-движение, призванное осуществить духовную революцию в виде отказа от экономических благ [4; 8]. В этом смысле дауншифтинг выступает отражением определенной пресыщенности общества вследствие высокого экономического развития, стабильности и социальных гарантий, что приводит к ослаблению борьбы за выживание и социальные права, общей пассивности людей.

Изменения в социальной структуре развитых стран и появление новой страты, особой социальной группы дауншифтеров с добровольной нисходящей мобильностью исследует социологический подход [3; 8; 10].

Согласно Е. В. Лисовой, значимость базовых стратификационных критериев (доход и род деятельности) в эмпирических исследованиях стала снижаться на фоне увеличения веса неудобных для стратификационного анализа культурной и эмоциональной составляющих. В ближайшей перспективе исходное предположение о высокой взаимной корреляции социальной и экономической стратификаций, возможно, больше не будет подтверждаться эмпирически [8].

Опираясь на анализ интернет-дневников (блогов) членов сообществ дауншифтеров, где они описывают свою жизнь «до» и «после», Я. В. Овечкина составила социологический портрет российского дауншифтера: это житель мегаполиса с высшим образованием, у которого был опыт работы в крупной компании или ведения собственного бизнеса и стабильный заработок, чаще всего у него имеется собственное жилье, возрастной диапазон – от 26 до 40 лет [10].

Особая жизненная философия и взгляды на мироустройство дауншифтеров, основанные на идеях «опрощения» [3; 6] и неоиндивидуализма («жизнь

ради себя», «отказ от чужих целей»), представлены в философском подходе.

Идеи отказа от вещиизма не являются новыми или радикальными, еще стоики и киники в Античности проповедовали очень скромную жизнь. Некоторые религии видят в простоте единственную цель, к которой следует стремиться. В христианской, исламской, индуистской религиях и у буддистских монахов важную роль играет отказ от материальных ценностей [11].

Сущность дауншифтинга с позиций психологического подхода можно определить следующим образом. Дауншифтинг рассматривается как:

- особый стиль жизни, названный Д. Элгин *simple living* («простая жизнь»), или *voluntary simplicity* («добровольная простота»);

- противоположность карьеризма (снижение ценности карьеры и мотивации к карьерному росту [12], отказ от престижной работы и имиджевых вещей [7]). Людям, отказывающимся от карьеры, согласно А. И. Прихидько, в большей степени характерна внутренняя мотивация, нежели внешняя [13];

- альтернативный способ достижения успеха [10; 12; 14]. В исследовании А. М. Рикеля и Д. Д. Когель было выявлено, что дауншифтеры выстраивают собственную парадигму достижений; отказываясь от карьеры как ценности, они вместе с тем не снижают для себя ценности успеха и ищут альтернативные пути его достижения [12]. Работник, достигнув плато карьеры – предела карьерного развития, при котором вероятность дальнейшего повышения эффективности труда и самосовершенствования крайне мала, – переходит к построению не трудовой, а социальной карьеры (семья, хобби и т. д.) [14];

- своеобразный механизм психологической защиты у тех людей, которые не смогли справиться с трудностями конкурентной борьбы [8];

- разновидность эскапизма, ухода от реальности в мир фантазий и иллюзий. Образ жизни хикикомори, отказывающихся от взаимодействия с социальным миром, также причисляют к дауншифтингу;

- проявление инфантилизации, личностной незрелости взрослых людей. Поступки дауншифтера напоминают поведение ребенка, часто не желающего делать то, что нужно, а делающего только то, что хочется или интересно [13]. Типичный портрет кидалта («взрослого ребенка»): мужчина в возрасте около 30 лет и старше, представитель среднего класса, работает преимущественно в офисе, IQ средний и выше, почти всегда холост – совпадает с упомянутым выше социологическим портретом дауншифтера;

- форма девиантного поведения или расстройство личности (депрессивное, обсессивно-компульсивное или аутистическое). Чрезмерный неконформизм, отказ от социально одобряемой модели

поведения или стремление к абсолютной автономности у дауншифтеров могут быть симптомами некоторых клинических синдромов, например синдрома Аспергера.

В числе возможных причин дауншифтинга в научных источниках упоминаются следующие:

- кризис среднего возраста. Переосмысление своей жизни, пересмотр собственных установок и ценностей, обесценивание всего достигнутого на определенном этапе жизненного пути могут привести к дауншифтингу в том случае, если построение личностной идентичности происходило через сферу профессиональной занятости. Как показало исследование С. Н. Ермаковой, в начале профессионального пути смыслом работы для респондентов была проверка собственных сил, самоутверждение, достижение определенного социального статуса, стабильного материального положения и твердой почвы под ногами. Позже они переосмыслили свою трудовую деятельность: на первый план вышли содержание работы (респонденты формулировали это как «интересная работа», «удовольствие и удовлетворение от работы»), возможность личностного роста и развития, самореализации в работе [2];

- индивидуальные особенности биоритмов. Жизнь в мегаполисе подчинена ритмам, отличным от природных (несколько рабочих смен, в том числе работа ночью; жесткие графики выходных дней и отпусков). Постоянное напряжение, неконтролируемый информационный поток и ускоряющийся темп современной жизни в «перегретых» городах с «быстрым» социальным временем могут, по мнению А. С. Минеевой, вызвать стремление к более сбалансированному и «медленному» образу жизни. Дауншифтинг в данном случае выступает средством достижения психологического и временного комфорта для себя и своих близких [4];

- ролевой конфликт. Дауншифтинг может стать одним из способов устранения противоречий между профессиональной и семейной ролями. Для некоторых людей быть хорошим работником значит быть плохим отцом (матерью, сыном и т. п.). Чувство вины перед семьей из-за того, что приходится уделять много внимания и сил работе, отсутствие поддержки и одобрения своей профессиональной деятельности со стороны значимых людей, постоянное ощущение дефицита времени могут привести к отказу от карьеры [15];

- ценностный конфликт. Часто ролевые конфликты сопровождаются ценностными – несогласованностью и несовместимостью личностных и корпоративных установок и убеждений;

- профессиональное выгорание. Накопившуюся усталость, эмоциональное выгорание называют среди ключевых причин, побуждающих принять решение об уходе с работы [2]. Стремление снизить расходование эмоциональных и энергетических ре-

сурсов путем отстранения от рабочих нагрузок и обязанностей, увеличения дистанции в общении с коллегами может способствовать выбору дауншифтинга как ответа на действие профессиональных стресс-факторов [16].

В заключение следует отметить, что многие ученые прогнозируют серьезные изменения в систе-

ме трудовых и социальных отношений, связанные с быстрым и массовым распространением дауншифтинга. Главный же негативный эффект дауншифтинга для общества – уход опытных и высококвалифицированных специалистов, утрата ими профессиональных навыков, разрыв сложившихся социальных связей.

Библиографические ссылки

1. Hamilton C. Downshifting in Britain: a sea-change in the pursuit of happiness. Discussion paper № 58. Canberra : The Australia Institute, 2003.
2. Ермакова С. Н. Дауншифтинг: социально-психологический феномен // Мониторинг обществ. мнения: эконом. и социал. перемены. 2012. № 6. С. 97–107.
3. Овечкина Я. В. Дауншифтинг как проявление социального ретритизма // Социал.-эконом. явления и процессы. 2013. № 8. С. 168–172.
4. Минеева А. С. Дауншифтинг как альтернативная стратегия трудового поведения в современном обществе // Современное общество и труд : сб. науч. ст. / редкол.: Р. В. Карапетян [и др.]. СПб., 2014. С. 245–254.
5. Мерзлякова В. Н. Альтернативные модели успешности в современной культуре: дауншифтинг // Вестн. обществ. мнения: данные, анализ, дискуссии. 2008. № 4. С. 33–42.
6. Горская Д. А. Дауншифтинг как актуальная социокультурная практика и жизненный выбор // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки : электрон. сб. статей по материалам XXXIV Междунар. студенч. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 22 сент. 2015 г.). № 7. URL: [http://sibac.info/archive/social/7\(33\).pdf](http://sibac.info/archive/social/7(33).pdf) (дата обращения: 01.06.2017).
7. Янусь И. Г. Дауншифтинг как инструмент карьерного продвижения // Управління розвитком. 2014. № 3. С. 81–85.
8. Лисова Е. В. Дауншифтинг: стратификационные эффекты // Эконом. социология : электрон. журн. 2008. Т. 9, № 2. С. 56–65. URL: <http://ecsoc.msses.ru> (дата обращения: 01.06.2017).
9. Пашко Р. Г., Левкович Т. А. Дауншифтинг как жизненная траектория в постиндустриальном обществе // Предпринимательство в Беларуси: опыт становления и перспективы развития : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 10 апр. 2014 г.). Минск, 2014. С. 271–273.
10. Овечкина Я. В. Перспективы распространения явления дауншифтинга в современном обществе: анализ ценностных ориентаций специалистов Москвы и Санкт-Петербурга // Совр. исследования социал. проблем : электрон. науч. журн. 2015. № 10. URL: <http://sisp.nkras.ru> (дата обращения: 01.06.2017).
11. Яцевич О. Е. Дауншифтинг: от истории к современности // Теория и практика обществ. развития. 2015. № 9. С. 184–186.
12. Рикель А. М., Когель Д. Д. Особенности ценностно-мотивационной сферы дауншифтеров // Вопр. психологии. 2015. № 6. С. 84–94.
13. Прихидько А. И. Дауншифтинг как социально-психологический феномен // Психол. исследования : электрон. науч. журн. 2008. № 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.06.2017).
14. Козлова О. П. Организационный дауншифтинг преподавателей высших учебных заведений [Электронный ресурс] // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2013. Т. 6, № 1. URL: <http://cyberleninka.ru> (дата обращения: 01.06.2017).
15. Алешина Ю. Е., Лекторская Е. В. Ролевой конфликт работающей женщины // Вопр. психологии. 1989. № 5. С. 80–88.
16. Трухан Е. А. Конфликт ролей, ролевая неопределенность и профессиональное выгорание // Психологическое сопровождение образовательного процесса : сб. науч. ст. / редкол.: О. С. Попова [и др.]. Минск, 2013. Вып. 3. С. 317–324.

References

1. Hamilton C. Downshifting in Britain: a sea-change in the pursuit of happiness. Discussion paper No. 58. Canberra : The Australia Institute, 2003.
2. Ermakova S. N. Downshifting: socio-psychological phenomenon. *Monitoring Publ. Opinion : Econ. Soc. Chang. J.* 2012. No. 6. P. 97–107 (in Russ.).
3. Ovechkina Y. V. Downshifting as manifestation of social retreatism. *Soc. Econ. Phenom. Process.* 2013. No. 8. P. 168–172 (in Russ.).
4. Mineeva A. S. [Downshifting as alternative strategy of labor behavior in the modern society]. *Sovremennoe obshchestvo i trud* : collect. of sci. art. Saint Petersburg, 2014. P. 245–254 (in Russ.).
5. Merzlyakova V. N. Alternative patterns of success contemporary culture: downshifting. *Russ. Publ. Opinion Herald: data, anal., discussions.* 2008. No. 4. P. 33–42 (in Russ.).
6. Gorskaya D. A. [Downshifting as actual sociocultural practice and life choice]. *Nauchnoe soobshchestvo studentov XXI stoletiya. Obshchestvennyye nauki* : electron. collect. of sci. art of XXXIV Int. stud. sci.-pract. conf. (Novosibirsk, 22 Sept., 2015). No. 7. URL: [http://sibac.info/archive/social/7\(33\).pdf](http://sibac.info/archive/social/7(33).pdf) (date of access: 01.06.2017) (in Russ.).
7. Yanus' I. G. [Downshifting as instrument for career advancement]. *Upravlinnya rozvitkom.* 2014. No. 3. P. 81–83 (in Russ.).

8. Lisova E. V. Downshifting: stratification effects. *J. Ekon. Soc.* 2008. Vol. 9, No. 2. P. 56–65. URL: <http://ecsoc.msses.ru> (date of access: 01.06.2017) (in Russ.).
9. Pashko R. G., Levkovich T. A. [Downshifting as life trajectory in the postindustrial society]. *Predprinimatel'stvo v Belarusi: opyt stanovleniya i perspektivy razvitiya* : mater. of XI Int. sci.-pract. conf. (Minsk, 10 April, 2014). Minsk, 2014. P. 271–273 (in Russ.).
10. Ovechkina Y. V. The possibilities of spreading of the downshifting in modern society: the value landmarks analysis of Moscow and St. Petersburg specialists. *Mod. res. soc. : electron. sci. j.* 2015. No. 10. URL: <http://sisp.nkras.ru> (date of access: 01.06.2017) (in Russ.). DOI: 10.12731/2218-7405.2015-10-10.
11. Yatsevich O. E. Downshifting: from history to modernity. *Theor. pract. soc. dev.* 2015. No. 9. P. 184–186 (in Russ.).
12. Rikel' A. M., Kogel' D. D. Motivation and values of downshifters. *Vopr. psikh.* 2015. No. 6. P. 84–94 (in Russ.).
13. Prihid'ko A. I. Downshifting as socio-psychological phenomenon. *Psikhologicheskiye issledovaniya*. 2008. No. 1. URL: <http://psystudy.ru> (date of access: 01.06.2017) (in Russ.).
14. Kozlova O. P. Organization downshifting for higher school teachers. *Interexpo Geo-Siberia*. 2013. Vol. 6, No. 1. URL: <http://cyberleninka.ru> (date of access: 01.06.2017) (in Russ.).
15. Aleshina Y. E., Lectorskaya E. V. [Working woman's role conflict]. *Vopr. psikh.* 1989. No. 5. P. 80–88 (in Russ.).
16. Trukhan E. A. Role conflict, role ambiguity and professional burnout. *Psikhologicheskoe soprovozhdeniye obrazovatel'nogo protsessa* : collect. of sci. art. Minsk, 2013. Issue 3. P. 317–324 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 05.06.2017.
Received by editorial board 05.06.2017.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ОЛИМПИАДА ПО ПСИХОЛОГИИ «ПСИОЛИМП-2017»

STUDENTS' OLYMPIAD IN PSYCHOLOGY «PSYOLYMP-2017»

Впервые студенческая олимпиада по психологии «ПсиОлимп» проводилась кафедрой психологии БГУ в 2010 г., и с тех пор состязание организуется раз в два года. Участниками первого конкурса стали шесть команд, состоящих из студентов-психологов БГУ. В 2015 г. олимпиада приобрела статус республиканской, а с 2017 г. – международной (в ней принимали участие 11 команд из 9 высших учебных заведений России, Украины и Беларуси).

Цель олимпиады заключается в актуализации у студентов-психологов профессиональных способностей к научно-исследовательской и практической деятельности в области психологии. В олимпиаде принимают участие студенческие команды. Допускается участие сборных команд, в состав которых входят студенты разных групп, специализаций и курсов. Состязание проходит в два этапа: заочный и очный. На каждом из них студенты проходят испытания на определение уровня знаний и умений в области общей, социальной, медицинской и педагогической психологии. Работы команды в отборочном туре оцениваются в пяти номинациях. В «Исследовательском проекте» разрабатывается план изучения одной из тем различных отраслей психологии. В «Учебном видеофильме» командам нужно подготовить наглядный видеоматериал по одной из предложенных тем. В «Решении психологических кейсов» требуется знание

теории и научное обоснование принятых решений и заключений. Участникам необходимо проявить также и творческие способности во «Внутривузовской номинации», выполняя задания по созданию юмористических зарисовок из студенческой жизни, шаржей на преподавателей психологии или рекламы учебного курса. В испытании «ψ-эрудиция» члены команды проходят онлайн-тестирование по четырем дисциплинам: общей, педагогической, медицинской и социальной психологии. Во второй этап олимпиады проходят только сильнейшие команды¹. На этом этапе команды состязаются не только в знаниях и эрудиции, но и в сценическом мастерстве, креативности и сработанности в рамках трех конкурсных номинаций: «Визитка команды», «Цена ошибки» и «Мозговой штурм». Победителям олимпиады вручается переходящий кубок, на основании которого гравировается название команды. Финалисты и победители в отдельных номинациях награждаются дипломами и ценными призами. В «ПсиОлимп-2017» победителем стала команда «Когнитивный диссонанс» (Киевский национальный университет им. Т. Шевченко), второе место с минимальным отставанием заняла команда «Эдипов альянс» (БГУ), на третьем месте оказалась команда «Лесные психологи» (Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка). Финалистами олимпиады стали

¹Условия прохождения в финал см.: Положение о студенческой олимпиаде по психологии «ПсиОлимп» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ffsn.bsu.by/en/psiolimp-polozhenie.html> (дата обращения: 18.11.2017).

команды «Агенты 007±2» (Гродненский государственный университет им. Я. Купалы) и «#тыжпсихолог» (Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого).

За подготовку заданий и проведение олимпиады отвечает организационный комитет, в составе которого председатель И. А. Фурманов, заместитель председателя Г. А. Фофанова, а также А. А. Давидович, Ю. С. Смирнова, А. С. Солодухо, Н. А. Сорока и С. И. Хонский. Оценку выполненных заданий первого этапа осуществляет жюри, в состав которого входят сотрудники кафедры психологии факультета философии и социальных наук БГУ.

Организационный комитет выражает благодарность за помощь в организации олимпиады «ПсиОлимп-2017» руководству, студенческому союзу и творческому союзу факультета философии и социальных наук БГУ, психологической службе БГУ в лице Р. П. Попка, первичной профсоюзной органи-

зации студентов БГУ в лице О. В. Локтевой, Управлению по делам культуры БГУ в лице В. М. Макаревича, а также студентам, магистрантам и аспирантам кафедры психологии университета, вовлеченным в организацию олимпиады. Отдельную благодарность хотелось бы выразить С. Е. Кушмару за создание программного обеспечения конкурса «Цена ошибки».

С результатами и историей олимпиады, условиями ее проведения, а также лучшими работами команд в отдельных номинациях можно ознакомиться на странице олимпиады на сайте факультета философии и социальных наук БГУ¹ и в группе «ВКонтакте»².

Помимо олимпиады кафедрой психологии ежегодно проводится квест-семинар по психологии, к участию в котором приглашаются студенты всех специальностей г. Минска³.

Г. А. Фофанова

¹Студенческая олимпиада по психологии «ПсиОлимп» [Электронный ресурс] // Факультет философии и социальных наук. URL: <http://www.ffsn.bsu.by/ru/psiolimp.html> (дата обращения: 18.11.2017).

²Студенческая олимпиада по психологии «ПсиОлимп» [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: <http://vk.com/psyolymp> (дата обращения: 18.11.2017).

³Квест-семинар по психологии [Электронный ресурс] // Факультет философии и социальных наук. URL: <http://ffsn.bsu.by/ru/kvest-seminar-psi.html> (дата обращения: 18.11.2017) ; квест-семинар «Зов бессознательного» 04.05.2017 [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: https://vk.com/kvest_seminar_bsu (дата обращения: 04.05.2017).

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN THE BSU

УДК 111(075.8)

Барковская А. В. **Метафизика и онтология** [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 02 21 «Философия» / А. В. Барковская ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2017. 246 с. : ил., табл. Библиогр.: с. 211–216. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/186339>. Загл. с экрана. Деп. 29.11.2017, № 009129112017.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) содержит учебный материал по дисциплине «Метафизика и онтология» для студентов специальности «Философия». ЭУМК состоит из теоретического раздела (текст лекций, литература по дисциплине); практического раздела (семинарские занятия по дисциплине, задания в рамках УСР, тематика курсовых работ и творческих заданий); раздела контроля знаний (контрольные и экзаменационные вопросы по дисциплине); вспомогательного раздела (учебная программа, методические карты по дисциплине для дневной и заочной форм обучения; пояснительная записка). Адресуется студентам философского отделения ФФСН БГУ и естественнонаучных и гуманитарных специальностей.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВЫЙ БЕЛОРУССКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС «НАЦИОНАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ»

<i>Зеленков А. И., Гигин В. Ф.</i> Философия объединяет.....	4
<i>Лисеев И. К.</i> Глобальная экология как объединяющее начало становления глобализирующегося мира.....	7
<i>Зеленков А. И.</i> Философия как атрибут классического университета: социокультурные транс-крипции опыта БГУ.....	14
<i>Рубанов А. В.</i> Социальное развитие: поиск новых парадигм	21
<i>Новикова О. В., Новиков В. Т.</i> Неклассическая философия истории: концептуальные особен-ности и основные направления.....	31
<i>Анохина В. В.</i> Белорусская модель социальной трансформации в условиях глобализации рисков.....	41
<i>Щёкин Н. С.</i> Диалог церкви и государства в контексте инновационного развития современного белорусского общества.....	53
<i>Курбачёва О. В.</i> Социально-философское осмысление этнокультурной напряженности в период глобальных вызовов	59

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Кобяк О. В., Андрос И. А.</i> Феномен предпринимательства как объект социологических исследо-ваний	64
<i>Кечина Е. А.</i> Роль практики в процессе обучения социологов (методический аспект)	73
<i>Фомич М. О.</i> Метод медиафрейминга в исследованиях материалов СМИ	78

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Смирнова Ю. С., Зайцева Ю. В.</i> Аттitudes индивидов с хроническими заболеваниями в отно-шении представителей ингруппы и аутгруппы здоровых людей.....	83
<i>Куликович Т. О.</i> Поведенческие реакции на просьбу руководителя совершить неэтичный поступок	92
<i>Катренко О. А.</i> Аксиологическая трансформация общества – сигнал к формированию духов-ных ценностей нового поколения	98

МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Морозов А. А.</i> Стандартизация опросников НТН и ЛФР на белорусской выборке	107
<i>Кадевич В. Ю.</i> Возможности использования некоторых качественных и количественных мето-дов в исследовании субкультурного фреймирования	116

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

<i>Плохих В. В.</i> Временная дифференциация субъектом ретроспективы коррективных дей-ствий	121
<i>Трухан Е. А.</i> Психология дауншифтинга: сущностные и причинные аспекты	130

ХРОНИКА, ИНФОРМАЦИЯ

<i>Фофанова Г. А.</i> Студенческая олимпиада по психологии «ПсиОлимп-2017»	135
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	137

CONTENTS

THE FIRST BELARUSIAN CONGRESS OF PHILOSOPHY «NATIONAL PHILOSOPHY IN THE GLOBAL WORLD»

<i>Zelenkov A. I., Gigin V. F.</i> The philosophy unites	4
<i>Liseev I. K.</i> Global ecology as the unifying beginning of the globalizing world.....	7
<i>Zelenkov A. I.</i> Philosophy as an attribute of classical university: social transcriptions of BSU experience	14
<i>Rubanau A. V.</i> Social development: in search for new paradigm.....	21
<i>Novikova O. V., Novikov V. T.</i> Nonclassical philosophy of history: conceptual characteristics and main schools.....	31
<i>Anohina V. V.</i> Belarusian social transformation model in the context of globalization of risks	41
<i>Shchekin N. S.</i> The dialogue of church and state in the context of innovative development of modern Belarusian society	53
<i>Kurbacheva O. V.</i> Socio-philosophical understanding of ethno-cultural tension in the period of global challenges.....	59

SOCIAL RESEARCHES

<i>Kabiak A. V., Andras I. A.</i> The phenomenon of entrepreneurship as an object of sociological research	64
<i>Kechina E. A.</i> The role of practice in the process of teaching sociologists (methodological aspect)	73
<i>Famich M. O.</i> Framing method in media studies	78

SOCIAL PSYCHOLOGY

<i>Smirnova Y. S., Zaitseva Y. V.</i> Attitudes of individuals with chronic diseases towards members of in-group and outgroup of healthy people	83
<i>Kulinkovich T. O.</i> Behavior's reactions to the request of the chief to perform an unethical action	92
<i>Katrenka A. A.</i> Axiological transformation of society – signal to the formation of spiritual values of new generation.....	98

METHODS OF PSYCHOLOGICAL RESEARCH

<i>Marozau A. A.</i> Standardization of questionnaires of NTN and LFR on Belarusian sample	107
<i>Kadevich V. Y.</i> Possibilities of using some qualitative and quantitative methods in a research of a subcultural framing	116

PERSONALITY PSYCHOLOGY

<i>Plokhikh V. V.</i> Time differentiation of correction actions retrospective by a person	121
<i>Trukhan E. A.</i> Psychology of downshifting: substantive and causal aspects	130

CHRONICLE, INFORMATION

<i>Fofanova G. A.</i> Students' olympiad in psychology «PsyOlymp-2017»	135
Indicative abstracts of the papers deposited in the BSU.....	137

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по философским, психологическим и социологическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета.
Философия. Психология.
№ 1. 2018**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.
Почтовый адрес: ул. Кальварийская, 9, каб. 636, 637,
220004, г. Минск.
Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.
E-mail: jpsychol@bsu.by

«Журнал Белорусского государственного
университета. Философия. Психология»
издается с 2007 г.
До 2017 г. выходил под названием
«Философия и социальные науки»
(ISSN 2218-1385).

Редакторы О. А. Бабашова, О. Л. Диброва
Технический редактор Ю. А. Тарайковская
Корректор А. С. Люкевич

Подписано в печать 31.01.2018.
Тираж 100 экз. Заказ 45.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского
государственного университета».
ЛП № 02330/117 от 14.04.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, г. Минск.

© БГУ, 2018

**Journal
of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology.
No. 1. 2018**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.
Correspondence address: 9 Kaŭvaryjskaja Str., office 636, 637,
Minsk 220030.
Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.
E-mail: jpsychol@bsu.by

«Journal of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology»
published since 2007.
Until 2017 named
«Filosofiya i sotsial'nye nauki»
(ISSN 2218-1385).

Editors O. A. Babashova, O. L. Dibrova
Technical editor Y. A. Taraikouskaya
Proofreader A. S. Lyukevich

Signed print 31.01.2018.
Edition 100 copies. Order number 45.

Publishing Center of BSU.
License for publishing No. 02330/117, 14 April, 2014.
6 Ćyrvonaarmiejskaja Str., Minsk 220030.

© BSU, 2018